

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

ВЕСТНИК ФИНАНСОВОГО УНИВЕРСИТЕТА

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

DOI: 10.26794/2226-7867

Издание перерегистрировано
в Федеральной службе по надзору
в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций:
ПИ № ФС77-67071
от 15 сентября 2016 г.

The edition is reregistered
in the Federal Service for Supervision
of Communications,
Informational Technologies and Media Control:
PI No. ФС77-67071
of 15, September, 2016

Периодичность издания – 6 номеров в год

Publication frequency – 6 issues per year

Учредитель: Финансовый университет

Founder: Financial University

Журнал входит в первую категорию
периодических научных изданий,
рекомендуемых ВАК для публикации
основных результатов диссертаций на
соискание ученых степеней кандидата
и доктора наук, включен в ядро Российского
индекса научного цитирования (РИНЦ)

The Journal is included in the first category
of academic periodicals recommended
by the Higher Attestation Commission for
publishing the main findings of PhD and
ScD dissertations, included in the core of the
Russian Science
Citation Index (RSCI)

Журнал распространяется по подписке.
Подписной индекс 44090 в объединенном
каталоге «Пресса России»

The Journal is distributed by subscription.
Subscription index: 44090 in the consolidated
catalogue “The Press of Russia”

Vol. 13, No. 2, 2023

GUMANITARNYE NAUKI. VESTNIK FINANSOVOGO UNIVERSITETA (HUMANITIES AND SOCIAL SCIENCES. BULLETIN OF THE FINANCIAL UNIVERSITY)

SCIENTIFIC AND PRACTICAL JOURNAL

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

ШАТИЛОВ А.Б., кандидат политических наук, профессор, декан Факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет, Москва, Россия

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

ПЛЯЙС Я.А., доктор исторических наук, доктор политических наук, председатель Профессорского клуба Финансового университета, Москва, Россия

ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

Алексеев С.В., доктор исторических наук, профессор кафедры истории и исторического архивоведения Московского государственного института культуры, председатель Историко-просветительского общества «Радетель», Москва, Россия

Байчунь Ч., доктор философских наук, профессор Пекинского педагогического университета, директор Культурного центра китайско-российских отношений, Пекин, Китай

Борисов Н.А., доктор политических наук, доцент, заведующий Кафедрой теоретической и прикладной политологии, начальник Управления по научной работе, РГГУ, Москва, Россия

Бродовская Е.В., доктор политических наук, профессор Департамента политологии ФСН и МК, директор Центра политических исследований, Финансовый университет, Москва, Россия

Долгополов Н.М., заместитель главного редактора «Российской газеты», член Союза журналистов РФ, член Союза писателей Москвы и Межрегионального союза писательских организаций, Москва, Россия

Елишев С.О., доктор социологических наук, профессор кафедры современной социологии Социологического факультета, МГУ, Москва, Россия

Зубец А.Н., доктор экономических наук, директор Центра социально-экономических исследований Финансового университета, Москва, Россия

Кафтан В.В., доктор философских наук, заместитель руководителя Департамента массовых коммуникаций ФСН и МК по научной работе, Финансовый университет, Москва, Россия

Лукьянов Ф.А., председатель Президиума Совета по внешней и оборонной политике (СВОП), главный редактор журнала «Россия в глобальной политике», Москва, Россия

Мацузато К., доктор права, профессор, Токийский университет, Токио, Япония

Мамедзаде И., доктор философских наук, профессор, директор Института философии, социологии и права НАН Азербайджана, Баку, Азербайджан

Маттес Й., профессор коммуникации, декан Факультета массовых коммуникаций Венского университета, Венский университет, Вена, Австрия

Мелешкина Е.Ю., доктор политических наук, заведующая отделом политической науки ИНИОН РАН, профессор кафедры сравнительной политологии, МГИМО(У) МИД РФ, Москва, Россия

Музашвили Д.З., кандидат философских наук, заместитель декана Факультета социальных наук и массовых коммуникаций по научной работе, Финансовый университет, Москва, Россия

Осипова Н.Г., доктор социологических наук, профессор, декан Социологического факультета, заведующая Кафедрой современной социологии Социологического факультета МГУ, Москва, Россия

Островский А.В., доктор экономических наук, профессор, заместитель директора Института Дальнего Востока Российской академии наук (РАН), Москва, Россия

Полевая М.В., доктор экономических наук, доцент, руководитель Департамента психологии и развития человеческого капитала ФСН и МК, Финансовый университет, Москва, Россия

Расторгуев С.В., доктор политических наук, профессор Департамента политологии ФСН и МК, Финансовый университет, Москва, Россия

Силласте Г.Г., доктор философских наук, научный руководитель Департамента социологии ФСН и МК, Финансовый университет, Москва, Россия

Симонов К.В., кандидат политических наук, профессор, руководитель Департамента политологии ФСН и МК, Финансовый университет, Москва, Россия

Трюэль Ж.-Л., доктор экономических наук, консультант по развитию международных отношений в РФ и странах СНГ, вице-президент Ассоциации экономистов Le Cercle Kondratieff («Кружок Кондратьева»), профессор Университета Париж-12, Париж, Франция

Фёдоров В.В., кандидат политических наук, генеральный директор Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ), Москва, Россия

Цуй Чжэн, кандидат политических наук, профессор, директор Китайской академии открытой экономики Ляонинского университета, Шэньян, Китай

Цыганков П.А., доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник, заместитель заведующего Кафедрой международных отношений и интеграционных процессов, МГУ, Москва, Россия

Шаповалов В.Л., кандидат исторических наук, заместитель директора Института истории и политики, Московский педагогический государственный университет; доцент кафедры политологии, МГИМО МИД России, Москва, Россия

Шрейдер В.Ф., доктор политических наук, Депутат Государственной Думы VI–VII созыва

Уилкоккс К., доктор политических наук, заслуженный профессор кафедры управления Университета Джорджтаун, Вашингтон, США

Эскиндаров М.А., доктор экономических наук, профессор, президент Финансового университета, Научный руководитель, Финансовый университет, Москва, Россия

Южно А.С., кандидат юридических наук, заместитель руководителя Аппарата по взаимодействию с органами государственной власти и правовым вопросам Общественной палаты Российской Федерации, Директор программы Executive MPA, ИГСУ РАНХиГС, Москва, Россия

EDITOR-IN-CHIEF

SHATILOV A.B., Cand. of Political Sciences, Professor, Dean of the Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University, Moscow, Russia

DEPUTY EDITOR-IN-CHIEF

PLYAYS YA.A., D. Sc. of History, Doctor of Political Sciences, Chairman of the Professors' Club of the Financial University, Moscow, Russia

MEMBERS OF THE EDITORIAL BOARD

Alekseev S.V., D. Sc. of History, Professor at the Department of History and Historical Archival Studies of the Moscow State Institute of Culture, Chairman of the Historical and Educational Society "Radetel", Moscow, Russia

Baichun Ch., D. Sc. of Philosophy, Professor, Beijing Normal University, Director of the Cultural Center for Sino-Russian Relations, Beijing, China

Borisov N.A., D. Sc. of Political Science, Associate Professor, Head of the Department of Theoretical and Applied Political Science, Head of the Research Department, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

Brodovskaya E.V., D. Sc. of Political Science, Professor, Department of Politology, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Director of the Center for Political Studies, Financial University, Moscow, Russia

Dolgopolov N.M., Deputy Editor-in-Chief of Rossiyskaya Gazeta, member of the Journalists' Union of the Russian Federation, member of the Writers' Union of Moscow and the Interregional Union of Writers' Organizations, Moscow, Russia

Elishev S.O., D. Sc. of Sociology, Professor, Department of Modern Sociology, Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Zubets A.N., D. Sc. in Economics, Director of the Center for Socio-Economic Research of the Financial University, Moscow, Russia

Kaftan V.V., D. Sc. of Philosophy, Deputy Head for Research of the Department of Mass Communications, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University, Moscow, Russia

Lukyanov F.A., Chairman of the Presidium of the Council on Foreign and Defense Policy (SVOP), Editor-in-Chief of "Russia in Global Affairs" magazine, Moscow, Russia

Matsuzato K., D. Sc. of Laws, Professor, University of Tokyo, Tokyo, Japan

Mammadzade I., D. Sc. of Philosophy, Professor, Director of the Institute of Philosophy, Sociology and Law of the National Academy of Sciences of Azerbaijan, Baku, Azerbaijan

Matthes J., D. Sc. of Political Sciences, Professor of Communication Science, Chair of the Department of Communication, University of Vienna, Vienna, Austria

Meleshkina E.Yu., D. Sc. of Political Sciences, Head of the Department of Political Sciences, INION RAS, Professor of the Department of Comparative Political Sciences, MGIMO(U) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russia

Muzashvili D.Z., Cand. of Philosophical Sciences, Deputy Dean for Research of the Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University, Moscow, Russia

Osipova N.G., D. Sc. of Sociology, Professor, Dean of the Faculty of Sociology, Head of the Department of Modern Sociology, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Ostrovsky A.V., D. Sc. in Economics, Professor, Deputy Director of the Institute of the Far East of the Russian Academy of Sciences (RAS), Moscow, Russia

Polevaya M.V., D. Sc. in Economics, Associate Professor, Head of the Department of Psychology and Human Capital Development, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University, Moscow, Russia

Rastorguev S.V., D. Sc. of Political Science, Professor, Department of Politology, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University, Moscow, Russia

Sillaste G.G., D. Sc. of Philosophical Sciences, Scientific Supervisor of the Department of Sociology, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University, Moscow, Russia

Simonov K.V., Cand. of Political Sciences, Professor, Head of the Department of Politology, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University, Moscow, Russia

Truel J.-L., D. Sc. in Economics, Consultant on the development of international relations in the Russian Federation and the CIS countries, Vice-President of the Association of Economists Le Cercle Kondratieff ("Kondratieff Circle"), Professor at the Paris-12 University, Paris, France

Fedorov V.V., Cand. of Political Sciences, General Director of the All-Russian Public Opinion Research Center (VTsIOM), Moscow, Russia

Cui Zheng, Cui Zheng, Cand. of Political Sciences, Professor, Director of the Chinese Academy of Open Economy, Liaoning University, Shenyang, China

Tsygankov P.A., D. Sc. of Philosophy, Professor, Chief Researcher, Deputy Head of the Department of International Relations and Integration Processes, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Shapovalov V.L., Cand. of Historical Sciences, Deputy Director of the Institute of History and Politics, Moscow State Pedagogical University; Associate Professor, Department of Politology, Moscow State Pedagogical University; Associate Professor, Department of Comparative Politology, MGIMO MFA of Russia, Moscow, Russia

Shreider V.F., D. Sc. of Political Sciences, Deputy of the State Duma of the VI–VII convocation

Wilcox K., D. Sc. of Political Sciences, Distinguished Professor at the Department of Government, Georgetown University, Washington, USA

Eskindarov M.A., D. Sc. in Economics, Professor, President and Scientific Chairman of the Financial University, Financial University, Moscow, Russia

Yukhno A.S., Cand. Sci. of Law, Deputy Head of the Apparatus for Interaction with Government Authorities and Legal Affairs at the Civic Chamber of the Russian Federation, Director of the Executive MPA Program, IGSU RANEPa, Moscow, Russia

DIХI: СЛОВО НОБЕЛЕВСКОМУ ЛАУРЕАТУ

Юнус М. Экономика «трех нет»: нет бедности, безработице и выбросам парниковых газов 6

**ТЕМА НОМЕРА: ОБЕСПЕЧЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ
В УСЛОВИЯХ СВО И «ВОЙНЫ САНКЦИЙ»**

Бродовская Е.В., Парма Р.В., Лукушин В.А., Склярова Н.Ю. Деструктивное информационно-психологическое воздействие на молодежь России в социальных медиа (по материалам круглого стола) 12

Шашкин П.А., Рудаков А.Б., Волобуев С.Г. Мониторинг проблемных ситуаций в сфере культуры как управленческий механизм противодействия социокультурным угрозам российскому обществу и государству 19

Садовников С.В. Технологический суверенитет и демографический рост как ключевые элементы государственной безопасности в условиях текущей геополитической реальности 26

Попова Е.А. Русофобия как инструмент разрушения исторической памяти об итогах Второй мировой войны 38

Цуй Ч., Инь Ц. Вызовы и возможности обеспечения продовольственной безопасности в Центральной Азии в условиях российско-украинского конфликта: реалистичный анализ 42

ФУНДАМЕНТАЛЬНОЕ НАУЧНОЕ ЗНАНИЕ

Комиссаров А.Г., Степашкина Е.А., Соболева О.Б., Гужеля Д.Ю., Селезнев П.С. Общие результаты оценивания надпрофессиональных компетенций у студентов 1–4-го курсов 56

Деникин А.В., Деникина Э.Д., Проскурина А.С. Типология современных цифроориентированных теорий управления в социально-экономической сфере 72

Силласте Г.Г. Семейное предпринимательство как вид гендерно нейтрального предпринимательства: социальная сущность и трудовой потенциал 78

Ахмедова М.Г. Влияние позитивизма на становление социально-философских взглядов Е.В. Де Роберти ... 88

АКТУАЛЬНЫЕ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Андрианов В.В., Сироткин М.С., Баженова М.В. Российские компании в зеркале международных и отечественных ESG-рейтингов 94

Курбанова К.М. Влияние «новой генерации» губернаторов российских регионов на уровень инвестиционного развития в субъектах 106

Мельков С.А., Попов Д.Н., Микрюков В.О. Нужны ли современному управленцу аналитические компетенции (на примере сотрудников Управления экстренного реагирования ЦУКС Главного управления МЧС России по г. Москве) 111

Абдальвахид Мохаммед М.Х. Политизация этнических и племенных компонентов в Судане 117

Лукьяненко К.Т. Технологии противодействия мобилизации протестной активности населения: проблемы и перспективы в условиях проведения специальной военной операции 121

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЭКСКУРС

Медведев С.В., Кочетков Е.Е., Бестаева Е.В. Русско-японская война 1904–1905 годов в документах Департамента полиции и Московского охранного отделения 128

СТАРТАП МОЛОДОГО УЧЕНОГО

Минасов М.И. Технологии трансляции ценностных установок через продукцию Голливуда в 2000–2023 годах 135

DIXI: WORD TO THE NOBEL LAUREATE

Yunus M. The economy of “three noes”: No to poverty, unemployment and greenhouse gases emissions 6

THEME OF THE ISSUE: SUPPORTING THE NATIONAL SECURITY OF RUSSIA IN THE CONDITIONS OF A SPECIAL WAR OPERATION AND THE “WAR OF SANCTIONS”

Brodovskaya E.V., Parma R.V., Lukushin V.A., Sklyarova N. Yu. Destructive Informational and Psychological Influence on Russian Youth in Social Media (Based on Roundtable Discussion Materials) 12

Shashkin P.A., Rudakov A.B., Volobuev S.G. Monitoring the Problematic Situations in Culture as a Management Tool for Counteracting Socio-Cultural Threats to Russian Society and the State. 19

Sadovnikov S.V. Technological Sovereignty and Demographic Growth as Key Elements of State Security in the Current Geopolitical Reality 26

Popova E.A. Russophobia as a Tool for Destroying Historical Memory of the Outcomes of World War II. 38

Cui Zh., Yin J. A Realistic Analysis of the Challenges and Opportunities of Providing the Food Security in Central Asia from the Perspective of Russia-Ukraine Conflict 42

FUNDAMENTAL SCIENTIFIC KNOWLEDGE

Komissarov A.G., Stepashkina E.A., Soboleva O.B., Guzhelya D. Yu., Seleznev P.S. General Results of Assessment of Supraprofessional Competencies of 1st-4th Year Students. 56

Denikin A.V., Denikina Z.D., Proskurina A.S. Typology of Modern Digitally Oriented Management Theories in the Socio-Economic Sphere 72

Sillaste G.G. Family Entrepreneurship as a Type of Gender-neutral Entrepreneurship: Social Essence and Labor Potential 78

Akhmedova M.G. The Influence of Positivism on E.V. De Roberti’s Socio-Philosophical Views Formation 88

CURRENT SOCIO-POLITICAL RESEARCH

Andrianov V.V., Sirotkin M.S., Bazhenova M.V. Russian Companies in International and Domestic ESG Ratings. 94

Kurbanova K.M. Influence of the “New Generation” Governors of Russian Regions on the Level of Investment Development in the Federal Subjects. 106

Melkov S.A., Popov D.N., Mikryukov V.O. Does a Modern Manager Need Analytical Competencies (On the Example of Employees of the Emergency Response Department of the Main Directorate of the EMERCOM of Russia in Moscow). 111

Abdalwahid Mohammed M.H. Politicization of the Ethno-Tribal Component in Sudan 117

Lukianenko K.T. Technologies for Counteracting the Mobilization of Protest Activity of Population: Problems and Prospects in the Context of a Special Military Operation 121

HISTORICAL EXCURSE

Medvedev S.V., Kochetko E.E., Bestaeva E.V. The Russo-Japanese War of 1904–1905 in the documents of the Police Department and the Moscow Guard Department. 128

STARTUP OF YOUNG RESEARCHER

Minasov M.I. Technologies of the Value System Translation through Hollywood Products in 2000–2023 135

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ.
ВЕСТНИК ФИНАНСОВОГО
УНИВЕРСИТЕТА

Международный
научно-практический журнал
Том 13, № 2 (62), 2023

Главный редактор –

А.Б. Шатилов

Заведующий редакцией
научных журналов –

В.А. Шадрин

Выпускающий редактор –

Ю.М. Анютина

Корректор – **С.Ф. Михайлова**

Верстка – **С.М. Ветров**

Переводчик – **Н.А. Пунтус**

Адрес редакции:

125993, Москва, ГСП-3,

Ленинградский пр-т, 53, к. 5.6

Тел.: **8 (499) 553-10-74**

(вн. 10-88)

E-mail: julia.an@mail.ru

[http://www.fa.ru/dep/jgn/](http://www.fa.ru/dep/jgn/about/Pages/default.aspx)

[about/Pages/default.aspx](http://www.fa.ru/dep/jgn/about/Pages/default.aspx)

Оформление подпски

в редакции

по тел.: **8 (499) 553-10-71**

(вн. 10-80)

e-mail: sfmihajlova@fa.ru

С.Ф. Михайлова

Подписано в печать 22.05.2023

Формат 60 x 84 1/8.

Объем 17,5 п. л.

Заказ № 530

Отпечатано в отделе

полиграфии

Финансового университета

(Ленинградский пр-т, д. 51)

© Финансовый университет

Editor-in-Chief – **A.B. Shatilov**

Head of Scientific Journals

Editorial Department –

V.A. Shadrin

Managing editor –

Yu.M. Anyutina

Proofreader – **S.F. Mihaylova**

Design, make up – **S.M. Vetrov**

Translator – **N.A. Puntus**

Editorial address:

53, Leningradsky prospekt, office 5.6

Moscow, 125993

tel.: **+7 (499) 553-10-74**

(internal 10-88)

E-mail: julia.an@mail.ru

[http://www.fa.ru/dep/jgn/](http://www.fa.ru/dep/jgn/about/Pages/default.aspx)

[about/Pages/default.aspx](http://www.fa.ru/dep/jgn/about/Pages/default.aspx)

Subscription in editorial office

tel.: **+7 (499) 553-10-71**

(internal 10-80)

e-mail: sfmihajlova@fa.ru

Signed for press on 22.05.2023

Format 60 x 84 1/8.

Size 17,5 printer sheets.

Order № 530

Printed by Publishing House

of the Financial University

(51, Leningradsky prospekt)

© Financial University

Экономика «трех нет»: нет бедности, безработице и выбросам парниковых газов / The economy of “three noes”: No to poverty, unemployment and greenhouse gases emissions

М. Юнус

В данном материале приведены выдержки из лекции профессора экономики, лауреата Нобелевской премии мира Мухаммада Юнуса, прочитанной им в рамках уникального проекта «Лауреаты Нобелевской премии в Финансовом университете». Для многих слово «микрокредитование» ассоциируется с короткими займами до зарплаты. Но в международной практике микрокредитование — это маленькие кредиты или займы на развитие своего дела. Профессор Юнус получил международное признание именно за эту модель. Деревенский банк Grameen, который он построил в Бангладеш еще в 70-е гг. XX в., успешно функционирует уже больше 50 лет. Кроме того, профессор является одним из основоположников концепции социального бизнеса, которая предполагает не только зарабатывание денег и извлечение прибыли, но в первую очередь достижение социальных целей: изменение мира в лучшую сторону, снижение уровня бедности, а также решение других глобальных проблем.

В начале 70-х гг. прошлого века я начал преподавать в одном из университетов Бангладеш, который только обрел независимость как страна. В то время Бангладеш называли самой бедной страной в мире — 86% населения жили ниже уровня бедности, был ужасный голод. Нужно было искать решение экономических проблем, и мне хотелось использовать те знания, которые я получил за годы своей учебы. Я стал задумываться о том, как принести пользу моему народу. Все экономические теории, которые я изучал, были бесполезны. Я пытался найти альтернативные пути и решил обратиться в ближайшую к моему университету деревню и посмотреть, что можно сделать для людей. Я начал с маленьких вещей и старался делать что-то полезное каждый день. Это продолжалось несколько лет: я познакомился с местными людьми, с их образом жизни.

Мне все это очень нравилось, но существовала проблема: некоторые жители деревни, пользуясь бедственным положением своих соседей, давали им деньги в долг, а в качестве погашения процентов отбирали у них все имущество, все результаты их труда. То есть большинство жителей деревни стали жертвами ростовщиков. Я задумался: могли ли я найти способ помочь этим людям? И я стал говорить беднякам: «Если вам нужны деньги, не обращайтесь к ростовщикам, обратитесь ко мне». Люди отнеслись к этому серьезно, стали обращаться ко мне, а я давал им деньги. Таким образом я спасал их от ростовщиков, и они перестали быть жертвами обмана.

Я спросил у местных банкиров, почему они не дают этим людям деньги? Они ответили, что эти люди не кредитоспособны. Я сказал: «Не нужно

обвинять этих людей, — дело не в отсутствии кредитоспособности или низкой кредитоспособности, а в том, что вы недостойны этих людей. Почему вы не измените свой подход, чтобы начать обслуживать население и давать им в долг? Банкиры должны давать деньги в долг тем, кто в них нуждается, и тогда они смогут повысить свое благосостояние. А вся банковская система выстроена «вверх ногами»: деньги дают тем людям, у которых их много». Конечно же, мои собеседники рассмеялись, а я подумал: почему бы не создать небольшой «сельский» банк, проработать эти процессы и сделать сервис для кредитования населения? В результате длительного процесса я получил разрешение на создание «сельского» банка, где начали выдавать кредиты населению. Он стал популярным, расширился и в конечном итоге распространился по всей стране.

Что именно я сделал, чтобы банк работал эффективно? Я просто смотрел на традиционные банки, изучал их системы и процессы и делал наоборот. Таким образом я создал полную структуру банка. Как же мне это удалось? Есть традиционные банки, которые кредитуют богатых, а чтобы обслуживать интересы бедного населения, процесс нужно инвертировать. Традиционные банки работают с мужчинами, я работаю с женщинами — больше 10 млн заемщиков, 70% — это женщины. Мы сосредоточились на женщинах, и это оказалось очень эффективно. Традиционный банк находится в центре города, а мы приняли решение работать в удаленных деревнях и селах, опять же, все наоборот: не с городским, а с сельским населением. Традиционные банки открывают офисы, а я сказал: «Люди не должны идти в банк, — наоборот, банк должен приходить

к людям». Вот у нас 10 млн заемщиков, и мы каждую неделю приходим к ним для обслуживания. То есть, тоже — наоборот. Традиционные банки просят обеспечение по займу, а я решил, что его в этом банке быть не должно, потому что бедные люди не могут себе это позволить. Считалось, что деньги нельзя давать в долг без обеспечения, а я решил попробовать: может быть, у меня получится. И я сумел сделать так, чтобы все прекрасно работало, я создал систему, где не нужно обеспечение. Нам не нужны юристы, как в традиционных банках, потому что у нас нет обеспечения, нет кипы юридических бумаг, действующих между кредитором и заемщиком. И мы продолжаем работать над тем, чтобы люди получали удобный, комфортный сервис. Наше начинание стало известно как «микрокредитование» и получило распространение по всему миру.

Меня часто спрашивают: «Вы работаете с небогатыми слоями населения, даете людям деньги, чтобы они смогли запустить свой бизнес, заработать средства на поддержание своего существования, а в чем же причина бедности?» Я стал думать над этим, и вот что подсказывает мой опыт: бедность создается не бедными людьми, а системой, которую мы построили вокруг людей. Это и есть причина бедности, а не сами бедные люди. Поэтому, чтобы решить проблему бедности, надо изменить эту систему целиком. Нужно создать другую систему, в которой люди смогут жить лучше, быть свободными, заниматься тем, чем хочется. Текущая система создала стены вокруг бедных людей, а если ее изменить, эти стены падут, исчезнут, и люди выйдут за их пределы и перестанут быть бедными. Это первостепенно.

Я приведу пример: знаете дерево бонсай, карликовые культуры? Вот мы берем семена самого высокого дерева, сажаем их дома в горшок, но бонсай не становится огромным, как в лесу. Вот то же самое происходит в экономике и в жизни. Почему же дерево бонсай не вырастает большим? Ответ очень простой: вы берете качественные семена, но сажаете их в маленький горшок, поэтому ограничиваете их в почве — такого количества хватает только для маленького дерева. И вот бедные люди — это как деревья бонсай: с семенами проблем нет, но пространства недостаточно. Те ограничения, которые система налагает на людей, мешают им, хотя «семена» такие же качественные, как у любого другого члена общества.

Что необходимо сделать? Надо изменить структуру банковской системы, потому что она

неправильная. Она должна быть универсальной, всеобщей и обслуживать не только богатых людей. Кроме того, существует целый ряд проблем, связанных с бедностью. У бедных людей всегда есть какие-то болезни и недуги, и они тратят много времени и денег на лечение себя и членов своей семьи. Нам нужно создать систему здравоохранения, в которой людям не придется тратить много денег на лечение. Одна из важных проблем, которую мы пытаемся решить, — это недостаточное качество питания для детей. Поэтому нами раздавались семена для посадки овощей и фруктов — таким образом население смогло поддерживать качество питания. Также очень важна гигиена. У нас есть направление, благодаря которому во всех сельских районах Бангладеш стали обращать внимание на важность санитарии, гигиены, ставить нормальные туалеты.

Существует также проблема с ископаемым топливом, это является вредным фактором. Часто происходят пожары, потому что в качестве топлива для осветительных приборов используется керосин. Мы постарались его заменить на возобновляемые источники энергии. Была создана компания, которая занимается солнечной энергетикой и производит солнечные панели и аккумуляторы, которые стали очень популярны в селах. Таким образом мы расширили бизнес, вышли на большой масштаб.

Итак, учреждения здравоохранения обеспечивают доступную медицинскую помощь. Много ли денег мы на этом заработали? В учебниках по экономике говорится: «Создавайте бизнес для максимизации выручки и прибыли». Но мы создали бизнес для решения проблем. Мы все делаем правильно, просто в учебниках написано неверно! Там говорится, что бизнес может стать только инструментом максимизации прибыли, а я утверждаю, что его можно создать для решения проблем. Мы не извлекаем из этого личную выгоду, не максимизируем прибыль. И чтобы людям это объяснить, было введено понятие — социальный бизнес. То есть мы утверждаем, что действующая система неверна, потому что бизнес в ней существует только для извлечения прибыли, максимизации выручки.

Почему никто не заинтересован в социальном бизнесе? Постараюсь объяснить. Важно дать правильное определение человеку: кто такой человек, чем он занимается. Человек — это лицо, которым движет личный интерес. В экономике человек представлен как эгоист — все, что делает,

направлено на то, чтобы заработать денег для себя. Считается, что именно так должна быть устроена экономическая система — только один ориентир: заработать денег. Я думаю, что это неверное толкование, — люди руководствуются не только эгоистическими интересами. Да, они могут иметь место, если это единственная движущая сила, но существует еще одна — коллективный интерес, который подразумевает решение проблем общества за счет создания бизнеса. Цель в этом случае — это не вы и ваши интересы, а все люди. Здесь нет выручки для себя, но при этом вы решаете проблему.

Часто люди пытаются решить проблемы путем благотворительности, например установить бесплатные туалеты, выдать бесплатные солнечные панели, аккумуляторы. Почему нужно сконвертировать благотворительность в социальный бизнес? Вложенные в благотворительность деньги не возвращаются — это безвозвратные вложения. Вы решаете проблему только единожды, потому что денег больше нет. Если это перестроить в социальный бизнес, то деньги возвращаются обратно, и таким образом их можно использовать несколько раз. Это очень мощный инструмент. То есть деньги благотворительных организаций работают только один раз, тогда как у средств социального бизнеса срок жизни бесконечный.

Меня спрашивают: почему кто-то должен интересоваться бизнесом, который не приносит выручки и прибыли для себя? Зачем этим вообще заниматься, если не выгодно? Конечно же, деньги являются сильным фактором мотивации, а в социальном бизнесе такого стимула нет. Но деньги — это не единственный фактор мотивации. Зарабатывание денег не сделает вас счастливым, но вы испытаете небывалое, фантастическое чувство, если сделаете счастливыми других людей. Это дополнительный стимул для ведения социального бизнеса: вы видите, что у вас есть возможность исправить жизнь людей, это поразительный опыт! Как только вы сделаете что-то полезное, вы захотите повторить это снова. Это стимул счастья!

Если мы взглянем на экономическую систему в целом — в ней есть и положительные моменты, а есть просто ужасные вещи. Они настолько страшны, что подвергают сомнению возможность продолжения жизни для многих людей. Поэтому она, конечно, непригодна. Глобальное потепление — это один из результатов той системы, которую мы построили. Мы не обращали

никакого внимания на здоровье людей, не беспокоились о состоянии планеты, а хотели только зарабатывать деньги. То есть экономика была предназначена для роботов по зарабатыванию денег — это опасная ситуация. В результате мы «докатились» до глобального потепления, и у нас осталось мало времени на решение проблем, может быть, несколько десятилетий, а после этого все закончится. Текущая экономическая система превратила нас почти в самоубийц. Современная цивилизация характеризуется борьбой за максимальную прибыль. При этом нам говорят, что иной альтернативы, другого стимула для развития экономики не существует. Мы утратили свою идентичность, мы ведем себя, как роботы, и занимаемся зарабатыванием денег. Для построения новой цивилизации мы должны заново «открыть» себя, перевернуть новую страницу.

Каковы же будут основные характеристики и идентификационные признаки этой цивилизации? Попросту говоря, все, что происходит в текущей цивилизации, будет полностью перевернуто. Сейчас у нас глобальное потепление, а в новой цивилизации мы достигнем нулевого выброса углеродов. Сейчас все богатства сконцентрированы в руках нескольких людей, находящихся на «верхушке пирамиды», а те, кто у «подножия», остаются ни с чем. Чем больше богатства отправляется «наверх», тем хуже становится жизнь «внизу». В новой цивилизации богатство будет «двигаться» в направлении простых людей. Но для этого нужно перестроить экономическую систему. Нам нужно создать финансовую систему, ориентированную на социальный бизнес, где вы занимаетесь банковским делом не для того, чтобы зарабатывать деньги, а для того, чтобы решать проблемы людей. В текущей ситуации все нацелены на поиск работы, а новая будет направлена на создание рабочих мест.

У людей есть неограниченные творческие возможности, они готовы использовать их для изменения мира, для того, чтобы заниматься, в том числе, предпринимательством. Поиск работы отнимает у людей творческие возможности — как только вы занимаете какую-то должность, вы теряете их. Теперь вам говорят, что нужно делать, и вы утрачиваете индивидуальность. А вы должны оставаться свободным человеком, а не рабом работодателя. Вы не должны жертвовать творческими возможностями — вот так «работает» микрокредит. Микрокредитование позволило множеству женщин самим найти себе занятие.

Женщины из деревень не могут стать предпринимателями, ведь они безграмотные, они не посещали бизнес-школу. Но у них есть творческие возможности, нужно только дать им денег. В новой цивилизации будет иная финансовая система, которая предотвратит дальнейшую концентрацию богатства в руках небольшой группы людей.

Сейчас все основано на технологиях, а когда искусственный интеллект захватит мир, для человека не останется места на планете. Поэтому мы должны сделать так, чтобы люди реализовывали свои творческие возможности. Такое предпринимательство поможет бороться с безработицей, и нами никто не будет управлять, как это происходит сейчас. Но надо следить за тем, чтобы технологии не переходили границы и не мешали людям самореализовываться. Мы хотим построить «трехнулевую» систему: без углеродных выбросов, без концентрации богатства и без бедности. Чтобы создать такой «клуб трех нулей», нужно только пять человек.

Что же такое «клуб трех нулей»? Каждый человек должен привлечь троих людей. Все они дают обещание, что не будут допускать излишних отходо́в; предпринимать какие-то шаги, способствующие распространению глобального потепления; делать то, что способствует концентрации богатства в их руках и безработице. Когда все члены «клуба» станут сторонниками этой точки зрения, мы будем создавать «семьи трех нулей», «деревни трех нулей». А когда появятся «города трех нулей», где все люди преследуют те же цели, это повлияет на все общество.

Как же трансформироваться в «человека трех нулей»? Это то направление, над которым мы хотим работать. Прежде всего, мы обращаем внимание на молодых людей, поскольку старшее поколение является носителем старых идей. А старые идеи не могут дать новых результатов. Новое поколение должно мыслить по-другому, у них есть способности, чтобы сделать это, они могут создать новый «пункт назначения» и построить дорогу к нему. Если у вас пока еще не сформирован «пункт назначения», вы можете задуматься о «теории трех нулей». Вы должны заботиться друг о друге, и это ускорит наступление новой цивилизации, где не будет войн. В будущем не будет Министерства обороны, а будет «Министерство мира». Будет создана такая цивилизация, где царит мир. Вот то направление, по которому нужно двигаться! Вот те идеи, над которыми мы работаем, — мне кажется, они вполне разумные.

Я очень рад, что социальный бизнес получил распространение во многих странах, и мои идеи подхвачены многими людьми.

Роль правительства в той системе, о которой я говорю, — это своего рода чирлидер, который поощряет людей сделать что-то, а не сам делает что-то. Правительство — это всегда бюрократия, а бюрократия не может управлять экономикой, потому что всегда спускается на индивидуальный уровень. Индивидуализм в капиталистической системе интерпретируется неправильно. Он может делать что-то для других, а не только для себя. Людям это нравится, они расстаются с деньгами: миллиарды, триллионы долларов дают на благотворительность. А у меня просто новые идеи. Вам не нужно изобретать что-то, вы уже этим занимаетесь, но как благотворительностью. Все богатые люди во время войны дают обязательства по раздаче денег. Обязательство — это юридический документ, согласно которому после смерти человека все его деньги переходят в благотворительные фонды. Если люди дают обязательство отдать что-то, у них должны быть возможности использовать эти средства, строить социальный бизнес. Жилье — это социальный бизнес, здравоохранение — социальный бизнес. Везде, где есть проблемы, нужно создавать социальный бизнес. Один из недавних примеров — «Патагония». Это крупная компания в Испании, владельцы которой объявили о том, что они передают все акции (несколько миллиардов) во владение другой компании, вся выручка которой будет использоваться для того, чтобы бороться с глобальным потеплением. Вот что такое социальный бизнес! Вот в чем разница между социализмом, капитализмом и построением социального бизнеса, о котором я говорю.

Нам не нужно беспокоиться по поводу денег — откуда они придут. Если мы преобразуем средства от благотворительности в социальный бизнес, построим его, этот инструмент станет настолько мощным, что мы сможем сформировать иной мир практически мгновенно. Я уже говорил, что у денег благотворительной организации всего «одна жизнь», они невозвратные. Я предлагаю лучшую альтернативу — вместо того, чтобы просто раздавать деньги, давайте создавать социальный бизнес. И здесь мы не стремимся к получению прибыли, не хотим получить деньги только для собственной выгоды — мы строим социальный бизнес, и он сам формирует огромную экономику для решения коллективных проблем.

Как формируется социальный бизнес для решения проблемы безработицы? Это начинается как малый бизнес, допустим, мы нанимаем пять безработных, которые перестают быть безработными. Здесь нет задачи заработать денег: мы берем на работу пять человек, и бизнес становится стабильным, сам себя поддерживает, выходит на самообеспечение. И если есть выручка, она возвращается в бизнес, потому что прибыль не извлекается, она инвестируется. Если сейчас мы можем нанять пять человек, завтра сможем нанять шесть, а еще через день — семь, потому что бизнес растет, средства возвращаются в банк, реинвестируются. И так пять, десять, двадцать человек можно «вытащить» из безработицы. Но эти деньги возвращаются. Они не потрачены единожды, безвозвратно, как в случае благотворительных организаций. Деньги обращаются, крутятся. Я могу так устроить тысячи людей, сотню тысяч, миллион, и бизнес работает по тому же принципу, это вопрос воспроизводимости. Микрокредит — это когда человеку дают денег в долг, он строит бизнес и возвращает средства. И если мы одному человеку можем помочь в таком режиме, то можем и миллиону. Вот так развивается бизнес — механизм построен на самокупаемости, он сам себя поддерживает. Я не говорю, что все бизнесы нужно прекратить, они должны работать дальше. Если у вас есть стремление к тому, чтобы оставить след на планете Земля, нужно понять, что можно сделать, помимо заработка средств в своих интересах. Вы принимаете решения для себя, никто другой не может вам приказать: ни правительство, ни кто-то еще, — именно вы решаете, в чем цель вашей жизни. Вот моя общая мысль, моя общая идея.

Сейчас существует множество технологий, но некоторые из них не приносят прибыль, поэтому они почти никому не интересны. Если использовать другие технологии, допустим, ископаемое топливо, можно заработать много денег. На ВИЭ (возобновляемых источниках энергии) пока много не заработаешь, поэтому они используется меньше, по сравнению с ископаемым топливом. То есть экономическая теория такова, что нужно максимизировать прибыль, и как только мы подключаем эту систему в социальный бизнес, который не предполагает заработка, то картина коренным образом меняется. ВИЭ не дают большой прибыли, но это устойчивый источник энергетики, который дает избыток энергии. Итак, я задействую все технологии, которые

доступны, — они мало кому интересны, потому что у них в несколько раз ниже прибыльность, чем у энергетики, построенной на ископаемом топливе. ВИЭ не применяют, потому что они не дают достаточно прибыли. Как только мы подключаем социальный бизнес, это становится очень привлекательным инструментом: я хочу через социальный бизнес спасти планету, а не деньги себе в карман положить. Когда в центре внимания будут ВИЭ, появится целый ряд других идей. Как только там будет задействован социальный бизнес, появятся новые ВИЭ. Мы не ищем большой прибыли, — как только у нас есть возможность покрыть издержки, открываются новые горизонты, возникают новые технологии. Вот бизнесовая часть цели по нулевым выбросам углерода.

Теперь о роли человека. Я говорю про «клуб трех нулей». Если я вхожу в этот клуб, я вообще не должен потреблять ископаемое топливо. Чем больше количество участников, тем больше будет снижено потребление ископаемого топлива. Быть членом этого клуба — это большое обязательство. Это личное решение: я хочу спасти себя, своих детей. Это мое обязательство, комитмент: я не прикасаюсь к ископаемому топливу, потому что хочу спасти все последующие поколения. Если нужно будет ходить пешком, я буду ходить пешком, потому что я взял на себя обязательство сохранить планету. Когда будет принято личное решение на уровне отдельного человека, то спрос на потребление ископаемого топлива резко снизится, потому что мы больше не захотим его использовать. Несмотря на большое количество энергетических ископаемых, их будет просто некому продавать, они никому не будут нужны. Надо спросить себя: почему я использую ископаемое топливо, почему порчу жизнь себе и будущим поколениям? Необходимо вернуться к базовому фактору «я»: Какова моя роль? Как я могу скорректировать свои действия с тем, чтобы защитить нашу планету, и чтобы мои друзья поступили так же и вступили в «клуб трех нулей»? Мы должны стремиться к искоренению безработицы, выбросов углерода и концентрации благосостояния.

Если бы каждому человеку удалось высвободить свои творческие возможности, создав правительственные институты, это была бы огромная сила. Текущая экономическая система не позволяет людям раскрыть творческий потенциал, цель обратная — ограничить возможности людей. Это совершенно неверно. Рабочее место по найму —

это не высвобождение творческого потенциала, это рабство. Экономика нас дезориентировала, зародила в нас неправильные идеи, направленные на поиск рабочего места. В результате этого мы создали образовательные институты, которые также неправильные, их задача сейчас — выпустить людей, которые заняты поиском работы на фабрике, в офисе и т.д. Берется «сырье» и из него формируется продукт для текущего бизнеса. Это совершенно неверно, это полная дезориентация человека. Люди мечтают и воплощают свои мечты в жизнь. На это и должно быть направлено образование — чтобы помочь людям реализоваться. Оно должно заставить человека задуматься: кем я хочу стать? А ответ должен быть таким: «Я хочу быть самим собой, а не работником компании А или компании Б». Как только мы высвобождаем свою творческую энергию, мы получаем возможность создать социальные предприятия. То есть, если вы видите проблемы вокруг себя, то не ждете, что правительство вас подтолкнет, — у вас есть все возможности, чтобы решить эту проблему. Сейчас мы часто жалуемся на правительство. Но если я могу сделать что-то лучше, чем правительство, почему я должен ждать от него помощи? Я создаю собственные образовательные учреждения, организации здравоохранения, я сам борюсь с бедностью, организую бизнес, который помогает людям вырваться из-под опеки социального обеспечения. Человек не должен ждать, пока кто-то его накормит и даст средства к существованию. Человек создан для того, чтобы заботиться о других. Вот такую систему мы должны выстроить.

Как социальный бизнес вписывается в эту картину? Я говорю не только о нашем банке с 10 млн заемщиков. У тех людей, которые вначале к нам обращались, уже выросли дети, они выучились, некоторые из них пошли в колледжи, в университеты, получили степени магистра или бакалавра, доктора и т.д. А они ждут работы. Я спрашиваю: «Почему вы ждете работы? Ваши матери не ждали какой-то должности. Они получили деньги в нашем банке и открыли свой бизнес. Посмотрите, в чем разница: ваши матери не ходили в школу, но они получили от меня деньги и стали выращивать цыплят, чтобы прокормить себя. А вы пошли в школы, колледжи и стали “искусственными” людьми, которые ждут рабочего места и без должности ничего сами не сделают. Вы полностью готовы к жизни, а сидите, сложа руки.

Дело в том, что ваше мышление было искажено системой образования, то есть без рабочего места вы ничего не можете сделать. Почему вы не обратитесь к вашим матерям и не научитесь у них тому, чему вас должны были научить в школе? Попробуйте стать “естественным” человеком, как ваши матери».

Как снова вернуть человеку естественное состояние, с тем, чтобы он мог заботиться о себе, а не искать заботу у других. Мы приглашаем молодых людей: выдвигайте свою бизнес-идею, и мы поможем вам с деньгами. А о безработице не говорите. У нас есть социальный бизнес, — пожалуйста, мы ждем, когда вы обратитесь к нам за деньгами. Если бы убедите нас, что ваша идея разумна, мы инвестируем в ваш бизнес, и вы будете им управлять и сможете стать полезным членом общества. Вот так мы инвестируем. Сотни и сотни молодых людей каждый месяц обращаются к нам с бизнес-идеями, и мы даем им деньги. Как только они зарабатывают деньги, начинают погашать свои кредиты. Затем они обращаются за вторым «кругом» инвестиций, третьим и т.д. Мы продолжим давать деньги, потому что они успешны. У нас венчурный фонд, мы не заинтересованы в прибыли — прибыль принадлежит вам, поскольку на социальном бизнесе не зарабатывают. Мы просто хотим получить назад те деньги, которые вам дали, и все. Эти молодые люди не должны делиться с нами прибылью, которую они заработали. Вот как работает венчурный фонд социального бизнеса. Мы должны создать не только социальный бизнес, но и венчурный фонд, когда деньги будут даваться заемщикам не для того, чтобы заработать на них, а с тем, чтобы помочь им создать свое предприятие. Конечно, при таком подходе возникает масса возможностей: вы изучаете проблему, принимаете решения. И это уже не благотворительность — это бизнес. Если я могу решить проблему пяти человек, я могу решить проблему и пяти млн человек — здесь только масштаб, вот и все.

*Мухаммад Юнус —
бангладешский банкир, профессор экономики,
лауреат Нобелевской премии мира 2006 г.
Muhammad Yunus — Bangladeshi Banker, Professor
of Economics, Winner of the 2006 Nobel Peace Prize*

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2023-13-2-12-18
УДК 32.019.51(045)

Деструктивное информационно-психологическое воздействие на молодежь России в социальных медиа (по материалам круглого стола)

Е.В. Бродовская^a, Р.В. Парма^b, В.А. Лукушин^c, Н.Ю. Склярова^d

^{a, b, c} Финансовый университет, Москва, Россия;

^d Всероссийский научно-методический центр «Философия образования», Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

В статье представлены материалы межвузовского круглого стола «Деструктивное информационно-психологическое воздействие на молодежь России в социальных медиа», состоявшегося на площадках Центра политических исследований Финансового университета при Правительстве Российской Федерации и Всероссийского научно-методического центра «Философия образования» 6 марта 2023 г. В работе указаны ключевые вызовы, с которыми сталкивается российская молодежь в условиях глобального информационного противоборства; проанализированы наиболее крупные информационные операции, направленные на подрастающее поколение; выделены регионы – мишени подобного информационного воздействия, а также социальные и политические риски, которые формируют управляемые атаки на российское общество с использованием современных цифровых инструментов. Отдельное внимание участников круглого стола было уделено актуальным технологиям противодействия информационному воздействию и мерам по ограничению негативных эффектов, предпринимаемым органами государственной власти и институтами гражданского общества.

Ключевые слова: деструктивное информационно-психологическое воздействие; внешнее информационное давление; информационная война; информационные операции; информационное противоборство; когнитивная война; манипулятивные технологии; фейковая информация

Для цитирования: Бродовская Е.В., Парма Р.В., Лукушин В.А., Склярова Н.Ю. Деструктивное информационно-психологическое воздействие на молодежь России в социальных медиа (по материалам круглого стола). *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2023;13(2):12-18. DOI: 10.26794/2226-7867-2023-13-2-12-18

ORIGINAL PAPER

Destructive Informational and Psychological Influence on Russian Youth in Social Media (Based on Roundtable Discussion Materials)

E.V. Brodovskaya^a, R.V. Parma^b, V.A. Lukushin^c, N. Yu. Sklyarova^d

^{a, b, c} Financial University, Moscow, Russia;

^d Federal Research and Methodological Center “Philosophy of Education”, Moscow, Russia

ABSTRACT

The article presents the materials of the inter-university roundtable “Destructive Information and Psychological Impact on Russian Youth in Social Media”, which was held on the platforms of the Center for Political Studies of the Financial University under the Government of the Russian Federation and the Federal Research and Methodological Center “Philosophy of Education” on 6th of March 2023. The paper identifies the key challenges which Russian youth faces in the context of global information confrontation. The largest information operations aimed at young people have been analyzed, the article identifies also the regions targeted by such information influence, and social and political risks that are caused by the controlled attacks on Russian society. The participants of the roundtable paid special attention to the existing technologies of countering information influence and to the measures taken by public authorities and civil society institutions to limit its negative effects.

Keywords: destructive information psychological influence; external information pressure; information warfare; information operations; information confrontation; cognitive warfare; manipulative technologies; fake information

For citation: Brodovskaya E.V., Parma R.V., Lukushin V.A., Sklyarova N. Yu. Destructive informational and psychological influence on Russian youth in social media (based on roundtable discussion materials). *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2023;13(2):12-18. DOI: 10.26794/2226-7867-2023-13-2-12-18

ВВЕДЕНИЕ

Современные вызовы, среди которых особое место принадлежит усилению международной напряженности, внешнему деструктивному информационно-психологическому воздействию в цифровой среде, деятельности центров общественного мнения, связанных с недружественными иностранными государствами, стимулируют профессиональное сообщество к поиску путей противодействия негативным эффектам информационных вбросов, нацеленных, прежде всего, на молодежь [1, 2]. При этом феномен внешнего информационного давления на молодежь как наиболее уязвимую социальную группу не является новым для нашей страны [3]. В условиях усиления геополитической конфронтации России с рядом недружественных западных государств масштабы подобного воздействия увеличиваются, а инструментарий и функционал усложняются [4, 5].

Межвузовский круглый стол «Деструктивное информационно-психологическое воздействие на молодежь России в социальных медиа» был призван осмыслить происходящие процессы; дать профессиональную научную оценку масштабу, динамике и содержанию информационного воздействия на российскую молодежь; оценить практики использования цифровых инструментов внешними политическими акторами, а также сформировать актуальные рекомендации по защите информационного суверенитета России и созданию безопасной цифровой среды. Немаловажным фактом является то, что круглый стол состоялся в период целенаправленной информационной атаки на российскую молодежь (реализованной внешними силами и связанной с деятельностью так называемой «ЧВК Рёдан») в средствах массовой информации, социальных сетях и мессенджерах.

АКТУАЛЬНЫЕ ИНФОРМАЦИОННО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АТАКИ НА МОЛОДЕЖЬ

Центральным для круглого стола стало выступление кандидата педагогических наук, первого проректора Московского педагогического государственного университета, директора Всероссийского научно-методического центра «Философия образования» Н.Ю. Скляровой, посвященное современным информационным вызовам для российской государственной системы. В ходе доклада были представлены результаты оперативного мониторинга деятельности «ЧВК Рёдан» по открытым цифровым следам. Отмечено, что, несмотря на видимый стихийный характер развития данного движения, оно

обладает всеми чертами управляемой и спланированной информационной операции. Об этом свидетельствует то, что в ряде российских городов события разворачивались в одно и то же время, по одному сценарию, с одним и тем же технологическим обеспечением. Всего было зафиксировано около 20 субъектов с подтвержденными случаями конфликтов, массовых драк с участием подростков, которые аффилированы с «ЧВК Рёдан». Зачастую речь идет об областных центрах, крупных городах. Большинство событий произошло 19–25 февраля, они носили, скорее всего, эпизодический характер, и в них не участвовали массовые группы детей и подростков. Тем не менее им было посвящено значительное число информационных материалов в интернете. В ряде регионов: Москве и Московской области, Санкт-Петербурге, Ростовской области и Красноярском крае, которые являются традиционными «мишенями» внешнего информационного давления в социальных медиа, акции были наиболее громкими.

Результаты мониторинга позволяют утверждать об отсутствии каких-либо следов деятельности «ЧВК Рёдан» до конца февраля 2023 г., особенно в контексте деятельности молодежной организации или полноценной молодежной субкультуры. Исследователем представлена статистика поисковой системы «Яндекс» по соответствующим тематическим запросам, которые до конца февраля текущего года существуют лишь на уровне погрешности. Только за две недели февраля россиянами сделано более миллиона уникальных поисковых запросов. Остается догадываться, как за такое короткое время в России без каких-либо внешних проявлений возникла целая молодежная организация, которая охватывает пару десятков субъектов. При этом своеобразными точками исхода информации о событиях в регионах как результатах деятельности организации или субкультуры стали массовые анонимные каналы, популярные среди молодежи. Многие из них ранее попадали во внимание экспертов и исследователей как распространители фейковых новостей, некоторые администрируются из-за рубежа, принадлежат лицам, признанным в нашей стране иностранными агентами и даже экстремистами.

В течение нескольких дней в сетях «Телеграм» и «ВКонтакте», а также в запрещенном в нашей стране сети «Инстаграм» создаются сотни аккаунтов и сообществ с уже имеющейся огромной аудиторией, большим количеством взаимных репостов, включая видео с драками подростков и различный шокирующий контент. Таким образом, «Рёдану» искус-

ственно придали форму полноценного движения, возникшего на стыке конфликтов различных социально-культурных групп молодежи, существующих в нашей стране уже не первый год. Немаловажным фактором является формирование искусственной символики, обязательных атрибутов и фирменного стиля данного движения. В информационных ресурсах активно продвигались деструктивные установки, а также предложения «вступить в организацию», «разобраться», «отомстить» и «выйти на улицы», т.е. сообщения и публикации, направленные на конверсию цифровой активности молодых людей в офлайн-пространство.

Задача гиперболизировать события с участием детей и подростков и масштабировать информационную повестку на все население страны была решена путем подключения иностранной пропагандистской машины, а также связанной с ней цифровой инфраструктуры российских иностранных агентов, включая самостоятельные медиа и блогеров. Такие материалы были адресованы уже не детям и подросткам, а их родителям. Основной их посыл — запугать население фактом деятельности на территории России агрессивной группы, вовлекающей в свои ряды молодежь для осуществления насилия. Конечная цель — дестабилизировать общественно-политическую обстановку в России на фоне годовщины начала военной спецоперации на Украине, Дня защитника Отечества, обращения Президента России к Федеральному собранию. Для этого активно применялись технологии эмоциональной стереотипизации и заражения, вызывающие у массовой аудитории чувство тревоги и паники.

МАСШТАБЫ И ТЕХНОЛОГИИ ИНФОРМАЦИОННОГО ДАВЛЕНИЯ НА МОЛОДЕЖЬ

По заявлению кандидата исторических наук, заместителя директора Всероссийского научно-методического центра «Философия образования» В.Л. Шаповалова, на протяжении многих лет в сознание молодых россиян целенаправленно закладывались ложные ценности и установки; формировались необходимые «картины мира»; искажалась история; приуменьшалась сила и значимость российского государства. Современные цифровые сервисы во многом упрощают нашим геополитическим противникам реализацию специальных информационно-психологических операций, а также предоставляют им возможность координировать и управлять деструктивной повесткой, предназна-

ченной молодежным аудиториям. Безусловно, после старта военной спецоперации на Украине попытки контролировать мировоззрение российской молодежи извне значительно участились. Конечной целью этой информационной войны является максимальная дискредитация российской политики, размывание нашей идентичности и национальных интересов. Неудивительно, что для реализации данной задачи противник ориентирован на молодых людей, чье гражданское и политическое сознание еще формируется и является крайне уязвимым для внешних вызовов.

В выступлении доктора политических наук, профессора департамента политологии, главного научного сотрудника Центра политических исследований Финансового университета Е.В. Бродовской приведены некоторые результаты прикладного исследования, проведенного коллективом в 2022 г. По этим данным, в России фиксируется кратное увеличение числа регионов — «мишеней» внешнего информационного давления на молодежь. Фактически 43 субъекта РФ оказались в зоне внимания иностранных акторов, управляющих информационным давлением на молодых пользователей социальных медиа. Обозначенные акторы действуют в российском сегменте интернета посредством разветвленной цифровой инфраструктуры, существенную роль в которой выполняют СМИ-иноагенты, иностранные медиа, аффилированные с ними блогеры — лидеры мнений. При этом ими применяется следующая схема обеспечения циркуляции вбрасываемого деструктивного контента (действий так называемой организации «ЧВК Рёдан»): генерация в политических сетях Telegram-каналов; распространение преимущественно посредством украинских цифровых медиа, вещающих на русском языке, и сетями их аккаунтов, а также силами российских цифровых СМИ-иноагентов и сетями их аккаунтов; дублирование через аккаунты российских иноагентов и тематические блоги, групповые чаты, каналы неполитического характера.

В выступлении лаборанта-исследователя Центра политических исследований Финансового университета В.А. Лукушина прозвучали оценки технологического сопровождения данных информационных операций. По мнению ученого, информационные потоки внешнего давления наполнены фейками и манипуляциями — около 60% материалов содержат в себе недостоверные данные или технологии убеждения, воздействующие одновременно на рациональные и иррациональные компоненты человеческого мышления. Информационная операция

«ЧВК Рёдан» стала очередной фейковой операцией, отличающейся большей детализацией и тщательной подготовкой. Фактически военные и геополитические противники продемонстрировали собственные возможности по управлению общественным сознанием, и подобные сигналы нельзя недооценивать. За короткое время в социальных сетях и мессенджерах с нуля были созданы сотни сообществ и каналов, распространяющих информацию об этой якобы молодежной организации, обеспечены массовые накрутки ботов, распространены материалы деструктивного содержания.

Молодежь крайне восприимчива к подобным информационным атакам и, несмотря на довольно глубокое погружение в цифровую среду, подвержена влиянию фейков. По результатам исследований, молодые люди без труда обнаруживают только половину ложных материалов в сети, что подтверждает важность развития у них навыков информационной безопасности, в том числе при активном участии образовательных организаций. При этом запреты и блокировки, по мнению исследователя, не являются эффективным способом борьбы с фейками. Необходимо выстроить просветительскую работу, организовать регулярный мониторинг ложной информации с целью ее оперативного перехвата и опровержения.

КОГНИТИВНАЯ ВОЙНА – НОВАЯ ИНФОРМАЦИОННАЯ РЕАЛЬНОСТЬ

Значительное внимание исследователей в ходе круглого стола приковано к феномену когнитивной войны как новому этапу информационного и политического противоборства. Основная цель когнитивной войны — формирование представлений об определенном объекте — человеке, идее, социально-политическом институте, некотором явлении как о чем-то враждебном, с чем следует бороться и в идеале полностью победить даже путем его искоренения из нашей жизни или полного физического уничтожения. В выступлении доктора психологических наук, главного научного сотрудника Центра политических исследований Финансового университета А.С. Огнева проведен комплексный анализ концепта когнитивной войны на примере последних информационных операций. Исследования показывают, что в качестве мишеней для атаки на национальную систему образования и воспитания выбираются смысловые регуляторы поведения человека, системы его ценностей и мотивов, стратегические цели и представления о приемлемых способах их удовлетворения. В ходе

атаки на национальную систему образования и воспитания путем неоправданной стереотипизации формируется исключительно негативная установка на восприятие первых лиц государства, наиболее популярных политиков и общественных деятелей; через жонглирование архетипическими образами формируются ложные авторитеты и подрывается доверие к авторитетам настоящим; посредством манипулирования с контекстом и подмены понятий искажается суть жизненно важной для принятия правильных решений информации. По мнению исследователя, фейковая информационно-психологическая кампания под названием «ЧВК Рёдан» — это один из распространенных элементов развязанной против России когнитивной войны.

В выступлении доктора социологических наук, директора Центра политических исследований Финансового университета содержался подробный анализ негативных эффектов когнитивной войны и их возможного преодоления современными психолого-педагогическими средствами, в том числе проективными форматами обучения и воспитания. По итогам серии экспериментов, проведенных исследователем, до четверти участников продемонстрировали неуверенность, скептицизм или пессимистические установки в отношении будущего России в условиях противоборства с Западом. Целью серии экспериментов в рамках данного проекта была апробация технологии преодоления негативных эффектов внешнего информационного влияния на мировоззрение российской молодежи. С использованием современных проективных техник участники экспериментов конструировали образ будущего страны. Результаты показали, что формирование в сознании российской молодежи четких, ясных, релевантных установок на конструктивное и позитивное общее будущее, содействие в образном и символическом наполнении концептов гордости за страну, ее прошлое, настоящее и будущее позволяют в большинстве случаев формировать у молодых людей проактивную жизненную позицию, развивать уверенность в собственных силах для достижения желаемых жизненных целей и благополучия российского общества. Масштабирование таких проективных форматов учебно-воспитательной работы с молодыми россиянами в национальной образовательной системе будет содействовать профилактике негативных последствий участвовавших информационных операций.

При этом отсутствие работы с молодежью в данном направлении формирует значимые социальные и политические риски, достаточно четко

обозначенные в докладе кандидата педагогических наук, специалиста Всероссийского научно-методического центра «Философия образования» М.П. Литвиненко. Исследователь привела в пример данные последнего регионального мониторинга с участием нескольких тысяч молодых абитуриентов. Результаты работы фиксируют наличие причинно-следственной связи между деструктивной информационной средой и ростом невротизации молодых людей, обострением страхов, тревожности, агрессивного поведения у детей и молодежи. Кроме того, специалисты дали психологический портрет студенческой молодежи, включающий как минимум 4 группы молодых граждан, имеющих четко выраженные проблемы в процессе социально-психологической адаптации. Около 13% составляет тревожно-невротическая группа, т.е. обучающиеся, склонные к фиксированным страхам, паническим и тревожно-депрессивным реакциям. Почти четверть от общего числа составляет конфликтная молодежь, для которой характерна склонность к агрессиям как реакции на любые стрессовые ситуации. Еще четверть — инфантильно-неустойчивая группа. У таких людей наблюдаются проблемы с преодолением трудностей, низкая мотивация, выраженный эгоцентризм при нормальной внешней активности. Последнюю группу, представленную 9% студентов, составляет наиболее рискованный тип молодых людей, склонных к замкнутости и избеганию общения.

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ИНФОРМАЦИОННОМУ ДАВЛЕНИЮ НА МОЛОДЕЖЬ

Западные учебники по PR-технологиям содержат целый набор деструктивных методов информационно-психологического воздействия, которые в настоящее время реализуются коллективным Западом против России. В докладе кандидата политических наук, доцента департамента политологии, ведущего научного сотрудника Центра политических исследований Финансового университета Р.В. Пармы упомянуты основные из них. По мнению исследователя, западная подрывная деятельность преследует три тесно взаимосвязанные цели: во-первых, деморализовать народ, подверженный воздействию, и расчленив его на группы; во-вторых, дискредитировать власть, ее защитников, функционеров, влиятельных представителей; в-третьих, нейтрализовать массы, чтобы воспрепятствовать любому общему спонтанному выступлению в поддержку установленного порядка [6]. Добиться осуществления этих целей мож-

но только посредством массовой коммуникации. Среди основных технологических составляющих внешнего информационно-психологического воздействия можно назвать следующие: разрушение ценностей, за которые сражается противник, и внушение ему сомнений; дезинформация относительно подлинной значимости каждого из сражающихся противников; внушение противнику ощущения, что он одинок, его действия порицаются общественным мнением (в особенности мировым), а также неуверенности в себе вместе с сомнениями в правильности своих убеждений; внушение противнику чувства вины, представление его в смешном, алогичном, ничтожном свете; разрушение уверенности в действенности его атакующих и оборонительных средств; создание впечатления, что сражение будет длиться вечно; формирование уверенности в том, что противоположная сторона сильна, безоговорочно верит в победу и готова на все; создание ощущения бесполезности борьбы.

Меры противодействия сводятся к раскрытию применяемых против граждан России деструктивных технологий информационно-психологического воздействия. Необходимо оповещать молодежь о специальных информационных операциях, инициированных западными центрами. В случае проявления интереса необходимо включать молодых людей в проекты информационного противодействия. Следует применять исследовательскую практику для студентов, когда под руководством подготовленных специалистов выявляются враждебные фейки и изощренные технологии проведения подрывных информационных операций. Кроме того, активную студенческую молодежь и их родителей следует подключать к проведению кампаний информационного противоборства.

ВЫВОДЫ

По результатам круглого стола участниками сформулированы следующие тезисы, заложенные в основу программы рекомендаций, направленных в профильные федеральные органы власти:

1. События конца февраля 2023 г., связанные с «ЧВК Рёдан», развернувшиеся в ряде крупных российских городов (Москва, Санкт-Петербург, Красноярск, Ростов-на-Дону), являются прямым следствием внешнего деструктивного информационно-психологического воздействия на российских подростков в социальных медиа. Обращает на себя внимание тот факт, что манипуляторам удалось конвертировать цифровую

активность подростков в реальную деятельность в тех регионах, где по итогам исследования, проведенного в конце 2022 г., была зафиксирована повышенная интенсивность информационных потоков внешнего давления. Традиционной мишенью такого давления является именно молодежь. Данный проект выступает спланированной, хорошо подготовленной и управляемой информационно-психологической операцией, осуществленной посредством цифровых технологий коммуникации. Организаторы указанных событий придали происходящему вид молодежного движения с чертами субкультуры: собственной символикой, атрибутикой, иерархией и способами достижения цели.

2. За достаточно короткое время в социальных сетях и мессенджерах с нуля были созданы сотни сообществ и каналов, распространяющих информацию об этой якобы молодежной организации, обеспечены массовые накрутки ботов, распространены политические материалы деструктивного содержания. Внешние манипуляторы действуют в российском сегменте интернета посредством разветвленной цифровой инфраструктуры, существенную роль в которой выполняют СМИ-иноагенты,

иностранские медиа, ведущие свою деятельность на русском языке, а также аффилированные с ними блоггеры и лидеры мнений. При этом наблюдается выстраивание единой схемы генерации и распространения подобного цифрового контента.

3. Деструктивное информационно-психологическое воздействие на российскую молодежь будет продолжаться, в том числе посредством создания специальных информационных операций и множественных атак с использованием социальных медиа и мессенджеров, о чем свидетельствует кратный рост числа регионов — «мишеней» подобного воздействия. Для эффективного противодействия и ограничения негативных эффектов необходимо совершенствовать межведомственное взаимодействие по вопросам цифровой коммуникации с молодежью, обеспечивать непрерывный межрегиональный мониторинг внешних информационных потоков, налаживать систему оперативного реагирования на фейковые информационные поводы, способствовать распространению образовательных и просветительских программ, проектов и мероприятий по освоению навыков информационной безопасности, цифровой грамотности и гигиены.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Бродовская Е.В., Домбровская А.Ю. Социальная база информационного потока внешнего давления в новых медиа Крыма и Севастополя. *Власть*. 2020;(4):84–92.
2. Деревянченко А.А., Калинин Д.В. Политическая активность молодежи в цифровом обществе. *Гражданин. Выборы. Власть*. 2020;2(16):155–173.
3. Бродовская Е.В., Домбровская А.Ю., Парма Р.В. Дискурсы внешнего информационного давления в крымском и севастопольском сегментах Рунета: особенности, адресаты, конфликтогенный потенциал. *Политическая наука*. 2020;(3):243–265.
4. Манойло А.В. Цепные реакции каскадного типа в современных технологиях вирусного распространения «фейковых новостей». *Вестник Московского государственного областного университета*. 2020;(3)75–107.
5. Петренко А.И. Технологии отражения информационных атак. *Гражданин. Выборы. Власть*. 2022;2(24):163–171.
6. Буари Ф. Паблик Рилейшнз или стратегия доверия. М.: Инфра-М; 2001. 178 с.

REFERENCES

1. Brodovskaya E.V., Dombrovskaya A. Yu. The social base of the information flow of external pressure in the new media of Crimea and Sevastopol. *Vlast'*. 2020;(4):84–92. (In Russ.).
2. Derevyanchenko A.A., Kalinin D.V. Political activism of youth in the digital society. *Grazhdanin. Vybery. Vlast'*. 2020;2(16):155–173. (In Russ.).
3. Brodovskaya E.V., Dombrovskaya A. Yu., Parma R.V. Discourses of external information pressure in the Crimean and Sevastopol segments of the Runet: features, addressees, conflict potential. *Politicheskaja nauka*. 2020;(3):243–265. (In Russ.).
4. Manoylo A.V. Cascade-type chain reactions in modern technologies for the viral spread of “fake news”. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta*. 2020;(3)75–107. (In Russ.).
5. Petrenko A.I. Technologies for repelling information attacks. *Grazhdanin. Vybery. Vlast'*. 2022;2(24):163–171. (In Russ.).
6. Buari F. Public Relations or the strategy of trust. Moscow: Infra-M; 2001. 178 p. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / ABOUT THE AUTHORS

Елена Викторовна Бродовская — доктор политических наук, профессор департамента политологии факультета социальных наук и массовых коммуникаций, главный научный сотрудник Центра политических исследований, Финансовый университет, Москва, Россия

Elena V. Brodovskaya — Dr. Sci. (Polit.), Professor of the Department of Political Science, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Chief Researcher of the Center for Political Studies, Financial University, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0001-5549-8107>
brodovskaya@inbox.ru

Роман Васильевич Парма — кандидат политических наук, доцент департамента политологии факультета социальных наук и массовых коммуникаций, ведущий научный сотрудник Центра политических исследований, Финансовый университет, Москва, Россия

Roman V. Parma — Cand. Sci. (Polit.), Associate Professor of the Department of Political Science, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Leading Researcher at the Center for Political Studies, Financial University, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0002-3413-4264>
rvparma@fa.ru

Владимир Андреевич Лукушин — лаборант-исследователь Центра политических исследований, магистрант 1-го курса факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет, Москва, Россия

Vladimir A. Lukushin — Research Assistant at the Center for Political Studies, 1st year Master's student at the Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0001-6185-303X>
valukushin@fa.ru

Наталья Юрьевна Склярова — кандидат педагогических наук, директор Всероссийского научно-методического центра «Философия образования», первый проректор, Московский педагогический государственный университет, Москва, Россия

Natalia Yu. Sklyarova — Cand. Sci. (Pedag.), Director of the All-Russian Scientific and Methodological Center "Philosophy of Education", First Vice-Rector, Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0001-6185-303X>
nu.sklyarova@mpgu.su

Заявленный вклад авторов:

Е.В. Бродовская — разработка общей концепции статьи.

Р.В. Парма — работа над разделом «введение».

В.А. Лукушин — составление тезисов и оформление рукописи.

Н.Ю. Склярова — работа над разделом «выводы».

Authors' stated contribution:

E. V. Brodovskaya — development of the general concept of the article.

R. V. Parma — work on the section "introduction".

V. A. Lukushin — preparation of abstracts and editing of the text.

N. Yu. Sklyarova — work on the section "conclusion".

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The authors have no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 10.03.2023; принята к публикации 30.03.2023.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The article was received on 10.03.2023; accepted for publication on 30.03.2023.

The authors read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2023-13-2-19-25
УДК 321/351(045)

Мониторинг проблемных ситуаций в сфере культуры как управленческий механизм противодействия социокультурным угрозам российскому обществу и государству

П.А. Шашкин, А.Б. Рудаков, С.Г. Волобуев
Институт Наследия, Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

В статье рассматривается проблематика противодействия угрозам национальной и культурной идентичности российских граждан, сохранения и защиты самобытности народа России с точки зрения совершенствования управленческих механизмов мониторинга и контроля хода и результатов стратегического планирования в сфере культуры, реализации приоритетных задач общенациональной государственной культурной политики и политики обеспечения национальной безопасности. В исследовании анализируются понятия «общероссийская культурная идентичность», «культурный суверенитет», «проблемные ситуации (конфликты) в культурной сфере», дается их авторское определение и классификация конфликтов в сфере культуры. Разработка инструментария мониторинга проблемных ситуаций в культуре рассматривается как важный элемент совершенствования системы оценки эффективности скоординированной работы органов власти и управления, государственных организаций и институтов гражданского общества в области защиты традиционных российских духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти. Мониторинг проблемных ситуаций в сфере культуры будет способствовать объективному определению степени защищенности самобытности российской нации, национальной и общероссийской культурной идентичности граждан России от социокультурных угроз и косвенно характеризовать действия (бездействие) органов публичной власти в вопросах защиты культурного суверенитета и национальных интересов.

Ключевые слова: культурная политика; национальная безопасность; государственное управление; стратегическое планирование; российская культура; социокультурные угрозы; культурный суверенитет; общероссийская культурная идентичность; проблемные ситуации в культурной сфере

Для цитирования: Шашкин П.А., Рудаков А.Б., Волобуев С.Г. Мониторинг проблемных ситуаций в сфере культуры как управленческий механизм противодействия социокультурным угрозам российскому обществу и государству. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2023;13(2):19-25. DOI: 10.26794/2226-7867-2023-13-2-19-25

ORIGINAL PAPER

Monitoring the Problematic Situations in Culture as a Management Tool for Counteracting Socio-Cultural Threats to Russian Society and the State

P.A. Shashkin, A.B. Rudakov, S.G. Volobuev
Heritage Institute, Moscow, Russia

ABSTARCT

The article discusses the ways to counteract the threats to the national and cultural identity of Russian citizens, preserve and protect the identity of the people of Russia in terms of improving the management mechanisms for monitoring and controlling the progress and results of strategic planning in the field of culture, the implementation of priority tasks of the national state cultural policy and national security policy. The study analyzes the concepts of "all-Russian cultural identity", "cultural sovereignty", "problematic situations (conflicts) in the cultural sphere", gives original authors' definitions and classification of conflicts in the sphere. The development of management tools for monitoring problem situations in culture is considered as an important element in improving the system for assessing the effectiveness of the coordinated work of government and administration bodies, state organizations and civil society institutions in the field of protecting traditional Russian spiritual and moral values, culture and historical memory. Monitoring problematic situations in the sphere of culture will contribute to an objective determination of the Russian nation's identity protection

degree as well as the national and all-Russian cultural identity protection degree and indirectly characterize the actions (inaction) of public authorities in matters of protecting cultural sovereignty and national interests.

Keywords: cultural policy; national security; public administration; strategic planning; Russian culture; sociocultural threats; cultural sovereignty; all-Russian cultural identity; problematic situations in the cultural sphere

For citation: Shashkin P.A., Rudakov A.B., Volobuev S.G. Monitoring the problematic situations in culture as a management tool for counteracting socio-cultural threats to Russian society and the state. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2023;13(2):19-25. DOI: 10.26794/2226-7867-2023-13-2-19-25

Согласно Стратегии научно-технологического развития России¹ и Стратегии национальной безопасности Российской Федерации² угрозы утраты национальной и культурной идентичности российских граждан, традиционных духовно-нравственных ориентиров и устойчивых моральных принципов, с которыми столкнулось человечество в XXI в., представляют собой глобальный социокультурный вызов, ответ на который со стороны государства и общества возможен только в форме трансформации действующих механизмов публичного управления, включая мониторинг хода и результатов стратегического планирования. Идентичность — личная, культурная, национальная — таким образом, является объектом целенаправленного деструктивного воздействия в целях разрушения самих сущностных основ общественного устройства и навязывания отличной от традиционной системы ценностей и ориентиров, позволяющих манипулировать поведением общества в интересах различных нелегитимных групп влияния и зарубежных структур. Непосредственным проявлением этой угрозы выступают прямые нападки и противоправные посягательства на российские духовно-нравственные и культурно-исторические ценности, мониторинг которых — приоритетная задача органов публичной власти в целях своевременного выявления новых угроз национальной безопасности, рисков и причин недостижения стратегических целей, определенных документами стратегического планирования³.

Прежде чем приступить к подробному рассмотрению проявлений этой угрозы, необходимо раскрыть содержание правового понятия культурной идентичности российских граждан. Понятие «общероссийская культурная идентичность», зафиксированное в обновленной редакции Конституции России (ч. 3 ст. 69), является относительно новым для отечественной политической и правовой науки и потому нуждается в корректном определении и установлении его соотношения с другими дефинициями [1, 2].

Согласно определению Большой Российской энциклопедии культура играет смыслообразующую функцию, помогает человеку в обретении идентичности, смыслов, ценностей, мотивов и целей деятельности, принятие которых происходит не автоматически, а связано со свободной творческой активностью индивидов⁴. С другой стороны, «культура», согласно Основам государственной культурной политики, представляет собой совокупность формальных и неформальных институтов, явлений и факторов, влияющих на сохранение, производство, трансляцию и распространение духовных ценностей (этических, эстетических, интеллектуальных, гражданских и иных)⁵. На основании данных определений предлагается рассматривать общероссийскую культурную идентичность как осознание гражданами Российской Федерации и соотечественниками за рубежом сопричастности к российской культуре — уникальному наследию многонационального народа России⁶, приверженность к усвоению ее признанных образцов, сохранению и развитию русской культуры и иных культур народов России, защите

планирования в Российской Федерации». URL: <https://base.garant.ru/403015816/> (дата обращения: 02.10.2022).

⁴ URL: <https://bigenc.ru/philosophy/text/2120919>

⁵ Указ Президента РФ от 24.12.2014 № 808 «Об утверждении Основ государственной культурной политики». URL: <https://base.garant.ru/70828330/> (дата обращения: 26.01.2023).

⁶ Ч. 4 ст. 68 Конституции РФ.

¹ Указ Президента РФ от 01.12.2016 № 642 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации». URL: <https://base.garant.ru/71551998/> (дата обращения: 02.10.2022).

² Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046> (дата обращения: 02.10.2022).

³ Указ Президента РФ от 08.11.2021 № 633 «Об утверждении Основ государственной политики в сфере стратегического

самобытности российской нации. Предложенное авторское определение общероссийской культурной идентичности коррелирует с положениями Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года о русской культурной доминанте, присущей всем народам России, формировании духовной общности многонационального народа России (русской нации) на основе интегрирования лучших достижений русской культуры, исторического и культурного наследия всех народов Российской Федерации в единую российскую культуру⁷.

Условием формирования и сохранения общероссийской культурной идентичности выступает, таким образом, передача от поколения к поколению традиционных российских духовно-нравственных ценностей, самобытных традиций, обычаев и образцов поведения, сохранение и защита национальной идентичности и культурной самобытности всех народов страны (ч. 3 ст. 69 Конституции РФ), включая государствообразующий русский народ, ослабление которого, в том числе путем деструктивного воздействия на русскую культурную доминанту (русская культура и русский язык), рассматривается государством как непосредственная угроза национальной безопасности⁸.

В контексте данного определения общероссийской культурной идентичности представляется важным сделать следующее пояснение: тот факт, что в Стратегии государственной национальной политики констатируется, что общероссийская гражданская идентичность непосредственно основана на сохранении русской культурной доминанты, присущей всем народам, населяющим Российскую Федерацию, не вступает в противоречие с понятием общероссийской культурной идентичности, которое шире по своему содержанию, но также предполагает приоритетное значение русской культурной доминанты в формировании идентичности, хотя и вне гражданско-политического аспекта. Носитель общероссийской культурной идентичности, в том числе соотечественник за рубежом, может

чувствовать себя сопричастным российской и русской культуре, не будучи гражданином России.

С понятием общероссийской культурной идентичности тесно связано понятие «культурный суверенитет Российской Федерации». Его определение имеет важное значение в контексте данного исследования, поскольку единственным носителем суверенитета выступает народ России (ч. 1 ст. 3 Конституции РФ), обладающий единой общероссийской культурной идентичностью, а непосредственным выразителем воли народа и институтом, обеспечивающим защиту национальных интересов, в том числе в сфере охраны культуры как уникального наследия народа (ч. 4 ст. 68 Конституции РФ), выступает государство как ведущий субъект культурной политики и гарант национальной безопасности. Впервые в нормативном поле понятие «культурный суверенитет» появляется в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, утвержденной в 2015 г.⁹ Принятая в 2021 г. новая редакция Стратегии национальной безопасности России также содержит указания на необходимость проведения государственной политики, направленной на нейтрализацию угрозы утраты культурного суверенитета страны¹⁰.

Отталкиваясь от положений Основ государственной культурной политики и отечественной правовой традиции [4], «культурный суверенитет» можно определить как верховенство и независимость государства в вопросах формирования и реализации общенациональной культурной политики. В данном контексте имеет важное значение то, что, согласно Основам государственной культурной политики, она «охватывает такие сферы государственной и общественной жизни, как все виды культурной деятельности, социальные и гуманитарные науки, образование, межнациональные отношения, поддержка русской культуры за рубежом, международное культурно-гуманитарное сотрудничество, а также воспитание и самовоспитание граждан, просвещение, развитие детского и молодежного

⁷ Указ Президента РФ от 19.12.2012 № 1666 «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года». URL: <https://base.garant.ru/70284810/> (дата обращения: 02.10.2022).

⁸ Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046> (дата обращения: 02.10.2022).

⁹ Указ Президента РФ от 31.12.2015 № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_191669/ce89a659b0137b9d7c3a1dd4eca2b51d7001589f/ (дата обращения: 02.10.2022).

¹⁰ Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046> (дата обращения: 02.10.2022).

движения, формирование информационного пространства страны»¹¹.

В связи с этим государственная задача сохранения духовной общности народа России подразумевает защиту российской культуры, в том числе русской культурной доминанты, самобытности всех народов России, включая самобытность государствообразующего народа как системообразующего звена исторически сложившегося единства Российского государства, традиционных российских духовно-нравственных ценностей, преемственности государственного строительства и исторической памяти российской нации от комплекса социокультурных угроз в различных сферах государственной и общественной жизни¹². Процессы совершенствования механизмов оценки результативности стратегического планирования в контексте решения данной задачи непосредственно связаны с развитием механизмов мониторинга, включая корректировку действующих и разработку новых показателей эффективности государственной политики с целью объективного реагирования на угрозы в сфере культуры, в особенности на увеличение числа противоправных посягательств на материальные и нематериальные культурные ценности, составляющие уникальное наследие народа России, и проблемные ситуации, прямо способствующие росту таких социально опасных деяний, включая идеологический экстремизм, либо создающие очевидные риски их совершения. Качественный показатель сохранения и защиты самобытности российской нации как основы национальной и культурной идентичности российских граждан, отражающий эффективность хода и результатов стратегического планирования, может предусматривать мониторинг отмеченных выше негативных явлений с целью своевременного реагирования и принятия мер управленческого воздействия, дополняя действующие показатели эффективности государственной политики. Например, используемый в настоящее время показатель уровня общероссийской гражданской идентич-

ности¹³, т.е. приверженности общегражданским и культурным ценностям народа России, не имеет очевидного измерения, коррелирующего с уровнем сокращения противоправных деяний в обществе, включая нападки и противоправные действия в отношении материального и нематериального культурного наследия.

Разработка показателя сохранения и защиты самобытности российской нации требует классификации проблемных ситуаций, при которых прямо либо косвенно возникает угроза разрушения общероссийской культурной идентичности и традиционных духовно-нравственных ценностей народа России. Предлагается обозначать их как проблемные ситуации (конфликты) в культурной сфере. Под проблемными ситуациями (конфликтами) предлагается понимать такие, при разрешении которых необходимо осуществление управленческого воздействия государства как защитника культурного суверенитета и гаранта безопасности. При этом неурегулированность подобных ситуаций ведет к усугублению конфликта, включающего в себя провоцирование сторон на противоправные действия, вплоть до применения насилия. Вопрос о критериях оценки ситуации, позволяющих отнести их к числу «проблемных» в данном контексте, разрешается посредством их классификации по степени социальной опасности для самобытности российской нации, национальной и общероссийской культурной идентичности граждан.

Для выработки данных критериев представляется уместным проанализировать ситуации, которые фактически были признаны таковыми ранее. При этом степень общественной опасности определяется как правовыми нормами, зафиксированными в уголовном, административном и международном праве, так и рисками развития конфликтных ситуаций, опасностью раскола общества [3].

Наибольшую угрозу в данном случае несут противоправные посягательства на традиционные духовно-нравственные ценности, наименьшую — спорные ситуации и конфликты, вызванные различием трактовок, интерпретаций

---

¹¹ Указ Президента РФ от 24.12.2014 № 808 «Об утверждении Основ государственной культурной политики». URL: <https://base.garant.ru/70828330/> (дата обращения: 26.01.2023).

¹² Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046> (дата обращения: 02.10.2022).

¹³ Постановление Правительства РФ от 29.12.2016 № 1532 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Реализация государственной национальной политики»». URL: <https://base.garant.ru/71580894/> (дата обращения: 02.10.2022).

и приоритетности одних культурных ценностей по отношению к другим.

Классификация может быть представлена, например, в следующем виде:

Проблемные ситуации, в которых присутствовали противоправные посягательства на российские традиционные ценности, повлекшие за собой реакцию правоохранительных либо надзорных органов. В этих случаях имело место событие преступления либо административного правонарушения. К таким ситуациям относятся, в частности, противоправные действия участниц группы Pussy Riot в Храме Христа Спасителя в 2013 г.,¹⁴ действия стендап-комика И. Мирзализаде, направленные на оскорбление представителей русского народа по национальному признаку (2021 г.)¹⁵, действия компании Meta, разрешившей публиковать на своих платформах призывы к насилию в отношении российских военнослужащих и российских граждан (2022 г.) и т.д. Особую опасность при этом представляют акты вандализма, совершенные под влиянием деструктивной идеологии с целью уничтожения объектов российского культурного наследия.

Проблемные ситуации, в которых имели место посягательства на российские традиционные ценности при отсутствии наличия состава уголовного преступления либо административного правонарушения. Данную группу составляют ситуации, которые не привели к возбуждению уголовного или административного дела, но вызвали широкий резонанс, привлекли внимание представителей общественности, выступивших с критикой происходящего в силу очевидности ущерба, причиненного традиционным российским духовно-нравственным ценностям. К таким ситуациям, в частности, можно отнести проект «Дом-2» (2004–2021 гг.), фильм «Сволочи» (2006 г.), высказывания профессора Г. Гусейнова в отношении русского языка (2019 г.)¹⁶ и т.д. Как представляется, такие и подобные им эпизоды должны быть объектами мониторинга со стороны органов публичной власти. Основаниями для отнесения подобных ситуаций к числу проблемных могут быть экспертные мнения авторитетных представителей общества — профессионалов в своей сфере. Обязанность реагирования на

подобные ситуации может быть возложена на профильные федеральные органы власти.

3. *Проблемные ситуации, в которых имели место ошибочные решения в сфере реализации государственной культурной политики со стороны субъектов государственной культурной политики.* В соответствии с положениями раздела III Основ государственной культурной политики¹⁷ субъектами государственной культурной политики являются не только органы публичной власти, но и образовательные, научные организации, организации культуры, общественные объединения и организации, иные организации, осуществляющие деятельность в области искусства, науки, образования, просвещения, воспитания, семейных отношений, работы с детьми и молодежью.

4. *Проблемные ситуации, в ходе которых риски противоправных посягательств на российские традиционные духовно-нравственные ценности отсутствуют, но имеют место споры относительно различных событий и явлений отечественной истории и культуры,* споры между защитниками архитектурных памятников, строительными организациями и реставрационными компаниями в ходе реконструкции объектов культурного наследия, споры об уместности участия представителей шоу-бизнеса в постановках академических театров и т.п. Проблемой в данном случае является выход разногласий за пределы экспертной среды, в пространство конфликта с участием широких кругов общественности. Проблемные ситуации, относящиеся к данной группе, нуждаются в фиксации, однако само их наличие свидетельствует не об угрозе российским ценностям и самобытности народа, а, скорее, о плюрализме мнений в российском обществе [5]. Как представляется, подобные конфликты должны быть объектом профессиональной медиации и предметом обсуждения Общественной палаты РФ и общественных палат субъектов Российской Федерации.

В качестве общего вывода можно констатировать, что урегулирование проблемных ситуаций может осуществляться различными путями: пресечением противоправных действий, ставших причиной возникновения проблемы, коррекцией ошибочных решений, путем медиации, посреднической деятельности, организации диалога между конфликтующими группами

¹⁴ URL: <https://ria.ru/20170221/1488170982.html>

¹⁵ URL: <https://ria.ru/20210730/komik-1743657022.html>

¹⁶ URL: https://aif.ru/society/media/ubogiy_kloachnyy_russkiy_prepodavatel_vshe_guseynov_vyskazalsya_o_yazyke

¹⁷ Указ Президента РФ от 24.12.2014 № 808 «Об утверждении Основ государственной культурной политики». URL: <https://base.garant.ru/70828330/> (дата обращения: 26.01.2023).

с целью трансформации конфликта в конструктивное взаимодействие, направленное на гармонизацию общественных отношений. В свою очередь, подобное управленческое воздействие требует осуществления мониторинга со стороны органов публичной власти, органов общественного контроля и институтов гражданского общества, одним из составляющих которого является показатель эффективности деятельности публичных органов власти и управления в сфере сохранения и защиты самобытности российской нации как основы национальной и культурной идентичности российских граждан и урегулирования возникающих проблемных ситуаций.

При этом необходимо подчеркнуть, что непосредственным результатом мониторинга должна стать дальнейшая гармонизация нормативного пространства, включая изменение законодательства в различных сферах (уголовного, административного, а также, в некоторых случаях, и гражданского), и дальнейшее приведение в соответствие с конституционными нормами и целеполаганием ключевых документов стратегического планирования федерального уровня, разноуровневых нормативных актов в сфере культурной политики. Представляется очевидным, что важным критерием эффективности проводимой государственной политики в сфере защиты традиционных российских духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти должно стать сокращение числа проблемных ситуаций, относящихся ко всем перечисленным выше группам. По аналогии с существующими показателями, характеризующими эффективность государственной политики, предлагается оценивать данные ситуации по десятибалльной шкале, где проблемные ситуации первой группы оцениваются как наиболее серьезные (10 баллов), ситуации второй и тре-

тней группы — как менее серьезные (6 баллов), ситуации четвертой группы — как наименее серьезные (3 балла). Эффективность деятельности органов публичного управления в сфере защиты традиционных духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти будет, таким образом, оцениваться в том числе по снижению суммарного балла. Представляется, что такой показатель сможет напрямую отражать степень защищенности самобытности российской нации, национальной и общероссийской культурной идентичности от социокультурных угроз и косвенно характеризовать действия (бездействие) органов публичной власти по защите культурного суверенитета и национальных интересов.

Возникновение новых социокультурных угроз национальной безопасности, выявление рисков недостижения стратегических целей является правовым основанием для корректировки механизмов публичного управления, в том числе механизмов мониторинга. Своевременное выявление таких угроз и оптимальное реагирование на них с помощью инструментов и механизмов публичного управления, верная расстановка приоритетов государственной политики в зависимости от наличия угроз и своевременный анализ результатов проводимой политики с использованием межотраслевых качественных показателей должны стать ключевыми критериями эффективности работы органов власти и управления по реализации стратегического национально приоритета «Защита традиционных российских духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти»¹⁸.

---

¹⁸ Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046> (дата обращения: 02.10.2022).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Малахов В. С. Идентичность. Новая философская энциклопедия. В 4-х т. Т. II. М.: Мысль; 2010.
2. Эрикссон Э. Идентичность: юность и кризис. М.: Флинта, МПСИ, Прогресс; 2006. 352 с.
3. Бауман З. Индивидуализированное общество. Пер. с англ. М.: Логос; 2002. 390 с.
4. Левин И. Д. Суверенитет. СПб.: Юрид. центр Пресс; 2003. 371 с.
5. Гринин Л. Е. Глобализация и национальный суверенитет. *История и современность*. 2005;(1):6–31.

REFERENCES

1. Malakhov V. S. Identity. The New Philosophical Encyclopedia. In 4 vol. Vol. II. Moscow: Thought; 2010 (In Russ.).

2. Erickson E. Identity: youth and crisis. Moscow: Flint, MPSI, Progress; 2006. 352 p. (In Russ.).
3. Bauman Z. An individualized society. Translated from English. Moscow: Logos; 2002. 390 p. (In Russ.).
4. Levin I.D. Sovereignty. St. Petersburg, Law center Press; 2003. 371 p. (In Russ.).
5. Grinin L.E. Globalization and national sovereignty. *Istoriya i sovremennost'*. 2005;(1):6–31. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / ABOUT THE AUTHORS

Павел Александрович Шашкин — кандидат философских наук, старший научный сотрудник, Институт Наследия, Москва, Россия

Pavel A. Shashkin — Cand. Sc. (Philosophy), Senior Researcher, Likhachev Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage, Moscow, Russia

<https://orcid.org/0000-0002-5877-8531>

paulshahskin@list.ru

Александр Борисович Рудаков — старший научный сотрудник, Институт Наследия, Москва, Россия

Aleksandr B. Rudakov — Senior Researcher, Likhachev Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage, Moscow, Russia

<https://orcid.org/0000-0001-7307-2759>

labarum-ar@yandex.ru

Сергей Григорьевич Волобуев — старший научный сотрудник, Институт Наследия, Москва, Россия

Sergey G. Volobuev — Senior Researcher, Likhachev Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage, Moscow, Russia

<https://orcid.org/0009-0001-6068-0584>

volobuevsg@gmail.com

Заявленный вклад авторов:

П.А. Шашкин — постановка проблемы, разработка концепции статьи, написание исходного текста статьи.

А.Б. Рудаков — написание исходного текста статьи, развитие методологии, формирование выводов исследования.

С.Г. Волобуев — доработка текста статьи.

Contribution of the authors:

P.A. Shashkin — statement of the problem, development of the article concept, composing the original text of the article.

A.B. Rudakov — composing the original text of the article, development methodology, the formation of research conclusions.

S.G. Volobuev — following revision and editing of the article text.

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The authors have no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 15.10.2022; принята к публикации 20.02.2023.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The article was received on 15.10.2022; accepted for publication on 20.02.2023.

The authors read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2023-13-2-26-37
УДК 330.3:338.24(045)

Технологический суверенитет и демографический рост как ключевые элементы государственной безопасности в условиях текущей геополитической реальности

С.В. Садовников

Федеральная служба государственной статистики, Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

Цель статьи – показать необходимость активизации политики технологического суверенитета и демографического роста для повышения экономической мощи государства и успешного противостояния в геополитическом сражении с США и странами НАТО. В статье использованы специфические и общенаучные методы анализа, метод сравнения и аналогии, научные труды исследователей, занимающихся рассмотрением проблем импортозамещения и демографии, интервью и выступления государственных деятелей, а также результаты эмпирических наблюдений автора за процессами государственного управления в указанных сферах. В результате проведенного исследования автор делает вывод о том, что для обеспечения паритета экономики России с мировыми лидерами ей необходимо сконцентрироваться на развитии собственного высокотехнологического производства и изменить подход к реализации демографической проблемы путем ориентации на расселение граждан в рамках индивидуального жилищного строительства.

Ключевые слова: демографическая политика; технологический суверенитет; экономическое развитие; экономическая безопасность; импортозамещение; пространственное развитие; внутренний рынок; самообеспечиваемость

Для цитирования: Садовников С.В. Технологический суверенитет и демографический рост как ключевые элементы государственной безопасности в условиях текущей геополитической реальности. *Гуманитарные науки*. 2023;13(2):26-37. DOI: 10.26794/2226-7867-2023-13-2-26-37

ORIGINAL PAPER

Technological Sovereignty and Demographic Growth as Key Elements of State Security in the Current Geopolitical Reality

S.V. Sadovnikov

Federal State Statistics Service, Moscow, Russia

ABSTRACT

This paper examines the importance of enhancing policies of technological sovereignty and demographic growth in order to increase the economic power of the state, which is a key condition for success in the geopolitical confrontation with the United States and NATO countries. The article uses specific and general analysis methods, comparison and analogy method, scientific works of researchers who consider the issue of import substitution and demography, interviews and speeches of persons holding public office, as well as the author's empirical observations of the processes of public administration in these areas. Having considered the issue, the author has come to conclusion that to ensure the parity of the Russian economy with the world leaders, it is necessary to focus on the development of domestic high-tech production. Moreover, it should be combined with a change in the approach to the solving of the demographic problem by focusing on the resettlement of citizens in the framework of individual housing construction.

Keywords: demographic policy; technological sovereignty; economic development; economic security; import substitution; spatial development; internal market; self-sufficiency

For citation: Sadovnikov S.V. Technological sovereignty and demographic growth as key elements of state security in the current geopolitical reality. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finasovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2023;13(2):26-37. DOI: 10.26794/2226-7867-2023-13-2-26-37

ВВЕДЕНИЕ

Немецкий военный теоретик К. Клаузевиц в своем трактате «О войне» вывел ставшую классической формулу: «Война есть не что иное, как продолжение государственной политики иными средствами» [1]. Данное утверждение можно применить в отношении очередного, теперь уже фактически прямого противостояния России и стран Запада во главе с США на территории бывшей Украинской ССР. «Украинские» события 2022 г. являются частью проводимой уже много лет Соединенными Штатами Америки политики так называемого «управляемого хаоса», который начался с развала Югославии, продолжился на Ближнем Востоке, а с 2014 г. возник на границах России.

Втянув Россию в долговременный «горячий» военный конфликт, американское правительство пытается достичь своих геополитических целей посредством разрушения российской экономики с помощью санкций и частичного эмбарго. Вместе с тем, несмотря на то, что подобный подход провалился, и сложный период в настоящее время пройден (о чем в своем выступлении на Валдайском форуме и сообщил Президент России В.В. Путин¹), исторический опыт показывает, что такие периоды в будущем будут повторяться с завидной регулярностью, а значит, государство должно быть к этому готово.

ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Несмотря на относительную текущую стабильность, необходимо помнить о том, что в России существуют две критические проблемы, оказывающие прямое влияние на успешность неизбежного геополитического противостояния, которые необходимо решить как можно скорее, — демографии и технологического суверенитета². О критической важности таких проблем неоднократно заявлял Президент России В. Путин в посланиях Федеральному собранию Российской Федерации, а также в ходе иных публичных выступлений. Так, по итогам Петербургского экономического форума, он поручил Правительству России разработать дополнительные меры «кардинального характера» для поддержки семей с детьми, так как в России наблюдается крайне сложная

демографическая ситуация³, а во время посещения завода Тулжелдормаш в Тульской области указал, что по критически важным направлениям Россия должна добиваться полного суверенитета⁴.

Важность скорейшего решения перечисленных проблем обусловлена необходимостью соответствовать требованиям времени, в котором противостояние мировых держав ведется, как уже говорилось выше, не только в военной, но в первую очередь в экономической (технологической) сфере. В условиях текущего противостояния со странами Запада, требующего серьезной экономической мощи государства, Россия должна иметь сопоставимые возможности. Обеспечить их способны только соответствующие научно-исследовательская и производственная базы, эффективное развитие и функционирование которых невозможно (или как минимум крайне неэффективно) без людских ресурсов должного объема, так как экономика растет за счет рабочей силы и ее производительности [2].

Очевидно, что в долгосрочной перспективе и без серьезных изменений Россия не сможет на должном уровне конкурировать с лидерами мирового рынка по причине того, что численность ее населения приблизительно в 3 раза меньше, чем в Европейском союзе и в 10 раз меньше, чем в Китае. Схожие пропорции наблюдаются и в отношении экономик — российская 5 раз меньше европейской, если считать ВВП по паритету покупательской способности, и примерно в 10 раз меньше — в номинальном выражении. Ситуация не очень хорошая, но, к счастью, — разрешимая.

Для того чтобы избежать негативного сценария, России, по сути, необходимо совершить рывок, аналогичный тому, который сделал СССР в период 20–30-х гг. XX в., так как в настоящий момент мы существенно отстаем во многих наукоемких и высокотехнологических отраслях, причем зачастую, скорее всего, в вопросах не разработки, а внедрения и продвижения. Проблема также усугубляется все еще существенной зависимостью от импорта — не только конечной продукции, но и производственных технологий [3].

АНАЛИЗ

Приведенное выше утверждение подтверждается структурой российского импорта (здесь и далее — по

¹ Заседание Международного дискуссионного клуба «Валдай». URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/69695> (дата обращения: 22.01.2023).

² Путин отметил особую актуальность укрепления технологического суверенитета РФ. URL: <https://tg.ru/2022/05/11/putin-otmetil-osobuiu-aktualnost-ukrepleniia-tehnologicheskogo-suvereniteta-rt.html> (дата обращения: 22.01.2023).

³ Перечень поручений по итогам XXV Петербургского международного экономического форума. URL: <http://kremlin.ru/acts/assignments/orders/69045> (дата обращения: 22.01.2023).

⁴ Посещение завода «Тулжелдормаш». Президент России. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/70859> (дата обращения: 04.04.2023).

данным ФТС России⁵), где почти половину (49,2%) составляют высокотехнологичные устройства — машины и оборудование с высокой добавленной стоимостью; при этом электрическое оборудование (в том числе смартфоны, персональные компьютеры и их комплектующие) составляет около четверти данного импорта — 12,4%.

В качестве примера можно привести статью импорта смартфонов, количество которых в поставках 2021 г. составило 45,2 млн штук (на сумму в 36,8 млрд долл. США), а, принимая во внимание высокую маржинальность таких аппаратов (порядка 50%⁶), их производители на российском рынке получили чистую прибыль в размере 18 млрд долл. США, или 1,31 трлн руб. (по средневзвешенному курсу доллара США за 2021 г.). Стоит отметить, что в случае получения этой прибыли отечественными производителями государству только в виде налога на прибыль вернулось бы 262,8 млрд руб. дохода, которые можно было бы потратить на дальнейшее развитие производства и, соответственно, прибыль и налоги были бы еще больше.

Еще одной важнейшей статьёй импорта, которая в силу своей специфики не учитывается в отчетах таможенной службы, является программное обеспечение, также имеющее высокую добавленную стоимость, причем существенно превышающую даже добавленную стоимость смартфонов, так как она выступает продуктом интеллектуальной деятельности и создается без больших материальных затрат.

Существенная часть используемого в России такого программного обеспечения (в том числе в органах власти) разрабатывается зарубежными компаниями [4], которые являются к тому же резидентами стран, официально внесенных в список недружественных для России и заинтересованных в теневом сборе информации. Необходимо особенно отметить, что подобная технологическая зависимость несет существенную угрозу несанкционированной утечки информации как для отдельных лиц, так и для государства в целом, так как в настоящий момент зарубежное происхождение имеют порядка 99% от всей доли мобильных устройств, а также порядка 70% используемого программного обеспечения⁷.

⁵ ФТС Россия. URL: <https://customs.gov.ru/press/federal/document/325325> (дата обращения: 22.01.2023).

⁶ The Real Production Costs of Smartphones. URL: <https://www.techwalls.com/production-costs-of-smartphones/> (дата обращения: 22.01.2023).

⁷ Импортозамещение программ отстало от программы. URL: <https://www.rbc.ru/newspaper/2021/12/28/61c21e289a79479e8562641b> (дата обращения: 22.01.2023).

Основной же статьёй экспорта все еще являются базовые ресурсы — топливо-энергетические товары (54,3%) и металлы (10,4%), которые к тому же в случае нефти, газа и угля — невозполнимы, а значит, через определенный промежуток времени будут истощены (при этом импортируются товары, которые могут быть переработаны в сырье для вторичного производства). Что касается высокотехнологичных производств, которые могут создавать продукцию с высокой долей добавленной стоимости, то их доля в общей структуре экспорта незначительна и составляет всего 9,5%, из которых 6,6% — экспорт машин и оборудования, а 2,9% — продукция военно-промышленного комплекса (14,6 млрд долл. США⁸ военного экспорта из 493,3 млрд долл. США общего экспорта за 2021 г.).

Таким образом, в настоящий момент Россия находится в крайне невыгодном положении, так как наше участие в глобальных экономических процессах, где мы долгое время выступали в качестве поставщика дешевых ресурсов, не позволяло в должной мере развивать собственное высокотехнологичное производство, в то время как развитые страны Европейского союза обеспечивали свое благополучие, экспортируя товары, произведенные за счет таких дешевых ресурсов. Примером такого подхода является анализ банка Credit Suisse, который показывает, что Германия, получив ресурсов на 200 млрд евро, произвела продукции на 2 трлн евро⁹ (т.е. почти половину своего ВВП), продавая товары с высокой долей добавленной стоимости, а значит, и с самой высокой чистой прибылью.

В нашем государстве, напротив, в настоящий момент отсутствует достаточное количество высокотехнологичных предприятий, способных обеспечить вклад в структуру ВВП, аналогичный тому, который вносят немецкие предприятия для своей страны. В итоге подобные виды товаров приходится импортировать, в том числе из той же Германии, *помогая развивать зарубежное, а не российское производство*. Более того, существенная часть подобных товаров производится из ресурсов, которые поступили туда как раз из России.

В качестве примера можно привести авиационную отрасль (одну из наиболее высокотехнологичных и наукоемких), где Россия пока еще су-

⁸ ФCBTC России. URL: <https://www.fsvts.gov.ru/doc/4325882500324FFD432588B00058BE25/> (дата обращения: 22.01.2023).

⁹ The “G-SIB” Commodities. Credit Suisse. URL: <https://plus2.credit-suisse.com/shorturlpdf.html?v=524K-VNweV&t=3gl6kce2g3yjsjled11fbf7iz> (дата обращения: 22.01.2023).

щественно зависит от продукции двух крупнейших производителей-поставщиков — Боинга и Эйрбаса, на долю которых приходится до 95% пассажирских перевозок в России¹⁰. При этом для нужд указанных авиакомпаний Россия экспортирует критически важный в производстве самолетов титан (до 30% от необходимого — Боингу и до 60% — Эйрбасу)¹¹. В 2021 г. только в США (в основном для нужд Боинга) было экспортировано 4,6 тыс. тонн титана на сумму в 109,3 млн долл. США¹². Такого количества будет достаточно для производства, например, 30 единиц (минимум 10 тонн, 7,5% в общем объеме производственных затрат [5]) одного из самых дорогих самолетов (410 млн долл.¹³) — широкофюзеляжного Боинг-777, из которых только Аэрофлотом эксплуатируется 22 единицы. При этом добавленная стоимость с продажи одного такого самолета позволяет полностью компенсировать поставки российского титана, что демонстрирует очень высокий уровень маржинальности производства.

Описанная выше ситуация является одной из многих, демонстрирующих случаи, когда мы, оплачивая высокотехнологичные товары, выводим существенные средства за рубеж. Как уже было отмечено ранее, доля высокотехнологичного импорта в 2021 г. составила 49,2%, или 145,7 млрд долл. США, которые ушли иностранным производителям и обеспечили налоговые выплаты, а также развитие производства *вне России*. Вместе с тем, в случае закупки таких товаров внутри страны, удалось бы сохранить существенные объемы средств (порядка 3 трлн руб.) для дальнейшего развития собственного производства, а также обеспечить существенные поступления в бюджет за счет налога на добавленную стоимость, налога на прибыль, налогов на доходы физических лиц, работающих на подобных предприятиях. Кроме того (что даже более важно, чем все перечисленные материальные выгоды), появились бы соответствующие отраслевые компетенции вкпе с обеспечением технологической независимости государства от поставщиков из недружественных стран.

К такого рода технологической независимости все быстрее приближается Китай, который за 50 лет

из страны с бедным населением и экономикой, производившей разве что хорошие термосы и пледы, превратился в державу со второй экономикой в мире и развитой высокотехнологичной промышленностью. Об этом наглядно свидетельствует недавний запуск последнего компонента собственной орбитальной станции, а также попытки США помешать повсеместному внедрению технологий связи пятого поколения (5G) китайского производства (компания Huawei).

К сожалению, в настоящий момент обретение суверенного статуса находится на начальном этапе, — как уже было сказано ранее, российская промышленность и смежные отрасли все еще существенно зависят от иностранных поставок технологий, комплектующих и компонентов, а прогресс в полноценном импортозамещении в настоящее время — относительно небольшой [6]. Зависимость в отдельных ключевых отраслях, например в отношении приборной базы, по некоторым направлениям составляет до 90%, о чем на встрече с молодыми учеными заявил Президент Путин¹⁴.

Стоит отметить, что Правительство России, понимая критическую важность описанных выше проблем, предпринимает активные действия по предотвращению разнообразных мер, поддерживающих бизнес, среди которых все более значимое место занимает создание регионов с особыми условиями работы, ориентированными на хозяйственный прогресс. Ключевой формулой становится поддержка крупного бизнеса, который сталкивается с растущими трудностями и неопределенностью в связи с введением санкций и эмбарго, путем создания условий для повышения степени переработки его продукции на территории России. Бизнес получает перспективу, страна — увеличение добавленной стоимости¹⁵.

По мнению автора, такая политика Правительства России, реализация которой происходит не благодаря, а скорее, вопреки кредитно-денежной политике Центрального Банка России, является абсолютно верной. Однако на совместном заседании профильных комитетов Госдумы по основным направлениям единой государственной денежно-кредитной политики на 2023–2025 гг. глава Центрального банка Э.С. Набиуллина поддержала правительственный подход, заявив, что России нужно заниматься структурной перестройкой эко-

¹⁰ Правительство России. URL: <http://government.ru/docs/all/141773/> (дата обращения: 22.01.2023).

¹¹ Не остаться в полете. Что ждет Airbus без поставок титана из России. URL: <https://ria.ru/20220421/samolety-1784494854.html> (дата обращения: 22.01.2023).

¹² ФТС России. URL: <http://stat.customs.gov.ru/analysis> (дата обращения: 22.01.2023).

¹³ Boeing. URL: <https://www.boeing.com/commercial/777x/> (дата обращения: 22.01.2023).

¹⁴ Встреча с молодыми учеными. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/69967> (дата обращения: 22.01.2023).

¹⁵ Правительство России. URL: <http://government.ru/news/47196/> (дата обращения: 22.01.2023).

номики, причем в ускоренном режиме. Набиуллина пояснила, что трансформация — это, в том числе, и «переориентация на внутренний рынок» и «повышение степени переработки»¹⁶.

Ориентация на внутренний рынок в текущих (и будущих) геополитических реалиях, по мнению автора, является естественным (и единственным) путем развития экономики для такой страны, как Россия, которая обладает огромным количеством ресурсов, необходимых для успешного развития. Показательным примером, демонстрирующим верность такого курса, являются действия Центрального Комитета Компартии Китая и Госсовета КНР (высшего исполнительного органа страны), издавших совместную директиву об ускоренном построении единого общенационального рынка страны¹⁷.

Очевидно, что Китай делает акцент на обеспечении баланса внутреннего спроса и предложения, изучив в том числе опыт экономического давления на Россию. Новый тренд на самостоятельность экономик возник на фоне пандемии и текущего конфликта: речь идет не только о продовольственной безопасности, но и о том, как самим обеспечить экономический рост. В этом контексте уход европейских брендов из России смотрится совсем иначе. По мнению Ли Чао, ведущего экономиста компании Zheshang Securities, «в современном мире рынок является самым дефицитным ресурсом»¹⁸.

Стоит отметить, что подобный ресурс есть и у России, что является отличным окном возможностей для отечественного бизнеса. Наша страна сейчас находится в уникальной ситуации, когда, несмотря на падение объемов нефтегазового экспорта, его доходность в условиях сверхвысоких цен лишь увеличивается. При этом на внутреннем рынке, благодаря действующей тарифной политике и избытку предложения, цены на энергоресурсы остаются доступными для потребителя. Так как энергия является ключевым элементом, необходимым для современного производства, данное обстоятельство позволяет формировать задел для технического

первооружения и импортозамещения, а также экспортной переориентации, — таким образом, открываются новые горизонты и перспективы.

В.В. Путин, выступая на Валдайском форуме 2022 г., сказал о существенной недооценке российской экономики, выразившейся в том, что стабильность поставок дешевых энергоносителей в страны ЕС вызвала эффект привыкания, а когда такой экспорт остановился, наступил кризис. Однако существенное сокращение поставок в Европу и одновременный рост доходов показали, что избыточный экспорт в общем-то не нужен. Необходимо, применяя свои обширные ресурсные возможности и достигая технологического паритета с мировыми лидерами, *делать ставку на внутренний спрос*.

Это, в свою очередь, приводит к проблеме демографии, так как упомянутый *внутренний спрос (а также предложение) обеспечивается основой и главным ресурсом любого государства — людьми*. Еще император Павел I говорил, что «человек — первое сокровище государства», а, по мнению автора, людской ресурс — *самый дорогой в долгосрочной перспективе*, так как, в отличие от экономических, технологических или природных, его невозможно оперативно получить, даже приложив большие усилия.

А.В. Кашепов в своей монографии «Взаимосвязи экономики и демографии» утверждает, что «в современной экономике демографический фактор воздействует на другие параметры общественных процессов как со стороны производства ВВП посредством увеличения численности трудоспособности населения, его качества (человеческого капитала), половозрастной структуры, так и со стороны потребления, а большое по численности население создает массовый потребительский рынок и, таким образом, тоже способствует развитию экономики» [7].

Аналогичной позиции придерживаются различные экономисты и демографы, в частности: С.В. Соболева, Н.Е. Смирнова и Л.Л. Чудаева; О.Н. Слоботчиков; Л.Л. Рыбаковский; А.Г. Вишневецкий; А.И. Кузьмин; Н.Д. Эпштейн, Е.А. Егорова, М.В. Карманов, П.А. Смелов, А.М. Карманов, которые в своих исследованиях приходят к выводу о том, что «важнейшей целью и одновременно средством в обеспечении экономической безопасности страны является ее население».

«Невозможно достичь благосостояния страны, не имея достаточного количества трудоспособного населения и высококвалифицированных кадров. <...> Население страны — это фундамент, без которого политическая, военная, экономическая, социаль-

¹⁶ Выступление Эльвиры Набиуллиной на совместном заседании профильных комитетов Госдумы по Основным направлениям единой государственной денежно-кредитной политики на 2023–2025 годы. URL: <https://cbr.ru/press/event/?id=14286> (дата обращения: 22.01.2023).

¹⁷ China accelerates inward economic pivot with plan to create a 'unified domestic market'. URL: <https://www.scmp.com/economy/china-economy/article/3173886/china-accelerates-inward-economic-pivot-plan-create-unified> (дата обращения: 22.01.2023).

¹⁸ Там же.

ная и прочие укрупненные виды национальной безопасности, в том числе и их более мелкие подразделения, не имеют практического значения» [8]. По мнению Г.Е. Крохичевой и В.Е. Шумилиной, «демографическую безопасность можно выделить как одно из важнейших слагаемых национальной безопасности Российской Федерации» [9].

К сожалению, как показывают данные Росстата, Россия постепенно теряет свой демографический ресурс: за 2022 г. рождаемость сократилась на 6,1%, — налицо неблагоприятный восходящий тренд. Естественная убыль населения за те же девять месяцев составила 463 тыс. чел. Эта цифра существенно меньше, чем год назад (676 тыс. чел.), но подобное обусловлено объективными факторами. Однако за весь 2019 г. данный показатель был равен 316,2 тыс. чел., а за три квартала 2022 г. — он больше в 1,5 раза.

Государственное управление при решении данной проблемы оставляет желать лучшего по причине отсутствия понимания — как можно исправить ситуацию, в связи с чем нет желающих взять на себя ответственность за это. Профильное ведомство в лице Министерства труда и социальной защиты за последние годы не представило никаких прорывных инициатив, кроме предложений об очередных (и относительно небольших, по сравнению с другими странами) выплатах на детей дошкольного и школьного возрастов и заявлений о важности роста ожидаемой продолжительности жизни.

Подобные действия, по мнению автора, являются малоэффективными и не способны переломить негативную демографическую тенденцию, так как «залить» деньгами (которых, кстати, выплачивается не так уж и много) подобную проблему не представляется возможным, свидетельством чему является опыт стран, выплачивающих существенные по размеру пособия на рождение детей, — от Норвегии до ОАЭ.

Рост продолжительности жизни, напротив, оказывает негативное влияние на рождаемость, свидетельством чему является кризисная демографическая ситуация, складывающаяся в последние годы в Японии [10]. Возрастная структура населения — это долгосрочный фактор, серьезно влияющий на экономическую устойчивость и способность к росту, что отражается на финансовых балансах и тенденциях в потреблении.

Подобная тенденция в настоящий момент наблюдается в Европе, в частности в странах — членах Большой семерки: Италии, где доля людей старше 65 лет — 23,7% от общего количества (за 30 лет количество такого населения увеличилось на 6,4%),

Германии — 22,2% (на 7,2%), Франции — 21,3% (на 7%). В 1991 г. общеевропейский показатель составлял 12,9%, в 2001 г. — 15%, в 2011 г. — 16,4%, а в 2021 — 19,4%. То есть каждые 10 лет данный показатель увеличивался на 3% — это чудовищные темпы.

Как видно, происходит «ускорение» старения — растет продолжительность жизни, падает рождаемость, а население в возрасте от 0 до 19 лет составляет всего 21%, что является историческим минимумом против 35% в 1950–1970-х гг. и 25–26% в 1970–1990-х гг. И эти процессы уже необратимы.

В России доля возрастного населения также увеличилась за 30 лет: с 10,3 до 15,6%, что, безусловно, негативно сказывается на демографической ситуации. Данная проблема является комплексной и сложной, и для ее решения необходимо проводить структурные изменения, причем не только институционального, но в первую очередь содержательного характера.

Необходимо делать существенную корректировку стратегии пространственного развития страны, так как это является ключевым пунктом решения демографического вопроса. При переходе к шестому технологическому укладу, будущее, по мнению автора, наоборот, — за малыми формами расселения (причем не обязательно только в сельской местности), так как именно подобный формат максимально способствует появлению многодетных семей.

Малоэтажная застройка и пригородное расселение — один из наиболее оптимальных вариантов, особенно с учетом удачного опыта антиурбанизации, который в период Великой депрессии применяли США, когда администрация президента Рузвельта переселила 7 млн чел. (что составило 20% от всего городского населения страны) в пригородные дома¹⁹. Результатом такого подхода стала смена формата агломераций с моноцентричных на полицентричные, где плотность населения распределялась равномерно без концентрации в одной области. Существенное увеличение жилой площади явилось катализатором повышения коэффициента рождаемости с 2,15 до 3,76, что позволило добиться устойчивого естественного прироста населения, и уже к середине XX в. для США наличие пяти детей в семье стало не исключением, а правилом.

Усилия же Правительства России в настоящее время в основном направлены в противоположную сторону: курс взят на создание в стране множества агломераций, обладающих высокой плотностью

¹⁹ 1930 Federal Population Census. URL: <https://www.archives.gov/research/census/1930> (дата обращения: 22.01.2023).

населения. Заместитель председателя Правительства России М. Хуснуллин — инициатор подобного подхода — опираясь на успешные зарубежные примеры (в частности, так называемых городов-государств по типу Сингапура), видит создание агломераций как ключевой элемент ускоренного экономического развития²⁰.

Вместе с тем концентрация граждан в одном месте была наиболее эффективна в период индустриализации и активного развития сферы услуг, который по факту завершился в конце XX в., в связи с чем проводимая политика представляется устаревшей, особенно на фоне новых инициатив развитых стран, которые начали стимулировать переселение граждан из крупных городов, как, например, это сделали власти Токио²¹.

Однако подобная политика экстраурбанизации, напротив, ведет лишь к усиленному переселению людей в крупные города, и, как следствие, к повышению цен на квартиры при одновременном уменьшении их средней площади (*табл. 1*), а также к снижению возможности приобретения жилья площадью, достаточной для комфортного проживания у существенного количества граждан. Что прямо сказывается на демографической ситуации, так как стесненные условия проживания определенно не являются мотивирующим стимулом к деторождению — об этом заявили свыше 55% респондентов «Выборочного наблюдения репродуктивных планов населения», проводившегося Росстатом [11].

Такие условия более всего характерны именно для многодетных семей, являющихся основой демографического благополучия государства, что подтверждают проведенные ранее исследования по схожей тематике [12], а также данные комплексного наблюдения условий жизни населения, проведенного Росстатом в 2020 г. (периодичность данного наблюдения составляет 2 года), представленные в *табл. 2*.

При этом, как показывают данные Росстата по среднедушевым денежным доходам населения (*табл. 3*), возможности домохозяйств приобрести собственное жилье в городе, с учетом минимальных норм жилой площади на 1 человека, с каждым годом снижаются. Это принуждает граждан поку-

пать квартиры в ипотеку и попадать в кредитную зависимость от банков на десятилетия, выплачивая проценты, которые в большинстве случаев равны стоимости самой квартиры.

Приведенные факты, а также продолжающееся ухудшение демографической ситуации подтверждают, что проводимая политика не приносит существенных результатов, а, по мнению автора, для России потеря демографического ресурса — это не только невозможность потенциального экономического роста, но и прямая угроза национальной безопасности, в том числе, не в последнюю очередь, — ввиду экстремально низкой плотности населения.

При этом, в отличие от государств с небольшой площадью и очень высокой плотностью населения, которые вынуждены вести урбанистическую политику, Россия, обладая обширной и незаселенной территорией из-за типовой малоэтажной застройки (частных домов с земельным участком), в состоянии обеспечить комфортный уровень проживания — 30 м² — для каждого гражданина, даже с условием потенциального увеличения населения до 300–400 млн человек.

Р.Ф. Гатауллин в своей статье провел анализ взаимосвязи потенциала экономического развития субъектов Российской Федерации с проводимой политикой пространственного развития и выявил существенную нерациональность использования экологического и ландшафтного потенциала. Он считает, что «использование территорий с почти нетронутым человеческим ландшафтом позволит при небольших затратах вовлечь в экономический оборот те ресурсы и возможности, владение которыми является важным преимуществом Российской Федерации» [13].

По мнению автора, решение демографического вопроса в первую очередь зависит от типа расселения, а именно — развития малоэтажной застройки в пригородах, малых городах, сельской местности. О критической важности развития села говорит принятие специальной государственной программы²², а также проведенные научные исследования по данной тематике [14].

В качестве примера можно привести смоделированную автором в *табл. 4* ситуацию по улучшению демографической ситуации за счет индивидуального жилищного строительства (ИЖС) на примере

²⁰ Хуснуллин: В каждом регионе отберут по 15–20 опорных населенных пунктов. URL: <https://rg.ru/2021/06/04/husnullin-v-kazhdom-regione-otberut-po-15-20-opornyh-naselennyh-punktov.html> (дата обращения: 22.01.2023).

²¹ Японцам заплатят за переезд из Токио в регионы. URL: <https://rg.ru/2022/12/29/ne-slyshno-shuma-gorodskogo.html> (дата обращения: 22.01.2023).

²² Государственная программа «Комплексное развитие сельских территорий». URL: <http://government.ru/docs/36905/> (дата обращения: 22.01.2023).

Таблица 1 / Table 1

Динамика изменения параметров и стоимости квадратного метра жилья в России в период с 2009 по 2022 г. / Dynamics of changes in the parameters and square meter cost of housing in Russia from 2009 to 2022

Год	Изменение средней площади квартир во введенных многоэтажных домах, м ²	Средняя стоимость м ² в новостройке среднего качества, тыс. руб.	Стоимость квартиры по средней площади в новостройке, тыс. руб.
2009	63,7	44,5	2834,7
2010	62,8	46,8	2939,0
2011	60,8	44,8	2723,8
2012	59,6	49,9	2974,0
2013	56,8	50,0	2840,0
2014	56,0	49,2	2755,2
2015	54,3	51,4	2791,0
2016	52,9	55,2	2920,1
2017	51,7	56,6	2926,2
2018	51,3	56,3	2888,2
2019	51,7	61,2	3164,0
2020	51,5	80,4	4140,6
2021	52,3	101,3	5298,0
2022	52,0	110,7	5756,4

Источник / Source: расчеты автора на основе данных Росстата. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/din_cen_4_1998.xlsx / Compiled by the author basing on the Russian State Statistics Service's data.

Таблица 2 / Table 2

Доля домохозяйств (в том числе с детьми до 18 лет), испытывающих стесненность при проживании в своем жилом помещении за 2020 г., % / Share of households (including those with children under 18 years of age) experiencing constraint in their living quarters in 2020, %

	Из всех домохозяйств	В том числе, проживающие		Из них домохозяйства с детьми в возрасте до 18 лет	В том числе		
		в городской местности	в сельской местности		с 1 ребенком	с 2 детьми	с 3 и более детьми
Доля	17,6	35,8	28,9	34,2	14	19,8	24,4

Источник / Source: URL: https://gks.ru/free_doc/new_site/GKS_KOUZH_2022/index.html

одного из обычных регионов средней полосы России — Рязанской области.

Стоит отметить, что в России на местном уровне — в частности в Курганской области — уже реали-

зуется программа поддержки ИЖС и малоэтажной застройки под названием «Русская мечта». Основной целью проекта заявлено удовлетворение запроса граждан на владение собственным домом и зем-

Соотношение размеров среднедушевого дохода населения с затратами на покупку квартиры средней площади за период с 2009 по 2021 г. / Comparison between the size of the average per capita income of the population and the cost of a medium-sized flat for the period from 2009 to 2021

Год	Средняя стоимость квартиры в новостройке, млн руб.	Среднедушевой доход населения, руб.	Среднедушевой доход населения на семью из двух человек, руб.	Среднедушевой доход населения на семью из трех человек, руб.
2009	3 114 900	16 895	33 790	50 685
2010	3 020 700	18 958	37 916	56 874
2011	2 590 100	20 780	41 560	62 340
2012	2 783 300	23 221	46 442	69 663
2013	2 817 300	25 684	51 368	77 052
2014	2 850 400	27 412	54 824	82 236
2015	2 823 600	30 254	60 508	90 762
2016	2 830 200	30 865	61 730	92 595
2017	2 926 200	31 897	63 794	95 691
2018	3 098 500	33 361	66 722	100 083
2019	3 220 900	35 506	71 012	106 518
2020	3 862 500	36 240	72 480	108 720
2021	4 769 800	40 272	80 544	120 816

Источник / Source: URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13397>

лей. Данная программа была инициирована лично губернатором области В. Шумковым, а в рамках ее реализации при весьма ограниченных финансовых ресурсах удалось достичь существенных результатов. Обосновательной базой проекта стало социологическое исследование, показавшее что 55% граждан России хотели бы жить в собственном доме, если бы им была предоставлена подобная возможность.

В рамках «Русской мечты» свободные земельные участки раздаются желающим бесплатно, без всяких торгов и ненужных бюрократических процедур. Условие лишь одно — землей нужно в той или иной мере заниматься. Для ИЖС в бесплатную аренду предоставляется земельный участок площадью до 2-х акров, а для ИЖС и ведения личного подсобного хозяйства — уже до 1 гектара. Из регионального бюджета выдается субсидия в размере до 700 тыс. руб. на возмещение первоначального взноса по ипотеке на ИЖС или на строительство собственного дома. После завершения строительства дома или рождения ребенка арендуемый участок бесплатно переходит в собственность владельца. Для Курганской области подобные суммы являются существенными, учитывая среднюю стоимость 1 кв. метра жилья в 44,4 тыс. руб. При этом в сельской местности и малых городах она на порядок меньше.

По мнению автора, опыт Курганской области необходимо учесть и внимательно проанализировать для масштабирования схожих по характеру и целям программ на федеральном уровне, а проекты индивидуального жилищного строительства и малоэтажной застройки должны стать основной политики пространственного развития. Главное преимущество России — земли, которые необходимо осваивать и заселять, не пытаясь загнать население в 20 или 40 агломераций.

ВЫВОДЫ

События последнего десятилетия, и особенно 2022 г., привели к тому, что в России, по сути, впервые за последние 75 лет проходит проверка на прочность всех систем. Если в этих экстремальных обстоятельствах государство не сможет переориентировать экономику с сырьевой экспортоориентированной модели на технологические «рельсы», проблема может приобрести необратимый эффект.

Текущий кризис показывает стратегическую ошибочность ориентации на экспорт сырья, так как введенные санкционные меры вынуждают спешно перенаправлять потоки энергоносителей на новые рынки, что, в свою очередь, не может не

Таблица 4 / Table 4

Моделирование демографической ситуации в Рязанской области при ориентации пространственной политики на индивидуальное жилищное строительство / Modeling of the demographic situation in the ryazan region with housing policy oriented on individual housing construction

Текущее население субъекта, чел. (на 2021 г.)	1 102 810
Площадь субъекта, км ²	39 600
Площадь субъекта, м ²	39 600 000 000
Общая площадь, выделенная под ИЖС, км ²	1000
Площадь, выделенная под один участок ИЖС, м ²	1000
Количество участков ИЖС, шт.	1 000 000
Типовая площадь объекта ИЖС (дома), м ²	200
Норма полезной площади на члена семьи в объекте ИЖС, м ²	Не менее 30
Количество членов семьи, проживающих в объекте ИЖС при соблюдении нормы жилой площади на 1 человека	Не менее 6
Количество населения субъекта в случае реализации указанного подхода, чел.	6 000 000

Источник / Source: составлено автором / compiled by the author.

сказаться на стоимости продукции, и, как следствие, — доходах бюджета.

То, что сейчас происходит, дает нам уникальную возможность понять, что пора развивать и диверсифицировать экономику не на основе деклараций и лозунгов, а по факту — так, чтобы в металле или пластике «отлить» новые технологии. Если не сейчас, то когда? Пора заканчивать с сырьевой рефлексией.

Обеспечить технологический прорыв в текущих реалиях можно, только опираясь на собственные силы. Сто лет назад наша страна (тогда — СССР) уже проходила подобное испытание, но в отличие от современной России, у нее не было существенной технологической базы и доступных ресурсов. Однако это не помешало ей после всех испытаний и потерь стать второй экономикой мира.

По мнению автора, необходимо использовать накопленный исторический опыт государственного управления СССР, добавив к нему тот, что приобретен за время действия в России рыночной экономики. Подобный путь, сочетающий государственное регулирование и активное участие частных предпринимателей, избрал Китай. Россия при адаптации подобного подхода и наличии большого числа дешевых ресурсов вполне может повторить успех восточного соседа.

При этом для успешной реализации данного подхода необходим обширный человеческий

капитал, которого в настоящий момент в нашей стране недостаточно — по данным Всемирного банка, в национальном богатстве России в 2017 г. человеческий капитал составлял 46%, в то время как его доля в мировом национальном богатстве — 66%, а в развитых странах — 70–80% [15]. По мнению Л.Г. Батраковой, теория человеческого капитала, возникшая в 60–70-е гг. XX в., не утратила своей актуальности и в «новой экономике» XXI в. в связи с тем, что ее инновационный характер развития будет обеспечиваться за счет более высоких расходов на человеческий капитал, как со стороны государства, так и за счет граждан и организаций (прогноз к 2030 г. до 14,1% ВВП, в 2010 г. — 9,8%) [16]. О положительном влиянии человеческого капитала на долгосрочный темп экономического роста говорят и зарубежные исследователи [17, 18].

Вместе с тем эффективное увеличение человеческого капитала крайне затруднительно без комфортных жилищных условий, что подтверждается исследованиями О.В. Ишкандерова [19] и Н.С. Ишмухаметова [20], в связи с чем необходимо изменение текущей государственной политики в области урбанизации. Только таким образом, а также посредством кратного увеличения человеческого капитала можно осуществить технологический скачок для обретения полноценного экономического суверенитета и самообеспечения государства.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Клаузевиц К. О войне. Избранное. М.: АСТ; 2018.
2. Крутова Н. А., Лобанов А. В. Анализ влияния демографических факторов на уровень экономической безопасности России. Сборник трудов международной научно-практической конференции. Самара: Самарский государственный технический университет; 2021.
3. Simola H. Made in Russia? Assessing Russia's potential for import substitution *BOFIT Policy Brief*. 2022;(3):1–21.
4. Захарова Н. М. Особенности замещения зарубежных программных продуктов. *Экономика. Налоги. Право*. 2016;(3):91–98.
5. Cotton J. & Boyer Rodney & Weber Gary & Slattery Kevin. Titanium Alloy Development Needs for Commercial Airframes: An Update. URL: https://www.researchgate.net/publication/267900341_Titanium_Alloy_Development_Needs_for_Commercial_Airframes_An_Update (дата обращения: 01.12.2022).
6. Попова И. Н., Сергеева Т. Л. Импортзамещение в современной России: проблемы и перспективы. *Beneficium*. 2022;2(43):73–84.
7. Кашепов А. В. Взаимосвязи экономики и демографии. Монография. Москва: МАКС Пресс; 2019. 176 с.
8. Эпштейн Н. Д., Егорова Е. А., Карманов М. В., Смелов П. А., Карманов А. М. Методология анализа демографической безопасности и миграции населения. М.: Финансы и статистика; 2013. 168 с.
9. Крохичева Г. Е., Шумилина В. Е. Роль демографической безопасности в системе экономической безопасности государства и ее индикаторы. *KANT*. 2018;1(26):187–192.
10. Кобец П. Н., Ильин И. В. Проблемы влияния демографического кризиса в Японии на экономическую безопасность страны. *Вестник Нижегородской академии МВД России*. 2019;3(47):130–137.
11. Гудкова Т. Б. Репродуктивные намерения россиян: мотивация и сдерживающие факторы. *Демографическое обозрение*. 2019;(4):83–103.
12. Иваницкий В. В., Саксина Н. Н. К вопросу социально-экономической объективности нормы жилой недвижимости. *Известия высших учебных заведений. Серия: Экономика, финансы и управление производством*. 2020;1(43):71–80.
13. Гагауллин Р. Ф. Изменения демографического потенциала и системы расселения как факторы экономического развития региона. *Экономика труда*. 2018;5(2):441–452.
14. Ускова Т. В., Ворошилов Н. В. Комплексное развитие сельских территорий — задача государственной важности. *Проблемы развития территории*. 2019;6(104):7–19.
15. Шмелева Л. А., Штанова К. А. Сравнительный анализ развития человеческого капитала в высокотехнологичных и наукоемких отраслях экономики в России и за рубежом. *Вестник Алтайской академии экономики и права*. 2020;(11–2):369–375.
16. Батракова Л. Г. Человеческий капитал в экономике 21 века: политэкономический аспект. *Теоретическая экономика*. 2021;(7):51–58.
17. Jones B. F. The Human Capital Stock: A Generalized Approach: Reply. *American Economic Review*. 2019;109(3):1175–1195.
18. Chulanova Z. The Human Capital as a Factor of Competitiveness and Economic Development. *The East Asian Journal of Business Management*. 2017;(7):23–31. 10.13106/eajbm.2017.vol7.no3.23.
19. Ошкадеров О. В. Недвижимость россиян как экономический аспект человеческого капитала. *Молодой ученый*. 2013;12(59):335–340.
20. Ишмухаметов Н. С. Взаимосвязь жилищных условий домохозяйств и развития человеческого капитала на уровне региона. *Вестник УГНТУ. Наука, образование, экономика. Серия: Экономика*. 2015;1(11):76–80.

REFERENCES

1. Clausewitz K. On War. Selected. Moscow: AST; 2018. (In Russ.).
2. Krutova N. A., Lobanov A. V. Analysis of the impact of demographic factors on the level of economic security of Russia. Collection of works of the international scientific and practical conference. Samara: Samara State Technical University; 2021. (In Russ.).
3. Simola H. Made in Russia? Assessing Russia's potential for import substitution *BOFIT Policy Brief*. 2022;(3):1–21. (In Russ.).
4. Zakharova N. M. Peculiarities of substitution of foreign software products. *Ekonomika. Nalogi. Pravo*. 2016;(3):91–98. (In Russ.).

5. Cotton J. & Boyer Rodney & Weber Gary & Slattery Kevin. Titanium Alloy Development Needs for Commercial Airframes: An Update. URL: https://www.researchgate.net/publication/267900341_Titanium_Alloy_Development_Needs_for_Commercial_Airframes_An_Update (accessed on 01.12.2022).
6. Popova I.N., Sergeeva T.L. Import substitution in modern Russia: problems and prospects. *Beneficium*. 2022;2(43):73–84. (In Russ.).
7. Kashepov A.V. Vzaimodeistviya ekonomiki i demografii: monografiya. Moscow: MAKS Press; 2019. 176 p. (In Russ.).
8. Epstein N.D., Egorova E.A., Karmanov M.V., Smelov P.A., Karmanov A.M. Methodology of Analysis of Demographic Security and Migration of the Population. Moscow: Finance and Statistics; 2013. 168 p. (In Russ.).
9. Krokhicheva G.E., Shumilina V.E. Role of demographic security in the system of economic security of the state and its indicators. *KANT*. 2018;1(26):187–192. (In Russ.).
10. Kobets P.N., Ilyin I.V. Problems of the impact of the demographic crisis in Japan on the economic security of the country. *Vestnik Nizhegorodskoj akademii MVD Rossii*. 2019;3(47):130–137. (In Russ.).
11. Gudkova T.B. Reproductive intentions of Russians: motivation and deterrents. *Demograficheskoe obozrenie*. 2019;(4):83–103. (In Russ.).
12. Ivanitskiy V.V., Saksina N.N. To the question of socio-economic objectivity of the norm of residential property. *Izvestiya vysshih uchebnyh zavedenij. Seriya: Ekonomika, finansy i upravlenie proizvodstvom*. 2020;1(43):71–80. (In Russ.).
13. Gataullin R.F. Changes in demographic potential and settlement system as factors of economic development of the region. *Ekonomika truda*. 2018;5(2):441–452. (In Russ.).
14. Uskova T.V., Voroshilov N.V. Comprehensive development of rural areas is a task of national importance. *Problemy razvitiya territorii*. 2019;6(104):7–19. (In Russ.).
15. Shmeleva L.A., Shtanova K.A. Comparative analysis of human capital development in high-tech and knowledge-intensive industries in Russia and abroad. *Vestnik Altajskoj akademii ekonomiki i prava*. 2020;(11–2):369–375. (In Russ.).
16. Batrakova L.G. Human capital in the economy of the 21st century: a political economy aspect. *Teoreticheskaya ekonomika*. 2021;(7):51–58. (In Russ.).
17. Jones B.F. The Human Capital Stock: A Generalized Approach: Reply. *American Economic Review*. 2019;109(3):1175–1195.
18. Chulanova Z. The Human Capital as a Factor of Competitiveness and Economic Development. *The East Asian Journal of Business Management*. 2017;(7):23–31. 10.13106/eajbm.2017.vol7.no3.23.
19. Oshkaderov O.V. Real Estate of Russians as an Economic Aspect of Human Capital. *Molodoj uchenyj*. 2013;12(59):335–340. (In Russ.).
20. Ishmukhametov N.S. Interrelation of households' housing conditions and human capital development at the regional level. *Vestnik UGNTU. Nauka, obrazovanie, ekonomika. Seriya: Ekonomika*. 2015;1(11):76–80. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / ABOUT THE AUTHOR

Сергей Викторович Садовников — заместитель начальника Управления цифрового развития, Федеральная служба государственной статистики, Москва, Россия

Sergei V. Sadovnikov — deputy head of Bureau of digital development, Federal service of state statistics, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0003-0054-1889>
 mortemar@bk.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The author has no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 23.01.2023; принята к публикации 20.02.2023.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The article was received on 23.01.2023; accepted for publication on 20.02.2023.

The author read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2023-13-2-38-41
УДК 30(045)

Русофобия как инструмент разрушения исторической памяти об итогах Второй мировой войны

Е.А. Попова

Дипломатическая академия МИД РФ, Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

В данной статье автор проводит исследование феномена «руссофобия», рассматривает его как инструмент, используемый странами Запада для фальсификации итогов Второй мировой войны и вклада Советского Союза в общую победу над странами «оси». Также в исследовании указаны причины осуществления данной информационной войны. Поскольку распространение руссофобии, а также переписывание итогов Второй мировой войны, заключающееся в нивелировании роли Советского Союза в победе над Гитлером, напрямую негативно влияет на уровень национальной безопасности современной России, данное исследование представляется крайне актуальным. В конце статьи автор указывает эффективные методы борьбы с распространением руссофобии, основываясь на современных подходах к данной теме.

Ключевые слова: руссофобия; Вторая мировая война; фальсификация истории; геополитика; интересы государств; коллективный Запад; национальная безопасность

Для цитирования: Попова Е.А. Руссофобия как инструмент разрушения исторической памяти об итогах Второй мировой войны. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2023;13(2):38-41. DOI: 10.26794/2226-7867-2023-13-2-38-41

ORIGINAL PAPER

Russophobia as a Tool for Destroying Historical Memory of the Outcomes of World War II

E.A. Popova

Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russia

ABSTRACT

The article presents a study of the phenomenon of “russophobia” considering it as a tool used by Western countries to falsify the results of the Second World War as well as the contribution of the Soviet Union to the overall victory over the Axis countries. In the study the author presents the reasons for the implementation of this information warfare. The study gains extreme relevance as the spread of Russophobia, as well as the rewriting of the results of the Second World War, which downplays the role of the Soviet Union in the victory over Hitler, directly affects the level of national security of modern Russia in a negative way. At the end of the article the author presents effective methods of combating the spread of Russophobia which are based on modern research on this topic.

Keywords: russophobia; World War II; falsification of history; geopolitics; interests of states; collective West; national security

For citation: Popova E.A. Russophobia as a tool for destroying historical memory of the outcomes of World War II. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finasovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2023;13(2):38-41. DOI: 10.26794/2226-7867-2023-13-2-38-41

Актуальность настоящего исследования заключается в необходимости научно-го изучения идеи руссофобии как инструмента искажения итогов Второй мировой войны — одного из самых разрушительных конфликтов в истории человечества, приведшего к гибели миллионов людей. Новый миро-

порядок, возникший после нее, базировался на стремлении не допустить в будущем возникновение диктатуры, аналогичной той, что была выстроена Третьим рейхом. Джордж Оруэлл, видный британский эссеист и романист, писал: «Кто управляет прошлым, тот управляет будущим».

Для начала представляется целесообразным определить, что представляет собой русофобия как идеологическое явление, развивающиеся в современном мировом сообществе. Требуется рассмотреть вопрос наличия причин, которые могут стимулировать тех или иных субъектов к осуществлению изменения историко-политического нарратива в отношении итогов Второй мировой войны. Далее надо определить состав таких субъектов и раскрыть их интересы в условиях современной геополитики. После этого считаем необходимым рассмотреть то, каким конкретным способом русофобия используется для достижения своих геополитических интересов.

Термин «русофобия» появился задолго до Второй мировой войны, в XIX в., для описания ненависти к России как государству и к русскому народу [1]. С тех пор он используется для обозначения более широкого спектра антироссийских настроений. Распространение русофобии на бытовом уровне зачастую продиктовано предрасудками о различных негативных чертах, якобы присущих русскому народу (или россиянам) ввиду тех или иных обстоятельств исторического развития или даже некоей «дьявольской сущности российского государства». Последствиями этого является появление враждебности по отношению к русским (или Российской Федерации), что может стать причиной серьезной дискриминации [2].

Русофобия, определяемая как иррациональный страх или ненависть к России и русской культуре, уже давно является инструментом, используемым различными субъектами для формирования общественного восприятия и затушевывания исторической правды. Одним из наиболее ярких примеров русофобии в послевоенный период стало представление о Советском Союзе как о «колоссе на глиняных ногах». Этот образ, подчеркивающий военную и экономическую слабость нашей страны, использовался для того, чтобы дискредитировать ее в победе над нацистской Германией. Однако такое представление противоречит историческим данным [3].

О. Неменский, наряду с другими учеными, которые исследовали феномен русофобии, предлагает четко различать русофобию на бытовом уровне (которая зачастую возникает в связи с мотивами отдельно взятых членов общества) и русофобию как цельную идеологию, выполняющую определенные общественно-политические функции [4]. В рамках нашего исследования мы не рассматриваем данное явление на бытовом

уровне, поскольку существует негативное отношение и к другим национальностям (юдофобия, германофобия, японофобия), что продиктовано специальными психологическими характеристиками отдельно взятых личностей, исповедывающих такие идеи, а также особенностями исторического развития мировоззренческого ландшафта, в котором происходила социализация членов общества.

Некоторые исследователи отмечают, что так называемая русофобия предстает в качестве крупного идеологического тренда, посредством чего коллективный Запад стремится разрешить свои геополитические задачи [5]. При этом данная общественно-политическая концепция является структурно сложной, представляя из себя комплекс понятий и идей, формировавшихся на протяжении долгих десятилетий.

Представляется необходимым кратко дать морально-этическую, а также исключительно прагматическую оценку распространению русофобии. Данная целесообразность продиктована соображениями достижения объективности и исключения субъективности при проведении нашего исследования. Дело в том, что распространение русофобии (равно как и любой идеологии, предполагающей ненависть к той или иной нации), негативно сказывается на степени доверия между странами, парализует возможность проведения продуктивной дипломатии и, как следствие, существенно снижает уровень мировой безопасности.

В существующих геополитических условиях русофобия, распространяемая не только среди населения стран Запада, но и внутри страны, представляется более опасным явлением, чем антисемитизм или ненависть к другой нации. Это объясняется тем, что Россия является одним из ведущих геополитических акторов современности, от сотрудничества с которым зависит судьба мира, его стабильное и мирное развитие.

Для подтверждения попыток фальсификации истории со стороны западных стран можно привести результаты опроса, проведенного Фондом «Общественное мнение» 22 апреля 2019 г. 25% респондентов отметили, что влияние США в мире растёт. Еще 8% указали, что США навязывают свои ценности и порядки другим странам по всему миру [6]. Также большая часть экспертов предположила, что роль Советского Союза в победе во Второй мировой войне будет и дальше минимизироваться.

Коллективному Западу, который распространяет идею русофобии, важно направить эту негативную энергию в необходимом направлении. Изменение общественных представлений об итогах Второй мировой войны имеет важное геополитическое значение, несмотря на то, что при поверхностном анализе данного вопроса эта связь может быть не транспарентна. Современный геополитический ландшафт сформировался именно после Второй мировой войны, в результате победителями была создана новая система международных отношений и международного права. В качестве аналогии можно привести Вестфальский мир 1648 г., который был заключен между противоборствующими сторонами так называемой Тридцатилетней войны и установил основы международного права и отношений. Сегодняшняя же геополитическая обстановка сформировалась в результате создания Организации Объединенных Наций и принятия целого комплекса международно-правовых источников. Члены Совета Безопасности ООН — Франция, США, Россия, Китай и Великобритания — фактически являются противоборствующими сторонами, что порождает множество проблем в обеспечении мировой безопасности и конструктивного сотрудничества.

С 1946 г. началась холодная война — глобальное геополитическое, военное, экономическое и идеологическое противостояние СССР и США. Многие исследователи небезосновательно утверждают, что она не закончилась распадом СССР, а лишь перешла на новый этап, изменив свои некоторые внешние параметры [7].

Искажение представлений об итогах Второй мировой войны посредством распространения русофобии продиктовано стремлением к снижению политического влияния России в современном мире. Сложившаяся западная повестка заключается в том, что Россия не может считаться почетным победителем тоталитарного Третьего рейха, поскольку сама являлась и является тоталитарным государством, которое начало Вторую мировую войну вместе с Гитлером в сентябре 1939 г., напав с востока на Польшу.

Таким образом, посредством русофобии происходит уменьшение значения роли СССР во Второй мировой войне, а истинными победителями выставляются США и Великобритания. Данная сфальсифицированная информация распространяется среди российской молодежи. Фактически в настоящий момент существует информационное противостояние между двумя блоками силы в мире: России и Китая — с одной стороны, а США и Европы — с другой [8].

Несмотря на научную пользу, которую приносит наличие большого количества теорий по поводу тех или иных моментов истории, необходимо сохранение истинной, не сфальсифицированной памяти о знаковых событиях прошлого [9].

На данный момент, к сожалению, мы наблюдаем процесс представления России в качестве страны-агрессора [10]. Действия Российской Федерации по обеспечению своей национальной безопасности объясняются негативными характеристиками, присущими нашему государству и народу.

Для будущего развития России крайне необходимо сохранять представления о Советском Союзе как основной силе, сокрушившей Третий рейх. В этой связи борьба с русофобией имеет особое значение, а для обеспечения национальной безопасности России целесообразно проведение следующих мер:

1. Введение в программу российских школ отдельного предмета «Место России в современном мире», в рамках которого посредством предоставления несфальсифицированных данных и справедливых выводов будет производиться просвещение молодежи о различных аспектах мировой истории.
2. Спонсирование пророссийских медиа и распространение их контента по всему миру.
3. Распространение доказательств фальсификации Соединенными Штатами Америки итогов Второй мировой войны.
4. Изменение необоснованно негативного отношения к России путем проведения открытых дискуссий между представителями российской и западной интеллигенции.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Душенко К. В. «Русофобия» и родственные понятия в Германии XIX в. *Вестник культурологии*. 2022;2(101):25–52.
2. Черкашин К. В. «Русская весна» в Донбассе: предпосылки, ход и последствия. *Постсоветский материк*. 2021;4(32):4–15.
3. Абдуразакова С. М. Победа Советского народа в Великой Отечественной войне (1941–1945 гг.) и попытки ее фальсификации. *Социально-гуманитарные знания*. 2015;(1):5–16.

4. Неменский О. Русофобия как идеология. *Вопросы национализма*. 2017;1(13):26–65.
5. Ильин А.Н. Русофобия как идеологический тренд в информационном пространстве Запада. *Свободная мысль*. 2020;1(1679):23–34.
6. Пузанова Ж.В. Реконструкция и фальсификация истории Второй мировой войны: представления о будущем России на международной арене. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rekonstruktsiya-i-falsifikatsiya-istorii-vtoroy-mirovoy-voyny-predstavleniya-o-buduschem-rossii-na-mezhdunarodnoy-arene/viewer> (дата обращения: 26.01.2023).
7. Ильинский И.М. Холодная война: новый этап. *Знание. Понимание. Умение*. 2015;(3):5–17.
8. Пономарева Е.Г. Вторая мировая война и проблема фальсификации ее истории в представлениях российской молодежи. *Вестник РУДН. Серия: социология*. 2020;(2):307–322.
9. Проказина Н.В. Коммуникативная память о Великой Отечественной войне: теоретические подходы и социальная практика. *Среднерусский вестник общественных наук*. 2014;(7):35–43.
10. Морозов Ю.В. Фальсификация итогов Второй мировой войны в рамках информационной борьбы против России. *Национальные интересы: приоритеты и безопасность*. 2015;(25):50–63.

REFERENCES

1. Dushenko K.V. “Russophobia” and related concepts in Germany in the 19th century. *Vestnik kul'turologii*. 2022;2(101):25–52. (In Russ.).
2. Cherkashin K.V. “Russian spring” in Donbass: preconditions, course and consequences. *Postsovetskij materik*. 2021;4(32):4–15. (In Russ.).
3. Abdurazakova S.M. Victory of the Soviet people in the Great Patriotic War (1941–1945) and attempts to falsify it. *Social'no-gumanitarnye znaniya*. 2015;(1):5–16. (In Russ.).
4. Nemensky O. Russophobia as an ideology. *Voprosy nacionalizma*. 2017;1(13):26–65. (In Russ.).
5. Ilyin A.N. Russophobia as an ideological trend in the information space of the West. *Svobodnaya mysl'*. 2020;1(1679):23–34. (In Russ.).
6. Puzanova J.V. Reconstruction and falsification of the history of World War II: perceptions of Russia's future in the international arena. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rekonstruktsiya-i-falsifikatsiya-istorii-vtoroy-mirovoy-voyny-predstavleniya-o-buduschem-rossii-na-mezhdunarodnoy-arene/viewer> (accessed on 26.01.2023). (In Russ.).
7. Ilyinsky I.M. Cold War: a new stage. *Znanie. Ponimanie. Umenie*. 2015;(3):5–17. (In Russ.).
8. Ponomareva E.G. The Second World War and the problem of falsification of its history in the views of Russian youth. *Vestnik RUDN. Seriya: sociologiya*. 2020;(2):307–322. (In Russ.).
9. Prokazina N.V. Communicative memory of the Great Patriotic War: theoretical approaches and social practice. *Srednerusskij vestnik obshchestvennyh nauk*. 2014;(7):35–43. (In Russ.).
10. Morozov Y.V. Falsification of the results of World War II in the framework of the information struggle against Russia. *Nacional'nye interesy: priority i bezopasnost'*. 2015;(25):50–63. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / ABOUT THE AUTHOR

Екатерина Александровна Попова — аспирант Дипломатической академии МИД РФ, Москва, Россия
Ekaterina A. Popova — Post-graduate student of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0002-8761-4755>
 e9250340203@ya.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
Conflicts of Interest Statement: The author has no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 10.02.2022; принята к публикации 28.02.2023.
Автор прочтала и одобрила окончательный вариант рукописи.
The article was received on 10.02.2022; accepted for publication on 28.02.2023.
The author read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2023-13-2-42-55
УДК 32(045)

Вызовы и возможности обеспечения продовольственной безопасности в Центральной Азии в условиях российско-украинского конфликта: реалистичный анализ

Ч. Цуй, Ц. Инь
Ляонинский университет, Шэньян, Китай

АННОТАЦИЯ

В последние годы страны Центральной Азии столкнулись с серьезными проблемами в области продовольственной безопасности из-за частых экстремальных погодных явлений, влияния новой эпидемии, высоких цен на энергоносители и социальных волнений в некоторых регионах. Российско-украинский конфликт, вспыхнувший в феврале 2022 г., вызвал рост цен на продовольствие, нарушение цепочек его поставок и нехватку основных сельскохозяйственных ресурсов (таких как удобрения), а также усложнил вопрос продовольственной безопасности для стран Центральной Азии. Решение многочисленных проблем, возникших в результате данного конфликта, страны Центральной Азии рассматривают в краткосрочном, среднесрочном и долгосрочном периодах. Кроме того, они активно управляют рисками продовольственной безопасности в соответствии со стратегией «трех шагов», включая активное участие в международном продовольственном сотрудничестве, энергичное развитие модернизации и реформирование сельского хозяйства путем внутреннего продовольственного снабжения. Для обеспечения собственной продовольственной безопасности Китай может опираться на партнерские отношения со странами Центральной Азии, изучать их опыт и продолжать углублять взаимное сотрудничество в этой области. Помимо этого, ему следует искать новые возможности для развития в условиях конфликта и совместно с партнерами решать потенциальные проблемы продовольственной безопасности.

Ключевые слова: российско-украинский конфликт; продовольственная безопасность; Центральная Азия; международное продовольственное сотрудничество

Для цитирования: Цуй Ч., Инь Ц. Вызовы и возможности обеспечения продовольственной безопасности в Центральной Азии в условиях российско-украинского конфликта: реалистичный анализ. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета.* 2023;13(2):42-55. DOI: 10.26794/2226-7867-2023-13-2-42-55

ORIGINAL PAPER

A Realistic Analysis of the Challenges and Opportunities of Providing the Food Security in Central Asia from the Perspective of Russia-Ukraine Conflict

Cui Zh., Yin J.
Liaoning University, Liaoning province, China

ABSTRACT

In recent years, Central Asian countries have faced serious food security challenges due to the frequent occurrence of extreme weather events, the impact of the new epidemic, high energy prices and social unrest in some regions. The Russia-Ukraine conflict that broke out in February 2022 has caused the increase of food prices, the disruption of food supply chains, and the shortage of basic agricultural resources such as fertilizers. In general, the Russia-Ukraine conflict has increased the difficulty for Central Asian countries to cope with food security challenges. In response to the multiple challenges posed by the Russia-Ukraine conflict, Central Asian countries have responded respectively in three dimensions: short-term, mid-term, and long-term. Moreover, Central Asian countries manage proactively food security risks in accordance with the "three-steps" strategy, which includes active participating in international food cooperation, vigorous development of agricultural modernization and reforming based on securing domestic food supply. In order to improve its own domestic food security, China can build on the existing partnerships with Central Asian countries, learn from their experience and continue to deepen mutual agricultural cooperation. Furthermore, China should also seek new

development opportunities arising from the Russia-Ukraine conflict, and jointly address potential food security problems with Central Asian partners.

Keywords: Russia-Ukraine conflict; food security; Central Asia; international food cooperation

For citation: Cui Zh., Yin J. A Realistic analysis of the challenges and opportunities of food security in Central Asia from the perspective of Russia-Ukraine conflict. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finasovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2023;13(2):42-55. DOI: 10.26794/2226-7867-2023-13-2-42-55

1. INTRODUCTION

Russia and Ukraine are important global producers and exporters of food, energy, fertilizers, and other commodities, and are critical to the global food supply and the stability of international food prices. The outbreak of the 2022 Russia-Ukraine conflict led to severe volatility in international food markets and a precarious global food security situation due to the disruptions in the food supply chain and soaring fertilizer prices. In this international environment, as President Tokaev of Kazakhstan stressed in his State of the Nation Address in March 2022, we should be “vigilant to the negative effects of the Russia-Ukraine conflict on food security, such as soaring food prices”.¹ The challenge of food security for all countries cannot be ignored.

After the Russia-Ukraine conflict broke out, the food security crisis in Central Asia has become more severe. Firstly, Central Asian countries have a gap in food supply security compared to other food-secured countries, and the five Central Asian countries have varying capacities to ensure their own food security. Traditionally, Central Asian countries are considered to have limited water resources; the food production is limited by natural factors, and food failure is common. Coupled with the spread of the new coronavirus pneumonia epidemic, the Central Asian countries have challenges posed by multiple labor shortages. Secondly, Central Asian countries are deeply dependent on Russia and Ukraine within the issue of food exports. After the outbreak of the Russia-Ukraine conflict some countries introduced food embargo policies, which led to blocking the food supply chains and the rise of price of basic agricultural materials such as fertilizers. The global food security risks caused by the Russia-Ukraine conflict have been continuously amplified in Central Asia, leaving many negative impacts on local food supply, price levels, and social stability. Therefore, this paper analyzes the following aspects. Firstly,

¹ State of the Nation Address by President of the Republic of Kazakhstan Kassym-Jomart Tokayev. URL: <https://www.akorda.kz/en/state-of-the-nation-address-by-president-of-the-republic-of-kazakhstan-kassym-jomart-tokayev-38126>

this paper focuses on the impact of the current Russia-Ukraine conflict on food security in Central Asia from four perspectives: exacerbating food security contradictions, generating systemic food crises, high inflation and traditional security threats associated with food security. Secondly, the paper analyzes the short-term, mid-term, and long-term responses of the Central Asian countries to the food security problems from three perspectives: enacting policies to ensure food security, deepening global food cooperation, and accelerating agricultural modernization and reforms. Thirdly, this paper considers the impact of the Russia-Ukraine conflict on the food security of Central Asian countries from China’s perspective and proposes a feasible path for China and Central Asia to jointly address the food problem.

2. IMPACT OF RUSSIA-UKRAINE CONFLICT ON FOOD SECURITY IN CENTRAL ASIAN COUNTRIES

In the short term, Central Asian countries need to overcome many challenges in ensuring food security after the outbreak of the Russia-Ukraine conflict, accompanied by a sharp spike in food prices. However, in the long run, Central Asian countries can seize the opportunity to achieve results such as increasing their influence in the international food market, accelerating the process of national agricultural innovation and shaping the image of an independent Central Asia.

(i) The rise in food prices worsens the existing food problem in Central Asia

In the Global Food Security Index 2021 places Kazakhstan in 41st place, Uzbekistan 78th place, Tajikistan 83rd place, Kyrgyzstan and Turkmenistan both ranked outside of 110th place.² The Central Asian countries differ from food-secured countries in terms of security of food supply and access to food. Although the level of hunger in Central Asia is lower

² Global Food Security Index. URL: <https://impact.economist.com>

than the global one on average, the pace of hunger reduction has slowed in recent years, which makes it more difficult to meet the UN's goal of zero hunger by 2020. The impact of the COVID-19 epidemic has led to a significant reduction of food access in the Central Asian countries. According to World Bank, the number of poor people in Central Asia increased by 1.408 million in 2020. The unemployment rate in 2021 was 4.9% in Kazakhstan, 7.2% in Uzbekistan respectively.³ Moreover, 700,000 people will be temporarily unemployed in Kyrgyzstan.⁴ The poor macroeconomic situation has caused a decline in the purchasing power of Central Asian people, who are forced to spend a large portion of their disposable income on food and are therefore under severe pressure for food security.

The outbreak of the Russia-Ukraine conflict has further increased the difficulty for Central Asian countries to ensure food security. According to a study by the UN Food Program, as of June 2022, some 345 million people in 82 countries already faced severe food insecurity. And about 50 million people are directly threatened by famine. In the first half of 2022, the global agricultural price index was 26% higher compared to the 2021 average. The international meat index was up 18%, the international grains price index was up over 20%, and the sunflower oil price index was at an all-time high in April 2022.⁵ In an environment of high global food prices, Central Asia is hardly alone in focusing on the Central Asian countries, with wheat prices rising 20.1% year-on-year in Kazakhstan in the first half of 2022 and 21.8% for exports to the CIS countries.⁶ Flour prices in Tajikistan are also showing an upward trend. The increase in the price of core agricultural products, represented by wheat, sharply increases the cost of food access for the people of Central Asia, thus putting Central Asian countries population in the position of food insecurity.

Multiple reasons have contributed to the rise in global food prices. First of all, the grain production chain is not functioning properly. Spring wheat acreage in Russia and Ukraine decreased at the same time, with Ukraine even decreasing by about

30%. In addition to the decline in production, global wheat stocks, storage and sales ratio is at the lowest level in the past three years. In sum, the overall global food supply and demand is in a tight state. Furthermore, the price of fertilizers and other basic agricultural materials has been soaring for a period of time. The Green Markets North America Fertilizer Price Index (which tracks price changes for urea, potash and diammonium phosphate) rose by 42%, Nitrogen fertilizer prices soared up to 3 times compared to the average price in 2021. Last but not least, food transportation routes have been blocked. Disruptions in sea transport routes and inadequate rail infrastructure in Eurasia have led to a significant increase in food transportation costs, which ultimately turns into high food prices.⁷

(ii) Dependence on Russia and Ukraine food imports will cause a systemic food crisis

The heavy food dependence of Central Asian countries on Russia and Ukraine could trigger a systemic food crisis. Systemic food risk refers to a resonant, systemic, and comprehensive food security risk compared to the food security risk of individual countries. Systemic food security risks are much more shocking and disruptive than individual country food security risks. As food security risks are highly spillover, correlated and contagious; if a food crisis that breaks out in a single country cannot be effectively managed to form an effective firewall, then food security problems in a single country or region will spread to other countries, regions and areas of the world, which would cause systemic food security risks.

The Central Asian region has the dual attributes of external and internal dependence on food. On one hand, the five Central Asian countries import large amounts of grain from Russia and Ukraine. Taking wheat as an example, in terms of imports volume, the five Central Asian countries' wheat imports climbed year by year during the five-year period of 2016–2020, with an average annual growth rate of 14.5%, and the overall external wheat dependence of the Central Asian region increased, making Russia and Ukraine the most important wheat importers to the Central Asian countries. Among the five Central Asian countries Uzbekistan is the most dependent on wheat imports. The country abolished VAT on wheat imports in 2018 to encourage wheat imports from

---

³ World bank Data. URL: <https://data.worldbank.org/country>

⁴ Cooperation between Central Asian countries and international organizations in the fight against the epidemic(in Chinese), CIIS report. URL: https://m.ciis.org.cn/yjcg/yjcg_xslw/202109/t20210918_8145.html

⁵ FAO food price index. URL: <https://www.fao.org/worldfoodsituation/foodpricesindex/en/>

⁶ Wheat prices in Kazakhstan was up 1.5% in March. URL: https://www.inform.kz/cn/3-1-5_a3920263

⁷ Green Markets North America Fertilizer Price Index. URL: <https://fertilizerpricing.com>

Table 1

2016–2020 Food imports of Central Asian countries (Wheat, Ton)

Countries \ Year	2016	2017	2018	2019	2020
Kazakhstan	29921	35887	86663	337123	634154
Uzbekistan	1686094	1476037	2250321	2185969	2799621
Tajikistan	1034111	1014484	1018909	1090208	999167
Kyrgyzstan	184950	269643	154350	202808	134604
Turkmenistan	65	540	263256	243704	70278

Source: Food and Agriculture Organization. URL: <http://faostat.fao.org>

overseas and aims to actively develop its domestic grain processing industry. Its wheat import in 2020 was 2.8 million tons, the highest among the five Central Asian countries. The high dependence of Central Asian countries' food systems on Russia and Ukraine means that the potential ripple effects of food security risks resulting from the Russia-Ukraine conflict are evident. The transmission of food risks from Russia and Ukraine to the Central Asian region is layered on top of each other, and when materialized in a particular country in Central Asia, it may be concentrated and thus seriously undermine local socio-political and economic stability (Table 1).

On the other hand, Kazakhstan is the most important node of the Central Asian food network and has the pivotal role in ensuring food security in Central Asia. As the “breadbasket” of Central Asia and both as a grain importer and exporter, Kazakhstan absorbs large number of grain from Russia and Ukraine and then exports to other four Central Asian countries. In fact, the Central Asian region has formed a three-tier system of food dependence between Russia and Ukraine – Kazakhstan – other Central Asian countries; and the food security of other Central Asian countries is deeply dependent on the food security of Kazakhstan itself. In terms of wheat export volume, only Kazakhstan and Uzbekistan among the Central Asian countries achieve wheat exports on a large scale, with Kazakhstan accounting for more than 97% of the total wheat exports in Central Asia during the five-year period of 2016–2020. In terms of wheat export value, Kazakhstan exported wheat worth of \$ 1.13 billion in 2020, becoming the twelfth largest wheat exporter in the world. Uzbekistan and Tajikistan are top two wheat exporters from Kazakhstan with

\$ 593 million and \$ 235 million respectively.⁸ In addition, 94% of Tajikistan's grain imports comes from Kazakhstan, on which it is heavily dependent in terms of food security. After the outbreak of the Russia-Ukraine conflict, with the high prices of food and fertilizers, the embargo on food trade issued by various countries, and the extreme uncertainty of food supply from Russia and Ukraine, Kazakhstan is under great pressure in terms of food supply. And due to the of food security uncertainty in the country, Kazakhstan's ability to “blood grain” to other Central Asian countries is weakened. Thus, the ability of Kazakhstan to transport food to other Central Asian countries is weakened. The existing Central Asian food dependency system is undermined and the structure of the Central Asian food security network is gradually loosening. Therefore, the other four Central Asian countries suffer the most negative impact of the systemic food crisis (Table 2).

(iii) High inflation further reduces the ability of Central Asian people to access food

Following the outbreak of the Russia-Ukraine conflict, inflation rates in the major economies of Central Asia have shown varying degrees of upward trends. According to the data collected by The World Bank, Kazakhstan experienced the most significant increase in inflation, which was 12% in March 2022, up almost one-third from 8.7% in February, and remained high thereafter, reaching 14.5% in June 2022, up by 67 percent compared to February of the same year. Uzbekistan's inflation rate increase is equally significant. The country's inflation rate was 12.2% in June 2022, up by nearly 30 percent

⁸ URL: <http://oec.world/en/profile/hs/wheat>

Table 2

2016–2020 Food Exports of Central Asian Countries (Wheat, Ton)

Countries	2016	2017	2018	2019	2020
Kazakhstan	4 448 039	4 256 341	6 198 354	5 375 940	5 198 943
Uzbekistan	200 000	277 899	1 070 039	104 314	48 212

Source: Food and Agriculture Organization. URL: <http://faostat.fao.org>

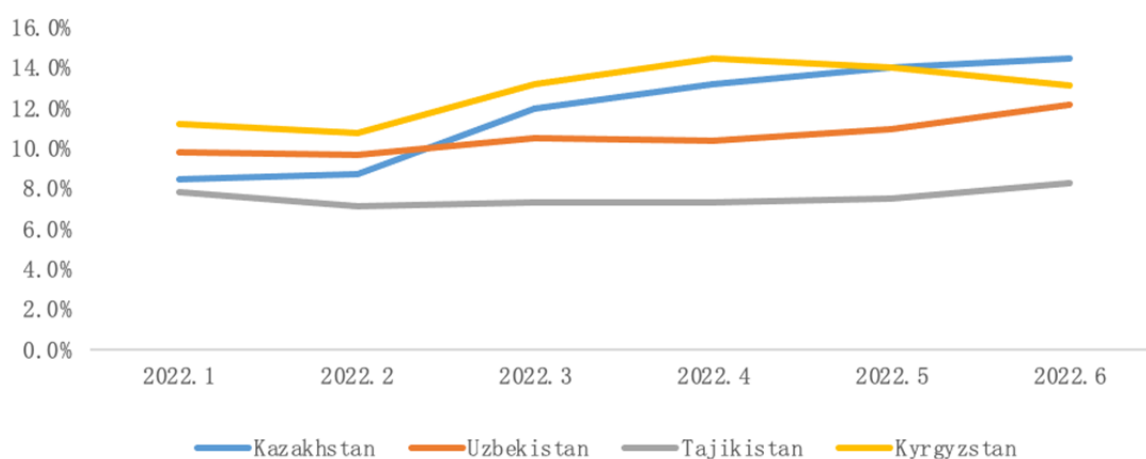

Fig. 2022.1–2022.6 Inflation rate of Central Asian Countries (%)

Source: World Bank. URL: <http://data.worldbank.org/country>

from the the time before the Russia-Ukraine conflict. The monthly inflation rate for Turkmenistan is not transparent compared to other Central Asian countries, but according to Trading Economics’ global macro model analysis and forecasts, Turkmenistan’s inflation rate is expected to reach 20%, up by more than fifty percent from 12.5% in 2021.⁹ Rising inflation, accompanied by soaring food prices has seriously threatened the ability of people in Central Asia to access food (Figure).

High inflation has had a huge impact on food security for low and middle income households. Firstly, low-income households are more sensitive to “black swan events”. Food insecurity combined with the climate change is the greatest threat to developing countries and the poor [1]. In addition, the cost of trade multiplies the final food price, making it much higher than what low-income households can afford. Secondly, low-income households lack emergency savings to cope with inflationary shocks. A survey of more than 300,000 households in low and middle income countries shows that poor households

spend a quarter of their income on staple foods such as wheat, rice, or maize. The same parameter is 14% for non-poor households [2]. Higher food expenditures imply lower levels of savings, and therefore low-income households cannot tolerate sharp increases in food prices. Lacking the means and capacity to cope with shocks, eventually they will face hunger during economic downturns due to reduced incomes. Finally, high inflation can aggravate and worsen the problem of poverty [3]. A sharp rise in food prices can lead to an increase in overall poverty levels in low-income countries. Because low-income households typically lack financial assets which could help to withstand the effects of high inflation, they suffer higher inflation rates more than middle and upper-income households, and thus become poorer, without ability to obtain adequate food.

(iv) Food security issues catalyze institutional security risks

With the combination of high food prices, disruptions in the supply chain of fertilizers and basic agricultural materials, and uncontrollable inflation, food security in Central Asia faces the risk

⁹ URL: <https://tradingeconomics.com>

of spillovers that could breach the framework of food security and cause the emergence of regional conflicts. Experience from other regions of the world indicates that food insecurity is a catalyst for the outbreak of regional conflicts and unrest. For example, between 2006–2008, international wheat prices nearly doubled and rice prices tripled, and the associated spike in domestic food prices triggered strikes, protests, and unrest in more than 60 countries [4]. Another example is the drought-induced food failure in Syria in 2007–2010, which forced about 1.5 million people out of farming areas and brought the potential for armed conflict, which started in 2011. In addition to the direct impact on food prices, the emergence of large numbers of refugees and displaced people as a result of the conflict has exacerbated the food problem in the affected areas. As refugees and displaced people are in desperate need of temporary food assistance until they can return home or find a means of livelihood; meeting the food needs of refugees can expose the communities severe food shortages and even outbreaks of crisis. For example, refugees fleeing fighting in northern Chad fled to western Darfur during the 1983–85 drought, disrupted local food markets, exacerbated food shortages into famine, and seriously jeopardized regional peace and stability [5].

3. PATHWAYS FOR CENTRAL ASIAN COUNTRIES TO COPE WITH CURRENT SHOCKS

In response to the multiple challenges posed by the Russia-Ukraine conflict to the food security, Central Asian countries have proposed multiple pathways in three dimensions: short-term, mid-term and long-term respectively, and have taken the initiative to manage food security risks according to the “three-step” strategy. In the short term, the Central Asian countries enacted food security policies to build a firewall to prevent and control food security risks in the first place. In the medium term, Central Asian countries will deepen international food cooperation and seek support from the international community through “food diplomacy,” international mechanisms and national aid. In the long term, the Central Asian countries will not slow down the pace of developing scientific and technological agriculture due to the short-lived disadvantage caused by the Russia-Ukraine conflict.

(i) Enacting a food security guarantee policy is a priority to address food security challenges

After the outbreak of the Russia-Ukraine conflict, Central Asian countries were keenly aware of the

potential food security problems that could be caused by the conflict and promptly introduced a series of policies to ensure food security in their countries. In March 2022, President Mirziyoyev of Uzbekistan emphasized the policy of addressing the Russia-Ukraine conflict and solving the problem of logistical difficulties and increasing food supply and reserves on the domestic market during a meeting aimed at analysing the economic performance situation.¹⁰ At the same time, the Uzbekistan government is increasing food imports to maintain a stable domestic food supply. We saw 40% of Uzbekistan’s food imports increased from January to October 2022 compared to the same period, with imports from Kazakhstan accounting for more than 36% in order to reduce food shortages caused by the Russia-Ukraine conflict by strengthening food cooperation in the Central Asian region.¹¹ In May 2022, Uzbek President Mirziyoyev announced the extension of the exemption from customs duties on 22 food products, including meat, fish and dairy products, until January 1, 2023. Kazakhstan also held a “crisis response seminar” in the immediate aftermath of the Russia-Ukraine conflict, where ensuring the security of food shipments was one of the priorities. On March 31, Kazakhstan signed a declaration with Georgia and Azerbaijan on the Trans-Caspian International Transport Route, which aimed at ensuring the smooth flow of trade between countries along the route and developing the potential for the flow of goods from Central Asian countries to the EU countries in response to the disruption of the supply chain caused by the Russia-Ukraine conflict.¹² On this basis the three countries together with Turkey signed an agreement in November 2022 on the “Development of the Intermediate Corridor 2022–2027”, which aims to increase transport capacity along the corridor to 10 million tons per year by 2025. In terms of grain exports, Kazakhstan issued an export restriction on wheat and flour on April 18, 2022, which provides

¹⁰ President Mirziyoyev held a meeting to analyze the economic performance situation. URL: <http://uz.mofcom.gov.cn/article/jmxw/202203/20220303284823.shtml>

¹¹ Uzbekistan increases food product imports by 40%. URL: <https://kun.uz/en/news/2022/12/03/uzbekistan-increases-food-product-imports-by-40#:~:text=In%20January%2DOctober%202022%2C%20Uzbekistan,food%20products%20from%20106%20countries>

¹² Kazakhstan, Azerbaijan and Georgia To Establish ‘Eurasian Rail Alliance’ Joint Venture”. URL: <https://www.silkroadbriefing.com/news/2022/03/10/kazakhstan-azerbaijan-and-georgia-to-establish-eurasian-rail-alliance-joint-venture/>

for a reduction of wheat and flour export quotas by 1 million tons and 300,000 tons, respectively, until June 15, 2022. This decision has an aim to prioritize the protection of domestic grain demand.¹³ At the same time, Kazakhstan has increased its investment in the agro-industrial complex, and has invested a total number of \$ 900 million in 2022 to expand international food production and ease the pressure of rising food prices.¹⁴ In February 2022, the Government of Kyrgyzstan decided to temporarily ban the export of wheat, flour, sugar and other food crops to other countries outside the Eurasian Economic Union from February 15, 2022 to August 15, 2022, in order to ensure national food security and prevent food shortages.¹⁵ As seen in the examples provided above, enacting short-term emergency policies is a priority for Central Asian countries as a response to the food security shocks resulting from the Russia-Ukraine conflict.

The Central Asian countries enacted food security safeguard policies as an emergency response to food shortages caused by stagnant food exports, uncertainty in food production, and unstable food transportation in Russia and Ukraine. The safeguard policies cover food imports and exports, food transportation, and agricultural investments, and reflect the importance which Central Asian countries attach to the potential food insecurity caused by the Russia-Ukraine conflict. At the supply-demand level, the Central Asian countries ensure a stable overall food supply for the Central Asian countries by increasing food imports and exports within the region while reducing food exports outside the region to achieve a balance between supply and demand as much as possible. At the single risk-composite challenge level, the Central Asian countries are fully aware of the possible ripple effects of food security problems on social security and people's livelihoods. By enacting food security policies to keep the risk of food problems within tolerable limits, a solid firewall is built to avoid compound social security problems. At the short-term and long-term level, Central Asian countries can keep their domestic

food markets stable in the short term by increasing food imports and reducing food exports. In contrast, increasing cargo transportation capacity, solving the problem of a single source of supply, and increasing agricultural investment are the long-term solutions for Central Asian countries to cope with their food security problems.

(ii) Deepening international food cooperation is an inevitable choice to meet the challenge of food security

Because of the different capacities of Central Asian countries for ensuring their own food security, the means and paths of their participation in international food cooperation also differ, and there are three specific ways. Firstly, Central Asian countries have taken the initiative to engage in "food diplomacy" and expand their international food influence. Kazakhstan's President Tokayev visited Saudi Arabia on July 23, 2022, and the countries agreed on food exports, agricultural investments, and cooperation in emerging agricultural technologies. The meeting resulted in signing of 13 cooperation agreements, expanding Kazakhstan's influence in the global food system [6]. In September of the same year, Tokayev attended the 22nd session of the Shanghai Cooperation Organization (SCO) in Samarkand, Uzbekistan, where he actively consulted and cooperated with the leaders of SCO members and observer states on food security issues, and highlighted Kazakhstan's mission and role in maintaining global food security. A week after the closing of the SCO summit, Tokayev participated in the "Global Food Security Summit" in New York, USA, where he emphasized that Kazakhstan would continue to be a reliable supplier of grains and other basic foodstuffs and pledged to play a more important role in the regional food transportation chain in the future.¹⁶

Kazakhstan's initiative in "food diplomacy" after the outbreak of the Russia-Ukraine conflict has two characteristics. Firstly, the timing of the "food diplomacy" was concentrated. Within a few months, Tokayev visited several countries to consult their leaders on food security issues, which on one hand reflects the urgency of the global food crisis caused by the Russia-Ukraine conflict and the need to find international solutions in the shortest time possible.

---

¹³ Kazakhstan imposes restrictions on grain and flour exports. URL: <https://www.ccpit.org/kazakhstan/a/20220418/20220418py2x.html>

¹⁴ The investment environment for agro-industrial complexes continues to improve, and domestic food security measures are effective and efficient. URL: https://www.inform.kz/cn/article_a3993001

¹⁵ Price Monitoring for Food Security in the Kyrgyz Republic. URL: <https://docs.wfp.org/api/documents/WFP-0000144069/download/>

¹⁶ The President of Kazakhstan took part in the Global Summit of Food Security. URL: <https://www.akorda.kz/en/the-president-of-kazakhstan-took-part-in-the-global-summit-on-food-security-2181846>

On the other hand, it also reflects the positive attitude of Kazakhstan to “smell” the opportunity to expand its influence on global food governance during the crisis and quickly engage in international food cooperation. Secondly, the scope of “food diplomacy” is broad. From the Middle East to Central Asia to North America, Kazakhstan’s “food diplomacy” covers a wide range of countries and regions, but it is also highly targeted. For Saudi Arabia and other Middle Eastern countries, Kazakhstan is an ideal trade partner to supplement the food gap. For the U.S., Kazakhstan is a springboard to engage in Central Asia with food aid. For SCO member states, Kazakhstan is a quality partner. Through “food diplomacy,” Kazakhstan presents a diverse and flexible national image to the world, and the positive effects of successful international food security cooperation may eventually spill over and even help Kazakhstan improve its position in the international political landscape. Beyond Kazakhstan, Uzbekistan is an active voice at the 2022 Second Antalya Diplomacy Forum. Foreign Minister of Uzbekistan Abdulaziz Kamilov stated that “Uzbekistan is eager to become a bridge between Central Asia and South Asia, to contribute to the development of regional integration in the areas of food cooperation, transport logistics, etc.” [7].

Secondly, relying on international mechanisms is important. At the Ministerial Conference “Global Food Security: A Call to Action” held at the UN Headquarters on May 18, 2022, Kazakhstan’s Deputy Prime Minister and Minister of Foreign Affairs Mukhtar Tileuberdi expressed Kazakhstan’s determination to work with the UN to ensure global food security. The head of the Ministry of Agriculture of Kazakhstan also expressed his country’s readiness to cooperate with international organizations to increase grain exports to China, the South Caucasus, Pakistan, Turkey and Iran, as well as opening European and Middle Eastern grain markets to ensure the stability of global food supply, despite the restrictions on wheat and flour exports. Kyrgyzstan, Tajikistan, and Uzbekistan, along with China, Russia, and Pakistan, issued the Statement of the Council of Heads of State of the Shanghai Cooperation Organization on Maintaining International Food Security. The statement called on the international community to practice multilateralism and support the central role of the United Nations in maintaining global food security. Together with the UN Food and Agriculture Organization, the International Fund for Agricultural Development,

and the World Food Program, collectively work to ensure regional and global food security.¹⁷ In early October 2022, organized by the United Nations World Food Program, the heads of Tajikistan’s state agencies and state wheat flour mills learned about the implementation of the enhanced regulatory framework for wheat flour in Uzbekistan, and the two sides worked together to address the pressure of wheat flour shortages in Central Asia caused by the Russia-Ukraine conflict.¹⁸

Thirdly, receiving international food aid can alleviate pressure on food security. In September 2022 it was agreed in a meeting between Tajikistan Foreign Minister Sirojiddin Muhridin and USAID Administrator Samantha Power that Tajikistan would receive an additional \$ 13 million in food aid from USAID to alleviate Tajikistan’s severe domestic food shortages in the wake of the Russia-Ukraine conflict.¹⁹ In December 2022 the World Bank provided Tajikistan with an additional \$ 50 million grant financing to support Tajikistan in mitigating the risk of food insecurity.²⁰ In October 2022 the Asian Development Bank approved \$ 50 million funding for Tajikistan to provide support to expand social support to poor and vulnerable groups and to stabilize domestic food production.²¹

(iii) Adhering to the reform of agricultural modernization is the fundamental way to meet the challenge of food security

The main reason why Central Asian countries rely heavily on food imports from Russia and Ukraine is that their own food industries are not as developed as those in the food secured countries and have

¹⁷ Statement of the Council of Heads of State of the Shanghai Cooperation Organization on Maintaining International Food Security. URL: http://www.gov.cn/xinwen/2022-09/17/content_5710380.htm

¹⁸ WFP fosters experience sharing on wheat flour fortification between Tajikistan and Uzbekistan. URL: <https://tajikistan.un.org/en/202209-wfp-fosters-experience-sharing-wheat-flour-fortification-between-tajikistan-and-uzbekistan>

¹⁹ Administrator Samantha Power’s Meeting with Tajikistan Foreign Minister Sirojiddin Muhridin. URL: <https://www.usaid.gov/news-information/press-releases/sep-27-2022-administrator-power-meeting-tajikistan-foreign-minister-sirojiddin-muhridin>

²⁰ Tajikistan to Address Food and Nutrition Insecurity with World Bank Support. URL: <https://www.worldbank.org/en/news/press-release/2022/12/22/tajikistan-to-address-food-and-nutrition-insecurity-with-world-bank-support>

²¹ \$ 50 Million ADB Grant to Support Food Security, Social Protection, and Business in Tajikistan. URL: <https://www.adb.org/news/50-million-adb-grant-support-food-security-social-protection-and-business-tajikistan>

insufficient production capacity to achieve self-sufficiency in food. Nevertheless, Central Asian countries can hedge against the outbreak of food crisis by increasing government subsidies and setting up emergency committees due to the disruption of global food supply chains caused by the Russia-Ukraine conflict. In the long run, the fundamental way for Central Asian countries to ensure food security under extreme contingencies is to respond to the uneven layout of agricultural production by diversifying their food crop supply through agricultural innovation.

In 2010 State of the Nation Address and in 2012 Strategy for Kazakhstan 2050, then President of Kazakhstan Nursultan Nazarbayev repeatedly stressed the importance of agricultural modernization and reform as the key engine of Kazakhstan's economy. The first document Tokayev signed after becoming the President of Kazakhstan was a decree on rural development, and in his 2022 State of the Nation Address he presented a road-map for modernization and reforming of Kazakhstan, in which modernization of agriculture is an important tool for solving socio-economic conflicts and ensuring national and public security. The basic idea of the food modernization is to increase investments in agricultural infrastructure and technologies, to increase food exports to Central Asia and other countries of the world in addition to meeting the basic food needs of the population, to make a partial breakthrough in the development of Kazakhstan in the field of agriculture, and to present to the world the "New Kazakhstan" with comprehensive overall modernization. In terms of domestic agricultural production organization, Kazakhstan will invest \$ 2.2 billion in rural cooperatives before 2025.²² Establishing the Akdara Agricultural Demonstration Zone in Almaty Oblast can help study and promote under-membrane drip cultivation of rice and biodegradable mulch technology to save resources while increasing yields and meeting the country's need for self-sufficiency in food.²³ In addition to Kazakhstan, other Central Asian countries also attach great importance to agricultural modernization reforms. In his State of the Nation Address in 2021

²² President Tokayev Visits Zhambyl Region, Emphasizes Its Enormous, Yet Untapped Agricultural Potential. URL: <https://astanatimes.com/2023/02/president-tokayev-visits-zhambyl-region-emphasizes-its-enormous-yet-untapped-agricultural-potential/>

²³ Agricultural cooperation between China and Central Asia continues to deepen. URL: http://m.xinhuanet.com/2020-11/09/c_1126716043.htm

President Rahmon of Tajikistan pointed out that "accelerating the industrialization of the country, getting rid of the national transport impasse, and ensuring food security" are important for Tajikistan to accomplish its national strategic goals. The Strategy for Agricultural Development 2020–2030 published by Uzbekistan points out that Uzbekistan will make every effort to expand the application of scientific and technological achievements and digital technologies in agriculture, among which the realization of water-saving irrigation technology to fully cover the main wheat producing areas to alleviate water shortage is a key reform task.²⁴ Relying on SCO Uzbekistan and China established the China-Uzbekistan Water Conservation Overseas Demonstration Park in Tashkent Oblast in August 2022 to jointly develop and apply sensible water and fertilizer integration irrigation equipment, and to closely follow the country's modern agricultural development strategy.²⁵

The Russia-Ukraine conflict is taking place in the midst of the Central Asian countries' vigorous efforts to modernize their agriculture, and it could become a catalyst for accelerating the agricultural modernization of the Central Asian countries if they can carefully and properly respond and safely transit the high-risk period of the food crisis.

On one hand, the pressure on food security caused by the Russia-Ukraine conflict on Central Asian countries has made them more aware of the urgency of developing modern agriculture and achieving food self-sufficiency. Although the Russia-Ukraine conflict has caused certain damage to the food security of Central Asian countries, Central Asian countries have taken this opportunity to increase investment in agricultural modernization, make up for the shortcomings in agricultural development and actively attract international investors, with a view to creating regional advantages in agricultural development in Central Asia and ultimately achieving the goal of ensuring food security.

On the other hand, food security is a global issue brought about by the Russia-Ukraine conflict, and the pursuit of modern agriculture has become a consensus among countries to deal with the long-

²⁴ The Strategy for the Development of Agriculture in Uzbekistan 2020–2030 proposes to increase the coverage of water-saving technologies from 5% to 40% by 2030. URL: <http://uz.mofcom.gov.cn/article/jmxw/201909/20190902900900.shtml>

²⁵ Helping to modernize agriculture in SCO countries. URL: <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1744344419452466213&wfr=spider&for=pc>

term uncertainty of food security. If Central Asian countries can gain an advantage and become a demonstration zone for agricultural modernization, it will help them open up overseas markets for innovative agricultural products and serve as a good propaganda to expand the status and influence of Central Asia in the global food system.

Summing up, Central Asian countries have made great efforts to solve the problem of food security caused by the Russia-Ukraine conflict, but at the same time there are many limitations. Firstly, food security policies have further constrained budgetary space. While Central Asian countries have briefly secured their food supplies through short-term, wide-scale stimulus programs, the large government funding will increase government indebtedness and pose a potential risk to future national development. Secondly, the degree of proactive food diplomacy is insufficient. Except for Kazakhstan and Uzbekistan the other three Central Asian countries are not involved in the international food market, and they rely on international aid and have little control over food discourse, so it is difficult to establish long-term and mutually beneficial food cooperation mechanisms with international organizations. Finally, there are uncertainties in the development of agricultural modernization. The development of modernized agriculture takes a long time and requires a large amount of investment, which needs a stable domestic political situation as the foundation. If the domestic political instability or economic conditions in Central Asian countries continue to be unsatisfactory, there will be insufficient incentive for follow-up investment, and the development of agricultural modernization will be difficult and long.

4. “CHINA + CENTRAL ASIAN COUNTRIES” COOPERATION TO ADDRESS FOOD SECURITY CHALLENGES

Central Asia is a key node in China’s “Belt and Road” initiative, China and Central Asia are partners with intertwined interests. The history of cooperation between the two sides over the past three decades shows that agricultural cooperation has played an irreplaceable role in building a community of shared destiny between China and Central Asia. However, Central Asian countries have demonstrated their determination to develop long-term agricultural modernization through many means, including food diplomacy, accelerating agricultural science and technology reform, and participation in global food governance. China, for its part, can continue

to deepen its agricultural cooperation with Central Asia on the basis of existing partnerships, and work with the five Central Asian countries to seize new development opportunities arising from the Russia-Ukraine conflict to address potential food security issues.

(i) Building a solid political foundation and creating a China-Central Asia agricultural community of destiny

Mutual political trust between China and Central Asian countries is a fundamental guarantee for joint maintenance of food security. After the independence of Central Asian countries, China was the first to recognize the independent status of Central Asian countries and establish diplomatic relations. From 2002 to 2007, China signed treaties of good neighborliness, friendship and cooperation with Kyrgyzstan, Kazakhstan, Uzbekistan and Tajikistan. In August 2007, China signed the Treaty on Long-term Good-Neighborliness, Friendship and Cooperation among SCO Member States with Russia, Kazakhstan, Kyrgyzstan, Tajikistan and Uzbekistan. The signing layered a solid legal and institutional foundation for the development of cooperation between China and Central Asian countries. In 2013 during his visit to Kazakhstan President Xi Jinping proposed for the first time the “Silk Road Economic Belt” initiative, which provides a top-level design framework for China-Central Asia synergistic development. At the 2022 China-Central Asia Forum, State Councilor and then Foreign Minister Wang Yi proposed to upgrade the China-Central Asia cooperation mechanism and adopted four outcome documents. In addition, it is important to enhance the importance of Central Asia in promoting the smooth flow of trade routes between Asia and Europe. At the same time, it is also necessary to expand the scale of China-Central Asia mutual trade, create a network of commodity circulation systems, deepen cooperation in e-commerce, and promote the construction of the Belt and Road in the direction of a green economy, a digital silk road, and a safe silk road with high quality. The solid political foundation between China and the five Central Asian countries is both a prerequisite for building a China-Central Asia community of destiny and a political support for deepening China-Central Asia cooperation in the field of food security. After the outbreak of the Russia-Ukraine conflict, uncertainty in the global political landscape has increased, and the international community is lacking in addressing

the global governance deficit. During this turbulent period in the world landscape, consolidating China-Central Asia political trust not only makes an outstanding contribution to ensuring food security, but also has a positive effect on maintaining peace and stability in the international community.

(ii) Proactive layout of “going out” and “bringing in” agricultural resources from Central Asia

China-Central Asia agricultural cooperation not only needs to “go out”, but also to “come in”. On one hand, Central Asian countries can gain access to China’s advantageous agricultural resources. On the other hand, China can also open up the agricultural market in Central Asia, which is a win-win situation for both sides and is of great significance to alleviate the heavy dependence of Central Asia on agricultural products from Russia and Ukraine and develop diversified international agricultural cooperation. Central Asia is a region with concentrated land resources and rich crop resources, but at the same time, agricultural production efficiency is not high and production methods are under-developed, which, however, means a significant development potential and is an ideal market for Chinese grain enterprises to “go global”. In addition, the agricultural science and technology level in Central Asia is generally low, so it is easier for China to take advantage of industrial advantages and carry out investment in infrastructure construction along the Silk Road Economic Belt. Among the five countries in Central Asia, Kazakhstan is the most important investment country for China. China Fortune Investment Group invested in the establishment of a rapeseed oil processing plant worth more than \$ 1.2 billion. Moreover, COFCO invested \$ 80 million in the construction of a tomato processing plant. Furthermore, Rifa Holdings Group has invested \$ 200 million in the construction of a meat processing plant in Kazakhstan. Moreover, China Aigoo and Kazakhstan Total Impex jointly invested \$ 58 million in the construction of a deep grain processing center [8]. By establishing a complete agro-industrial base in Central Asia for grain production, processing, cold chain storage and transportation, China has created an overseas agricultural supply base, enriched grain import options, enhanced agricultural transportation security and ultimately strengthened its ability to withstand food crises. The success of the strategy of “going out” and “bringing in” in agriculture is also evident when taking into consideration the steady growth of agricultural trade between China and

Kazakhstan, which in the first seven months of 2022 grew by 46.7% year-on-year to \$ 413 million. The volume of agricultural exports from Kazakhstan to China grew by 62.2% to \$ 280 million, imports from China grew by 22.2% to \$ 132.1 million.²⁶

The Department of International Cooperation of the Ministry of Agriculture in rural areas has made “expanding diversified import channels for agricultural products” and “supporting enterprises going abroad to integrate into the global agricultural supply chain” as important directions in the work highlights of international cooperation in agriculture in 2020. In Uzbekistan, China Luoyang Wanbang Logistics and the local government have established the Luobu Agricultural Demonstration Zone, which aims to transport high-quality and inexpensive Central Asian agricultural products directly to Chinese consumers through the China-Europe (Central Asia) train, which is a model of Chinese agriculture “going out” and “bring in”. In addition, the Chinese government actively encourages Central Asian agricultural enterprises to participate in the China International Import Expo and introduce Central Asian agricultural products. Kazakhstan selected 35 enterprises and Uzbekistan brought 15 enterprises to participate in the 3rd Import Expo was held in Shanghai in 2020. This move is likely to promote the image of Central Asian food products with high quality and low price.

(iii) Vigorously developing green agriculture and modernizing agriculture together with Central Asia

Improving agricultural science and technology and developing green agriculture are the growth points of China-Central Asia agricultural cooperation and an important means to ensure China’s food security. After the outbreak of the Russia-Ukraine conflict, Central Asia, which depends on Russia and Ukraine for food exports, is facing the problem of insufficient food supply. The development of modern agriculture in order to achieve food self-sufficiency is the most fundamental way to ensure food security. Central Asian countries are strengthening regional integration cooperation in national innovation and technology aimed at achieving sustainable, innovation-led agricultural economic development. In the food production process, advanced

---

²⁶ Kazakhstan to expand potential for supply of agricultural products to China. URL: https://el.kz/en/news/news/kazakhstan_to_expand_potential_for_supply_of_agricultural_products_to_china/

technologies such as artificial intelligence and big data are used to build risk prediction models to provide early warning of potential production risks. Central Asian countries are ensuring sustainable agricultural development in Central Asia through improved natural resource management and better water utilization. Moreover, Central Asian countries are cooperating with China's Sinochem Group to promote hybrid wheat. The Northwest Institute of Ecological and Environmental Resources of the Chinese Academy of Sciences is cooperating in agricultural technology. And Tajikistan is citing Chinese drip technology and dry-crop rice to deal with water shortages. Last but not least, Uzbekistan has achieved good results in agricultural science and technology cooperation projects such as the promotion of Chinese salt-tolerant wheat in highly saline lands.

China-Central Asia agriculture also has the potential to deepen scientific and technological cooperation in the future. Firstly, Central Asian countries can introduce advanced Chinese seed technologies to breed food species with high survival rates and high yields to ensure food security. ChemChina acquired Swiss agri-tech company Syngenta for \$ 43 billion in 2017. The purchase will help ChemChina gain access to its climate-friendly agricultural technology solutions that increase crop yields while reducing fertilizer use.²⁷ It meets the requirements of China's green agricultural development and helps China master the core technology of grain seeds. China can promote it in the main grain producing areas in Central Asia to meet the requirements of diversified grain sources. Secondly, relying on the SCO platform to enhance China-Central Asia agricultural technology exchange. The SCO will establish a SCO agricultural technology exchange training teacher model base in Shanxi Province, and focus on four major platforms: (1) agricultural science and technology innovation, (2) international agricultural science and technology and management personnel cultivation, (3) agricultural practical technology promotion to foreign countries (4) agricultural economic and trade and production capacity cooperation promotion. These four platforms will promote agriculture as an important growth point for economic cooperation among SCO countries.

²⁷ China gives go-ahead for ChemChina buyout of Syngenta as last approval awaited from India. URL: <https://www.scmp.com/business/companies/article/2087202/china-gives-go-ahead-chemchina-buyout-syngenta-last-approval>

(iv) Deepening China-Central Asia agricultural trade based on the “The Belt and Road” initiative China-Central Asia agricultural trade is highly complementary and should be encouraged to increase trade on the basis of “The Belt and Road” initiative. As the key region of “The Belt and Road” Initiative Central Asia has great potential in the food production chain and can form a synergy effect if combined with China's agricultural development. At the video summit on the 30th anniversary of the establishment of diplomatic relations between China and the five Central Asian countries, President Xi Jinping stated that “China is willing to open its mega market to Central Asian countries, will import more high-quality goods and agricultural products from Central Asian countries, continue to hold the China-Central Asia Economic and Trade Cooperation Forum, and strive to increase China's international trade with Central Asia to \$ 70 billion by 2030”. In September 2022 President Xi Jinping pledged at the SCO Summit in Samarkand that China will provide 1.5 billion yuan worth of emergency humanitarian aid, including food, to developing countries in need, and encourage the strengthening of “The Belt and Road” Initiative and the docking of development strategies of various countries. It also encouraged strengthening the dovetailing of “The Belt and Road” Initiative with the development strategies of other countries, and continued to support China's agricultural cooperation with Central Asian countries.

Under the new development pattern of mutual promotion of domestic and international double cycles, China agriculture also needs to make full use of the combined advantages of two markets and two resources at home and abroad to make up for the shortcomings of agricultural development and overcome the problems of agricultural development, pursuing on the current goal of food security. By taking full advantage of “The Belt and Road” initiative, China can further expand its supply chain in global food production areas and maximize the overseas guarantee of Chinese food security. Because Central Asia is an important region in “The Belt and Road Initiative”, China can consider the Central Asian market as an important springboard to open up European business routes, create a grain procurement base for countries along the initiative, and establish the China-Central Asia cooperation model as a model for international cooperation. In addition to expanding direct trade, it is also crucial to popularize trade knowledge and learn trade guidelines. Yangling Agricultural High-Tech Industry

Demonstration Zone in Shaanxi Province has held more than 20 agricultural technology workshops for SCO member countries, and provided training on trade rules for agricultural officials and technicians from Central Asian countries. This agriculture zone contributes great value to ensuring smooth China-Central Asia trade exchanges.

(v) Taking advantage of Xinjiang's geographical location to create a core area for China-Central Asia exchanges

Xinjiang plays a pivotal role in China-Central Asia agricultural development. First of all, Xinjiang is one of the starting points of China-Europe (Central Asia) trains. In the first eight months of 2022, the number of China-Europe (Central Asia) trains was 8,701, up 6.5% year-to-year, setting a record for railroad ports.²⁸ Under the dual impact of the new COVID-19 epidemic and the Russia-Ukraine conflict, the China-EU (Central Asia) liner has made a great contribution to the stability of the global supply chain, bringing benefits to countries and regions along "The Belt and Road" initiative and promoting the sustainable development of the global economy under difficult conditions. Secondly, Xinjiang is the most important open port for Central Asian countries. At present, Xinjiang has 7 out of 16 open ports facing Central Asian countries (6 China-Harbin border ports and 1 China-Jijiang border port), which is an important pivot point for trade, economic and cultural exchanges between China and Central Asian countries. Xinjiang should fully use its geographical advantages, it unites China's inland regions internally, collaborates with them; it interconnects Central Asian countries externally as well, and hosts the Urumqi Foreign Economic and Trade Fair every year to create a regular exchange platform with Central Asian countries. These actions play an active and important role in increasing national and local tax revenues, drive the development of neighboring industries and promote social prosperity. Finally, Xinjiang is the center of scientific and technological exchanges for China-Central Asia agricultural cooperation. China and Central Asian countries have established the Common Central Asian Regional Economic Cooperation Institute (CAREC Institute) in Urumqi, Xinjiang, with the aim of promoting knowledge sharing among Central

Asian regions and promoting regional connectivity, economic and trade cooperation. The Central Asian Crop Germplasm Resources Database established in Xinjiang will also be put into operation in 2022–2023. On one hand, the construction of the database has enriched the resource types of Chinese germplasm and provided valuable scientific research information. On the other hand, the database improves the ability of China's modern agriculture to develop key solutions and meet the rigid requirements of biotechnology research. Therefore, playing a good role as a bridgehead Xinjiang is of multi-layered significance for the development of China-Central Asia agricultural economic and trade exchanges, agricultural products supply chain construction and agricultural science and technology exchanges.

5. CONCLUSION

As a necessity of human life, food is a matter of national prosperity and livelihood, and one of the biggest issues of international discussion after the outbreak of the Russia-Ukraine conflict in 2022. The food security shock caused by the Russia-Ukraine conflict directly exacerbates food security conflicts in Central Asia, thus increasing the risk of a systemic food crisis. In addition, the combination of high inflation and social instability may indirectly intensify social conflicts in Central Asian countries and eventually lead to a new round of unrest. Therefore, in the context of the Russia-Ukraine conflict, the food security problems of Central Asian countries are highly complex and difficult to solve. Besides, specific threats are prominent. Despite the difficulties, the Central Asian countries have chosen a clear three-step strategy in facing the food security challenges posed by the Russia-Ukraine conflict. In the short term, Central Asian countries enact food security policies to maintain social stability. In the medium term, five countries strengthen international food cooperation to expand their own food security margins. In the long term, the region continues to deepen agricultural modernization and reform to improve established structural food deficiencies. Overall, while over-reliance on Russia and Ukraine food imports and unpromising macroeconomic performance have made it more difficult for Central Asian countries to ensure food security, Central Asian countries actually take the opportunities for agricultural transformation and can use them to increase their international food influence. As a solid partner of Central Asian countries in the past

---

²⁸ In the first eight months of Xinjiang dual ports of passage liner year-on-year increase of 6.5%. URL: http://www.gov.cn/xinwen/2022-09/02/content_5708041.htm

three decades, China should calmly and objectively analyze the situation, appropriately learn from the experience of Central Asian countries in dealing with the food security problems brought about by the Russia-Ukraine conflict, and consolidate to develop the agricultural cooperation relations established with Central Asian countries before the outbreak. Together, China-Central Asia seek opportunities to deepen agricultural cooperation

on the basis of existing good mutual political trust, and work with the international community. A solid relation with Central Asian countries will not only help ensure China's own food security, but also fulfill its sense of mission and responsibility to "build a community of agricultural destiny" and make a contribution to the stability of international food supply and global food governance within its capacity.

REFERENCES

1. Wang J. et al. The impact of climate change on China's agriculture. *Agricultural Economics*. 2009;(40):323–337.
2. Laborde D., Martin W.J., Vos R. Estimating the poverty impact of COVID-19: The MIRAGRODEP and POVANA frameworks. URL: https://www.researchgate.net/publication/342068871_Estimating_the_Poverty_Impact_of_COVID-19_The_MIRAGRODEP_and_POVANA_frameworks_1
3. Ivanic M., Martin W. Implications of Higher Global Food Prices for Poverty in Low-Income Countries. *Agricultural Economics*. 2008;39(3):405–416.
4. Wodon Q., Zaman H. Rising Food Prices in Sub-Saharan Africa: Poverty Impact and Policy Responses. *The World Bank Research Observer*. 2010;25(1):157–176
5. Messer E. et al. Conflict: A Cause and Effect of Hunger. *ECSP Report*. 2001;(7):1–16.
6. Erubaeva G. Kazakhstan, Saudi Arabia Sign 13 Cooperation Deals, Calling for Expansion of Ties. URL: <https://caspiannews.com/news-detail/kazakhstan-saudi-arabia-sign-13-cooperation-deals-calling-for-expansion-of-ties-2022-7-26-0/>
7. Prashad V. How Russia-Ukraine war is leading to Central Asian nations going hungry. URL: <https://theprint.in/opinion/how-russia-ukraine-war-is-leading-to-central-asia-nations-going-hungry/889250/>
8. Farchy J. China plans to invest \$ 1.9bn in Kazakh agriculture. URL: <https://www.ft.com/content/9c84a0f4-15d3-11e6-9d98-00386a18e39d>

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / ABOUT THE AUTHORS

Цуй Чжэн — кандидат политических наук, профессор, директор Китайской академии открытой экономики Ляонинского университета, Шэньян, Китай

Cui Zheng — Cui Zheng, Cand. of Political Sciences, Professor, Director of the Chinese Academy of Open Economy, Liaoning University, Shenyang, China
<https://orcid.org/0009-0000-8088-2557>
 494786744@qq.com

Инь Цзиньчань — магистр Института международной экономики и политики Ляонинского университета, провинция Ляонин, Китай

Yin Jincan — Master, School of International Economics and Politics, Liaoning University, Liaoning province, China
<https://orcid.org/0009-0003-6424-5381>
 158027260@qq.com

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
Conflicts of Interest Statement: The authors have no conflicts of interest to declare

Статья поступила 20.01.2023; принята к публикации 25.02.2023.
Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.
The article was received on 20.01.2023; accepted for publication on 25.02.2023.
The authors read and approved the final version of the manuscript.

Общие результаты оценивания надпрофессиональных компетенций у студентов 1–4-го курсов

А.Г. Комиссаров^а, Е.А. Степашкина^б, О.Б. Соболева^с, Д.Ю. Гужеля^д, П.С. Селезнев^е
^аРАНХиГС, Москва, Россия; ^{а, б, с, д} АНО «Россия – страна возможностей», Москва, Россия;
^е Финансовый университет, Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

Предмет. Проблема развития «мягких» навыков недавних выпускников остро стоит для некоторых областей бизнеса: работодатели отмечают, что молодые сотрудники могут обладать высоким уровнем знаний, но низким уровнем развития софт-скиллз. В статье рассмотрены первичные результаты пилотного года проекта «Оценка и развитие управленческих компетенций в российских образовательных организациях» («Центры компетенций»). Были оценены следующие компетенции: анализ информации; партнерство и сотрудничество; планирование и организация; ориентация на результат; стрессоустойчивость; следование правилам.

Цель. Представить многостороннюю картину результатов оценивания надпрофессиональных компетенций у студентов вузов; выявить взаимосвязи между компетенциями.

Методология. Выборка составила 28 933 студента 51 вуза России. В качестве инструментов оценивания использовались психометрические методики: Универсальный личностный опросник, Опросник жизнестойкости, тесты на анализ числовой и вербальной информации. Анализ данных, рассмотренных в статье, включает в себя корреляционный анализ, t-тест и описательные статистики.

Результаты. Большая часть участников показывает средний уровень развития всех компетенций. Компетенции «Стрессоустойчивость» и «Ориентация на результат», «Планирование» и «Стрессоустойчивость» связаны позитивно (коэффициент от 0,75). Компетенции «Ориентация на результат» и «Следование правилам», «Стрессоустойчивость» и «Следование правилам» связаны негативно (коэффициент от –0,22). Компетенция «Анализ информации» не связана с другими компетенциями. 4-й курс показывает более высокий результат по «Анализу информации» и «Следованию правилам», чем 1-й.

Выводы. Мы описываем различия в надпрофессиональных компетенциях у студентов разных лет обучения и обсуждаем возможные объяснения этих различий.

Ключевые слова: надпрофессиональные компетенции; универсальные компетенции; мягкие навыки; способности; студенты; психометрика; тестирование

Для цитирования: Комиссаров А.Г., Степашкина Е.А., Соболева О.Б., Гужеля Д.Ю., Селезнев П.С. Общие результаты оценивания надпрофессиональных компетенций у студентов 1–4-го курсов. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2023;13(2):56-71. DOI: 10.26794/2226-7867-2023-13-2-56-71

General Results of Assessment of Supraprofessional Competencies of 1st-4th Year Students

A. G. Komissarov^a, E. A. Stepashkina^b, O. B. Soboleva^c, D. Yu. Guzhelya^d, P. S. Seleznev^e
^a RANEPA, Moscow, Russia; ^{a, b, c, d} ANO "Russia – Land of Opportunities", Moscow, Russia;
^e Financial University, Moscow, Russia

ABSTRACT

Subject. The problem of developing “soft” skills of recent graduates is acute in some areas of business. According to employers, young employees may have a high level of knowledge, but a low level of soft skills. The article considers the primary results of the pilot year of the project “Assessment and development of managerial competencies in Russian universities” (“Competence Centers”). The following competencies were assessed: information analysis; partnership and cooperation; planning and organization; result orientation; stress tolerance; following rules.

Goals. Describe cross-professional competencies among university students; reveal links between different soft and hard competencies in university students.

Methodology. The sample consisted of 28,933 students from 51 Russian universities. The following instruments were used to assess students' soft skills: The Universal Personality Questionnaire, The Resilience Questionnaire, Tests for the analysis of numerical and verbal information. The analysis included correlational analysis, t-test and descriptive statistics.

Results. The competencies "Stress resistance" and "Result orientation", "Planning" and "Stress resistance" are strongly positively related (correlations are from 0.75). The competencies "Result orientation" and "Following the rules", "Stress resistance" and "Following the rules" are negatively related (correlations are from – 0.22). The Information Analysis competency is not related to other competencies. The 4th year students show a higher result in "Information Analysis" and "Following the Rules" than the 1st year students.

Conclusions. We describe differences in cross-professional competencies among students of different years of study and discuss possible explanations for these differences.

Keywords: cross-professional competencies; universal competencies; soft skills; assessment; university students; psychometrics; testing

For citation: Komissarov A.G., Stepashkina E.A., Soboleva O.B., Guzhelya D. Yu., Seleznev P.S. General results of assessment of supraprofessional competences in 1st-4th year students. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2023;13(2):56-71. DOI: 10.26794/2226-7867-2023-13-2-56-71

ВВЕДЕНИЕ

Выпускники вузов могут оказаться не готовыми к быстрому встраиванию в бизнес-процессы компаний, куда они приходят работать: существует некое несоответствие между требованиями рынка труда и возможностями молодых специалистов. При этом зачастую они обладают хорошим уровнем знаний, но у них отмечается недостаточный уровень развития «мягких» навыков, т.е. универсальных компетенций, которые полезны практически в любом виде деятельности (например, умение планировать, ставить цели, сотрудничать и т.д.).

Данные собраны в рамках проекта «Оценка и развитие управленческих компетенций в российских образовательных организациях», реализуемого по поручению Президента Российской Федерации¹.

Авторы статьи под компетенцией понимают базовое качество индивидуума, имеющее причинное отношение к эффективному и/или наилучшему, на основе критериев, исполнению в работе или в других ситуациях [1]. Иными словами, предмет исследования — определенные универсальные навыки, которые полезны для широкого круга профессиональных областей.

В статье описаны первичные результаты оценки 6 компетенций в пилотном 2021–2022 учебном году у студентов 1–4-го курсов. Анализ результатов проводился в марте 2022 г. Список университетов, участвующих в оценке над-профессиональных компетенций, представлен в табл. 1.

ВЫБОРКА

В исследовании приняли участие 48 315 респондентов. После удаления аберрантных (т.е. неправдоподобных в соответствии с некоторыми статистическими критериями) ответов, в базе осталось 44 465 человек (для анализа были сохранены ответы респондентов, которые дали правдоподобные ответы хотя бы по 1-й компетенции). После отбора целевой аудитории студентов 1–4-го курса бакалавриата и специалитета в базе осталось 28 933 респондента из 51-го высшего учебного заведения.

Основные социально-демографические параметры выборки представлены в табл. 2.

На изображениях рис. 1–4 наглядно представлено распределение студентов по специальностям (рис. 1), федеральным округам (рис. 2), курсам (рис. 3), полу (рис. 4).

К гуманитарным специальностям были отнесены следующие категории студентов: языковеды, историки, философы, теологи, искусствоведы, культуроведы, специалисты по сценическому искусству и литературному творчеству, специалисты по музыкальному искусству, специалисты по ИЗО, специалисты по экранному искусству.

Выборка математиков и представителей естественных наук состоит из собственно математиков, специалистов по компьютерным наукам, физиков, химиков, геологов, биологов, специалистов по сельскому хозяйству, ветеринаров.

К представителям социальным наук были отнесены психологи, социологи, юристы, политологи, регионоведы, специалисты по СМИ, специалисты по туризму.

ИНСТРУМЕНТЫ ОЦЕНИВАНИЯ

В качестве психометрических инструментов использовались следующие методики (все они при-

¹ Перечень поручений по итогам заседания наблюдательного совета АНО «Россия — страна возможностей». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/assignments/orders/65481>

Перечень университетов проекта «Оценка и развитие управленческих компетенций в российских образовательных организациях, участвующих в проекте в пилотном 2021–2022 учебном году»

№	Название университета
1	Астраханский государственный технический университет
2	Астраханский государственный университет
3	Балтийский федеральный университет им. И. Канта
4	Вятский государственный университет
5	Дальневосточный федеральный университет
6	Донской государственный технический университет
7	Корпоративный университет Правительства Нижегородской области
8	Московский государственный университет пищевых производств
9	Московский политехнический университет
10	Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского
11	Национальный исследовательский технологический университет МИСиС
12	Национальный исследовательский Томский государственный университет
13	Национальный исследовательский Томский политехнический университет
14	Национальный исследовательский ядерный университет «МИФИ»
15	Национальный исследовательский университет «Московский энергетический институт»
16	Новосибирский государственный университет экономики и управления «НИНХ»
17	Омский государственный технический университет
18	Пятигорский государственный университет
19	Российский государственный аграрный университет – МСХА имени К.А. Тимирязева
20	Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации
21	Российский государственный социальный университет
22	Российский государственный университет нефти и газа НИУ имени И.М. Губкина
23	Российский национальный исследовательский медицинский университет им. Н.И. Пирогова МЗ РФ
24	Российский университет дружбы народов
25	Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова
26	Самарский государственный экономический университет
27	Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения
28	Санкт-Петербургский государственный экономический университет
29	Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого
30	Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова
31	Северо-Кавказский федеральный университет

Окончание таблицы 1 / Table 1 (continued)

№	Название университета
32	Северо-Осетинский государственный университет имени Коста Левановича Хетагурова
33	Сибирский федеральный университет
34	Тамбовский государственный технический университет
35	Тюменский государственный университет
36	Уральский государственный медицинский университет МЗ РФ
37	Уральский государственный педагогический университет
38	Уральский государственный экономический университет
39	Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
40	Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет)
41	Южный федеральный университет

Источник / Source: составлено авторами / compiled by the authors.

Таблица 2 / Table 2

Социально-демографические параметры выборки / Socio-demographic characteristics of the sample

Пол	Доля
Девушки	63,3%
Юноши	36,7%
Курс	
1-й курс	40%
2-й курс	20%
3-й курс	21%
4-й курс	19%
Специальность	
Гуманитарные специальности	6,93%
Инженеры	30,14%
Математики / представители естественных наук	6,94%
Медики	5,77%
Педагоги	10,52%
Представители социальных наук	39,69%
Федеральный округ	
Дальневосточный федеральный округ	7,9%
Приволжский федеральный округ	15,8%
Северо-Западный федеральный округ	24,0%
Северо-Кавказский федеральный округ	5,5%
Сибирский федеральный округ	6,0%
Уральский федеральный округ	19,2%
Центральный федеральный округ	14,9%
Южный федеральный округ	6,7%

Источник / Source: составлено авторами / compiled by the authors.

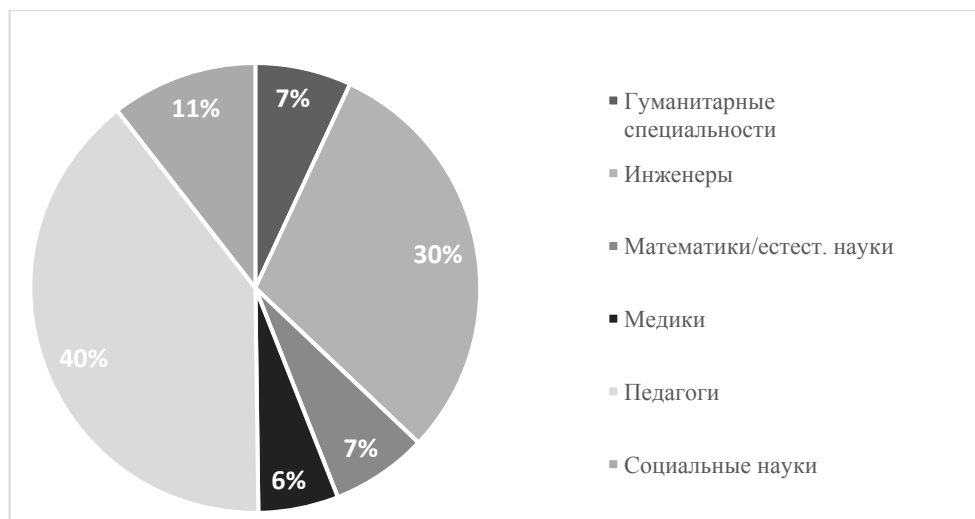

Рис. 1 / Fig. 1. Распределение респондентов по специальностям / Distribution of respondents by majors

Источник / Source: составлено авторами / compiled by the authors.

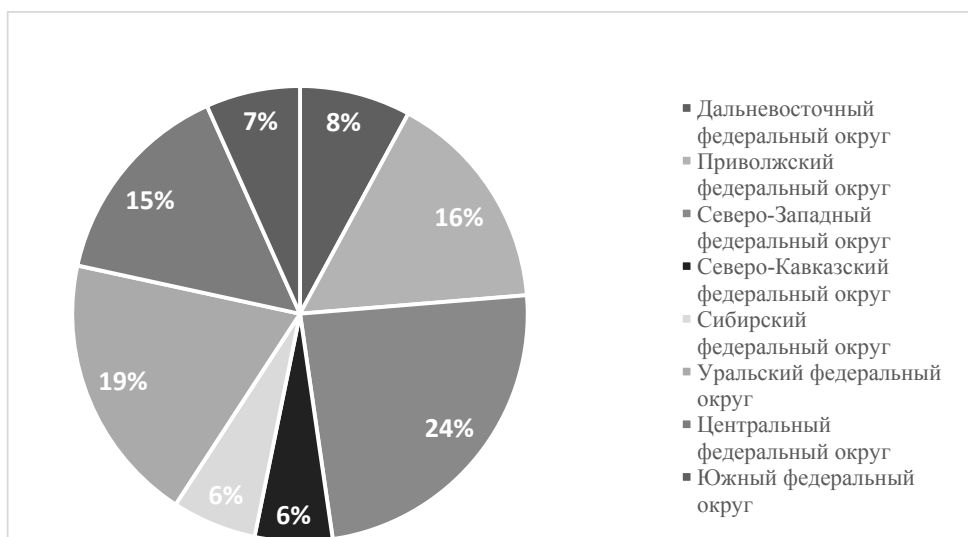

Рис. 2 / Fig. 2. Распределение респондентов по федеральным округам / Distribution of respondents by federal districts

Источник / Source: составлено авторами / compiled by the authors.

надлежат АНО «Россия — страна возможностей» и были созданы с опорой на российский и зарубежный стандарты тестирования [2]²):

1. Тест на анализ числовой информации. Методика направлена на измерение способности работать с количественными задачами. Психометрические свойства были проверены в рамках 2PL-IRT [3]. Надежность (Expected-A-Posteriori) = 0,72. Также подтверждена номологическая валидность: связь с анализом вербальной

информации, успеваемостью по математике, самооценкой трудности при решении числовых задач.

2. Тест на анализ вербальной информации. Методика направлена на измерение способности работать с текстовой информацией. Психометрические свойства были проверены в рамках 2PL-IRT [3]. Надежность (Expected-A-Posteriori) = 0,77. Также подтверждена номологическая валидность: связь с анализом числовой информации, частотой чтения художественной литературы.

3. Опросник жизнестойкости. Методика измеряет 4 субспособности в рамках жизнестойкости: восприятие себя, восприятие будущего,

² American Educational Research Association, American Psychological Association & National Council on Measurement in Education. Standards for Educational and Psychological Testing. Washington, D.C: American Educational Research Association; 2014. 230 p.

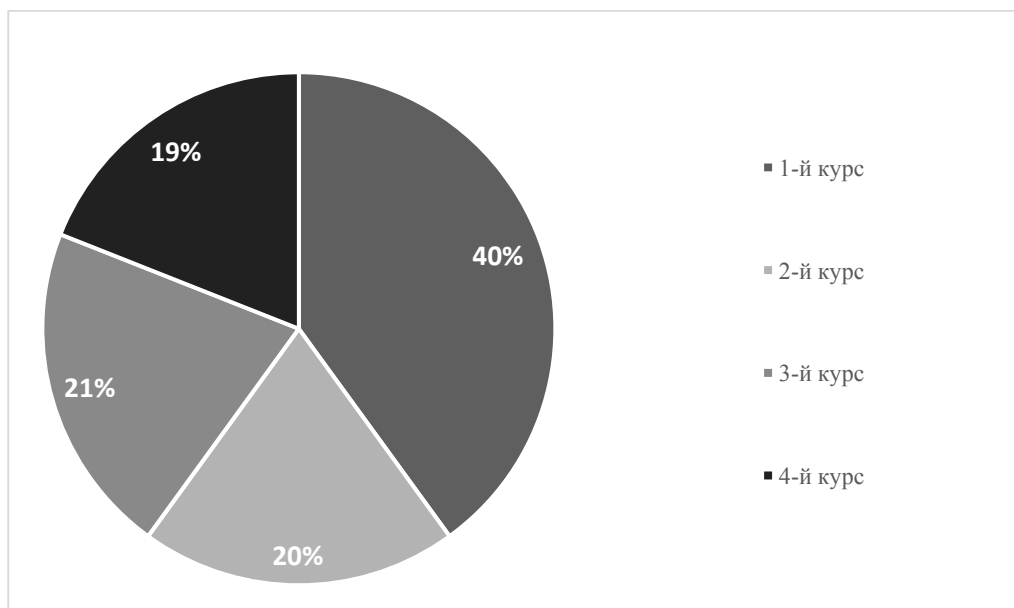

Рис. 3 / Fig. 3. Распределение респондентов по курсу обучения / Distribution of respondents by study year

Источник / Source: составлено авторами / compiled by the authors.

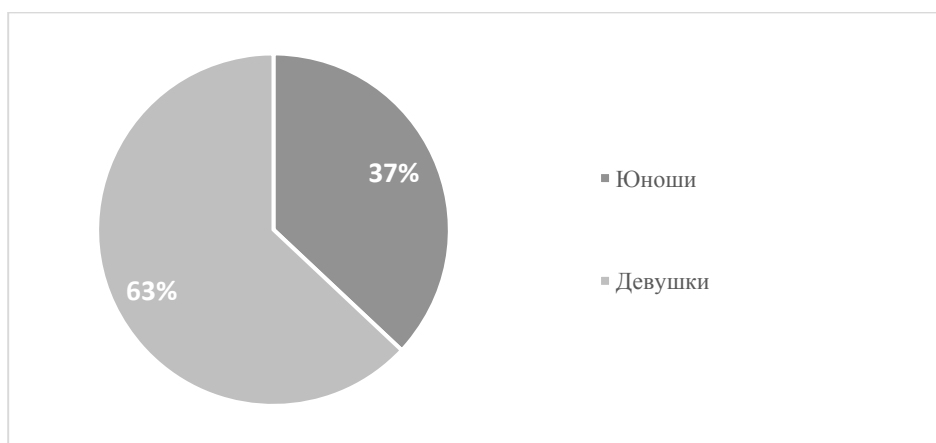

Рис. 4 / Fig. 4. Распределение респондентов по полу / Distribution of respondents by gender

Источник / Source: составлено авторами / compiled by the authors.

организованность, настойчивость [4]. Психометрические свойства были проверены в рамках RSM–IRT [3]. При помощи конфирматорного факторного анализа было установлено, что эмпирически выделяются 4 заложенных фактора. Надежность (альфа Кронбаха) — от 0,86 до 0,91. Также подтверждена номологическая валидность: связь с Краткой шкалой жизнестойкости [5, 6], амбициозностью, тревожностью.

4. Универсальный личностный опросник. Методика основана на модели «Большой пятерки» [7–10] и измеряет выраженность 7 личностных качеств: коммуникации, комплексного мышления, работы в команде, организованности, тревожности, амбициозности, следования правилам. Психометрические свойства были проверены в рамках Классической теории тестирования

[11]. Надежность (альфа Кронбаха) — от 0,61 до 0,73. Номологическая валидность проверена при помощи анализа взаимосвязей со шкалами ОРQ-32, а также с некоторыми мотивами.

Из указанных тестов были получены приведенные ниже композитные компетенции. Сами компетенции были отобраны по результатам исследования работодателей [12, 13].

1. Анализ информации — умение работать с разрозненными данными.

2. Планирование и организация — умение составить план и расставить приоритеты.

3. Партнерство и сотрудничество — умение находить общий язык с людьми, корректность при общении.

4. Стрессоустойчивость — сохранение темпа деятельности в стрессовой ситуации.

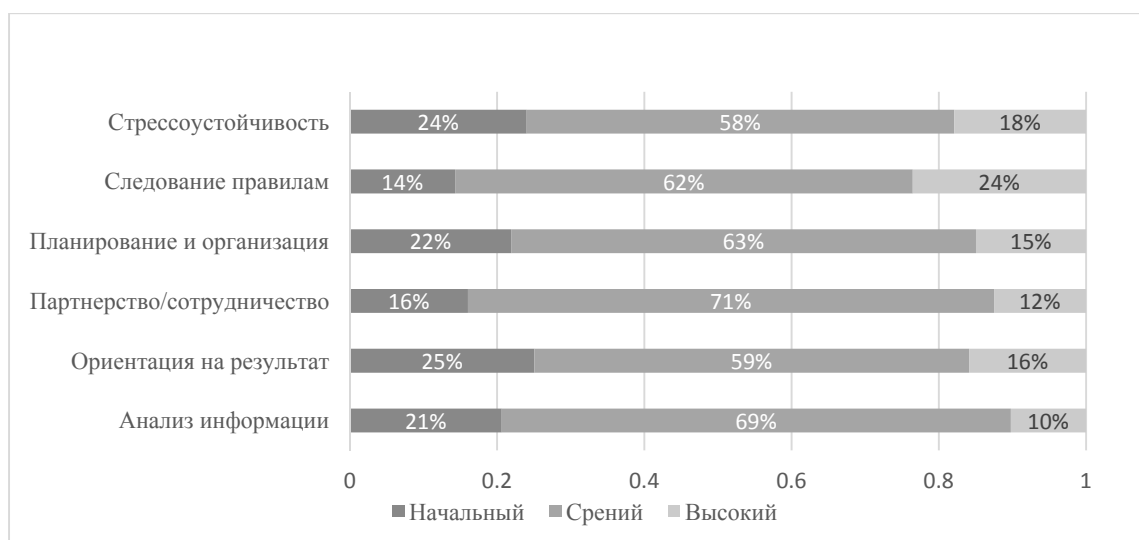

Рис. 5 / Fig. 5. Уровень проявленности компетенций / The level of competence

Источник / Source: составлено авторами / compiled by the authors.

5. Следование правилам — соблюдение норм.
6. Ориентация на результат — постановка амбициозных задач, взятие ответственности за достижение цели.

МЕТОДЫ АНАЛИЗА ДАННЫХ

- Корреляционный анализ (корреляция Пирсона).
- Т-тест.
- Описательные статистики [14].

ОБЩИЙ АНАЛИЗ РЕЗУЛЬТАТОВ ОЦЕНКИ КОМПЕТЕНЦИЙ

Анализ результатов по уровням проявленности компетенций, проведенный по выборке, описанной выше, показал следующие результаты (рис. 5).

По всем компетенциям наглядно видно, что большая часть выборки попадает в область средних оценок, что в целом соответствует теории нормального распределения Гаусса. Вместе с тем следует обратить внимание на отдельные аспекты результатов. Компетенции «Стрессоустойчивость», «Ориентация на результат», «Планирование и организация» показали наибольшее количество респондентов с начальным уровнем проявленности: 24,01, 25,05 и 21,90% выборки соответственно. При этом только 17,92% набрали высокий уровень по стрессоустойчивости, 15,89% — по ориентации на результат и 14,95% — по планированию и организации. Наибольшее количество высоких оценок было получено респондентами по компетенции «Следование правилам» (почти четверть выборки, 23,54%, при этом начальный уровень продемонстрировали лишь 14,28%). По компетенции

«Анализ информации» при 20,62% начальных оценок только 10,21% выборки показали высокие результаты. Наиболее сбалансированной получилась оценка по компетенции «Партнерство», где низкие и высокие значения получили 16,03 и 12,49% выборки соответственно.

Такое распределение результатов может свидетельствовать о том, что на момент диагностики студенты в меньшей степени нацелены на достижение результата, не всегда готовы прикладывать усилия и доводить до конца начатые дела, при этом почти четверти опрошенных сложно сохранять работоспособность в трудных ситуациях и справляться с трудными жизненными ситуациями. Планировать заранее свою деятельность свойственно также немногим, что в будущем может накладывать ограничение на возможность респондентов правильно организовывать свое рабочее время и расставлять приоритеты в работе. При этом более высокие результаты по компетенции «Следование правилам» могут свидетельствовать о том, что студенты предпочитают поддерживать существующие регламенты, действовать по четко прописанным правилам им комфортнее и, возможно, проще.

В ходе анализа результатов были выявлены следующие гомогенные связи между компетенциями:

1. Компетенции «Стрессоустойчивость» и «Ориентация на результат» имеют прямую связь с коэффициентом корреляции равным 0,75, $p < 0,01$ (рис. 6). Такая связь может свидетельствовать о том, что к результату приходят те, кто готов справляться с трудностями, не теряет позитивный настрой и веру в будущее. Интересно,

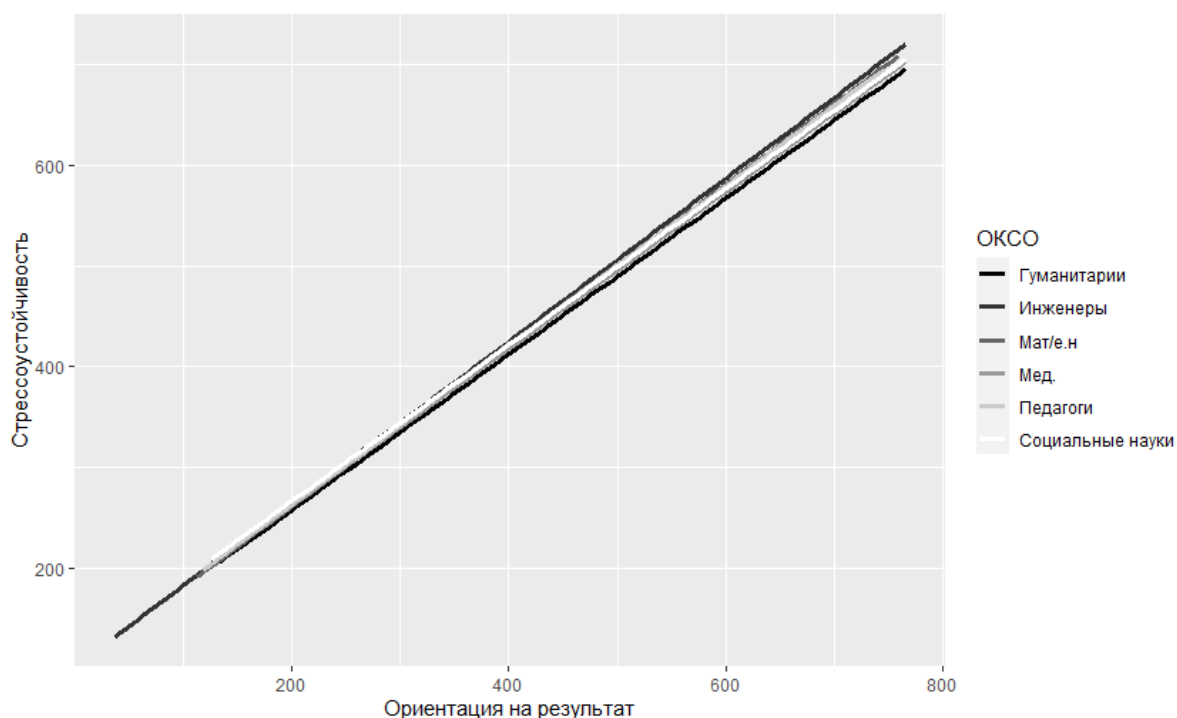

Рис. 6 / Fig. 6. Прямая связь компетенций «Стрессоустойчивость» и «Ориентация на результат» / Positive correlation of “Stress resistance” and “Result Orientation”

Источник / Source: составлено авторами / compiled by the authors.

что прямая связь характерна для всех специальностей — это еще раз подтверждает универсальность данных качеств для разных профессий.

2. Компетенции «Планирование» и «Стрессоустойчивость» имеют прямую связь с коэффициентом корреляции, равным 0,77, $p < 0,01$ (рис. 7). Такая связь может свидетельствовать о том, что наличие плана позволяет лучше справляться с трудностями: план предполагает понимание — как и при помощи каких ресурсов действовать, что рождает некоторую определенность и стимулирует к деятельности даже в сложных условиях. С другой стороны, более устойчивые к трудностям респонденты не склонны излишне переживать из-за возникших проблем и продолжают следовать ранее намеченному плану.

3. Компетенции «Ориентация на результат» и «Следование правилам» имеют обратную связь с коэффициентом корреляции, равным $-0,27$, $p < 0,01$ (рис. 8), что может говорить о том, что, следуя правилам, респонденты теряют из виду конечную цель, результат, который необходимо достичь. Вместе с тем респонденты, которые получили высокие баллы по ориентации на результат, в меньшей степени склонны следовать установленным правилам, достижение цели выходит для них на первый план.

4. Некоторая обратная связь наблюдается также между компетенциями «Стрессоустойчивость» и «Следование правилам», коэффициент корреляции равен $-0,22$, $p < 0,01$ (рис. 9). Такой результат может быть интерпретирован следующим образом: респонденты с высокими баллами по следованию правилам менее стрессоустойчивы, — возможно, наличие четких правил и инструкций необходимо им, чтобы действовать в сложных ситуациях и условиях неопределенности. Вероятно, отсутствие правил и понятных утвержденных алгоритмов действий отрицательно сказывается на возможности респондентов справляться со сложными ситуациями.

Отметим, что исследование результатов оценки показало, что не все компетенции имеют какие-либо однородные связи: компетенция «Анализ информации» не связана с другими поведенческими компетенциями (рис. 10–12). Такие результаты могут быть объяснены следующими причинами:

- Компетенция «Анализ информации» направлена не на индивидуальные личностные особенности, а затрагивает когнитивные способности респондентов: способность обрабатывать информацию, представленную в числовом и графическом виде, и способность корректно интерпретировать информацию, представлен-

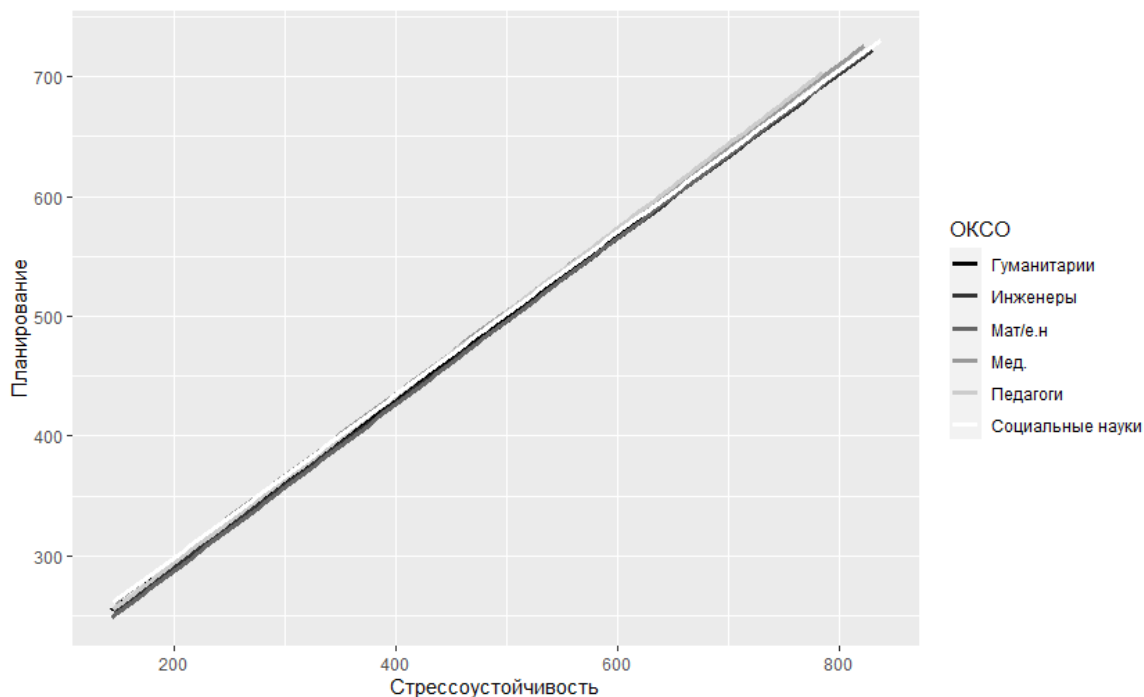

Рис. 7 / Fig. 7. Прямая связь компетенций «Стрессоустойчивость» и «Планирование» / Positive correlation of “Stress resistance” and “Planning”

Источник / Source: составлено авторами / compiled by the authors.

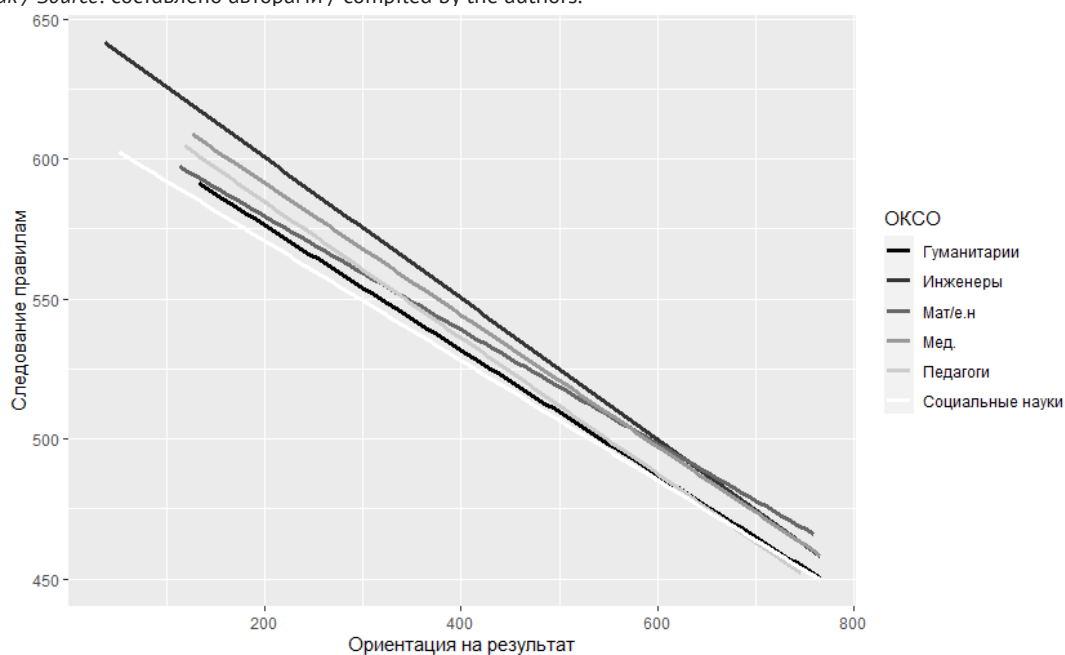

Рис. 8 / Fig. 8. Обратная связь компетенций «Ориентация на результат» и «Следование правилам» / Negative correlation of “Result Orientation” and “Following the rules”

Источник / Source: составлено авторами / compiled by the authors.

ную в текстовой форме. Иными словами, содержательно конструкты достаточно далеки друг от друга.

- Для оценки компетенции «Анализ информации» применялись тесты с одним правильным ответом, ограниченные по времени, в то

время как другие компетенции диагностировались через опросники самоописания. Ввиду массовой дистанционной оценки у респондентов при заполнении опросников появляется больше возможностей для недобросовестного прохождения, больше рисков получения социально же-

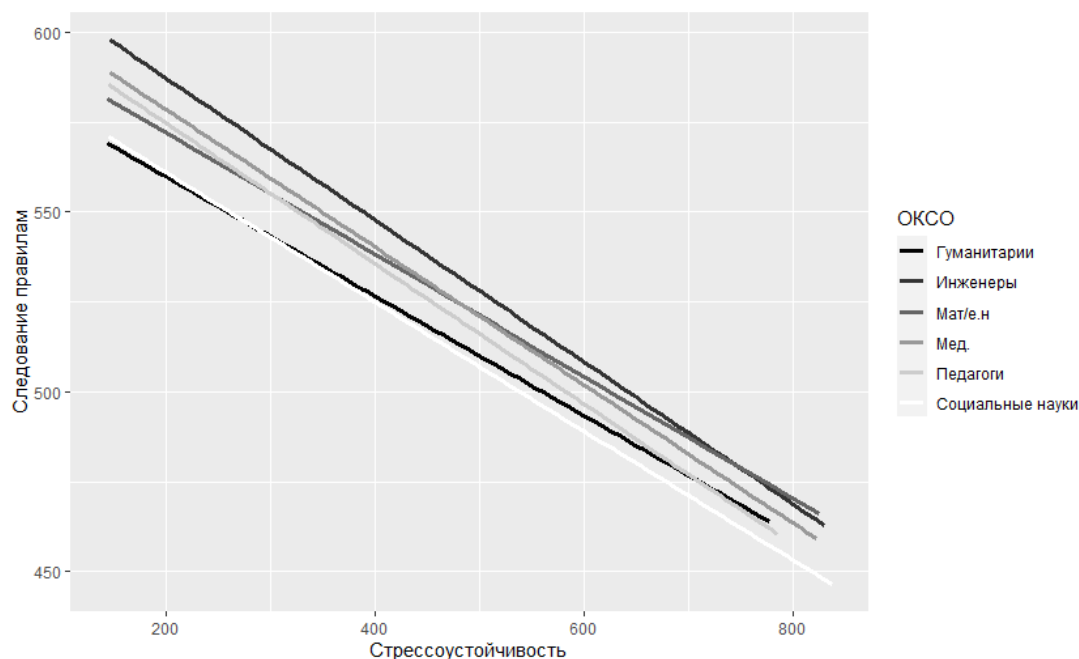

Рис. 9 / Fig. 9. Обратная связь компетенций «Стрессоустойчивость» и «Следование правилам» / Negative correlation of “Stress resistance” and “Following the rules”

Источник / Source: составлено авторами / compiled by the authors.

лательных ответов, которые пока сложнее выявлять и отсеивать, в отличие от «кликеров».

- Объяснением может служить концепция Д.В. Ушакова: если большее внимание индивида направлено на развитие аналитических, математических способностей, то другие компетенции не могут развиваться в той же степени [15, 16].

- Компетенции собраны из разных инструментов, которые диагностируют разные компоненты общего конструкта. Теоретически из-за этого у субкомпонентов могут быть отдельные разные связи с другими компетенциями, а общая связь в итоге оказывается нулевой.

Отдельно имеет смысл рассмотреть результаты оценки первокурсников и студентов 4-го курса (рис. 13).

Было определено, что значимые различия у студентов 4- и 1-го курсов существуют по всем компетенциям, кроме «Планирования и организации» ($p < 0,05$ и менее). При их интерпретации важно сделать акцент на том, что не следует напрямую сравнивать уровень проявленности по компетенциям от 1-го к 4-му курсу, скорее, их нужно воспринимать как первичный срез для дальнейшего анализа. На первый взгляд, можно говорить о следующих гипотезах:

- Студенты 4-го курса демонстрируют более высокие способности к анализу информации, лучше справляясь с когнитивными тестами, что

может быть связано с наращиванием навыков обработки информации при получении высшего образования.

- Студенты 4-го курса демонстрируют еще более высокий уровень по компетенции «Следование правилам», по сравнению со студентами 1-го курса, при том, что в целом баллы по данной компетенции достаточно высокие. Возможно, обучение в университете с четкими регламентами способствует тому, что студенты к 4-му курсу вырабатывают привычку действовать, исходя из существующих правил.

- Студенты 1-го курса по компетенциям «Ориентация на результат», «Партнерство», «Стрессоустойчивость» набрали более высокие баллы, чем обучающиеся на 4-м курсе. Подобные результаты могут указывать на то, что в ходе получения высшего образования у учащихся меняется поведение и личностные черты. В качестве гипотезы можно предположить, что, например, снижение по компетенции «Стрессоустойчивость» связано с тревогой студентов старших курсов относительно выхода на рынок труда, необходимостью вступать в самостоятельную жизнь, искать работу и обеспечивать себя самостоятельно. С другой стороны, система оценивания и отсутствие структурированной обратной связи от преподавателей относительно сильных сторон студентов, а также низкий уровень само-

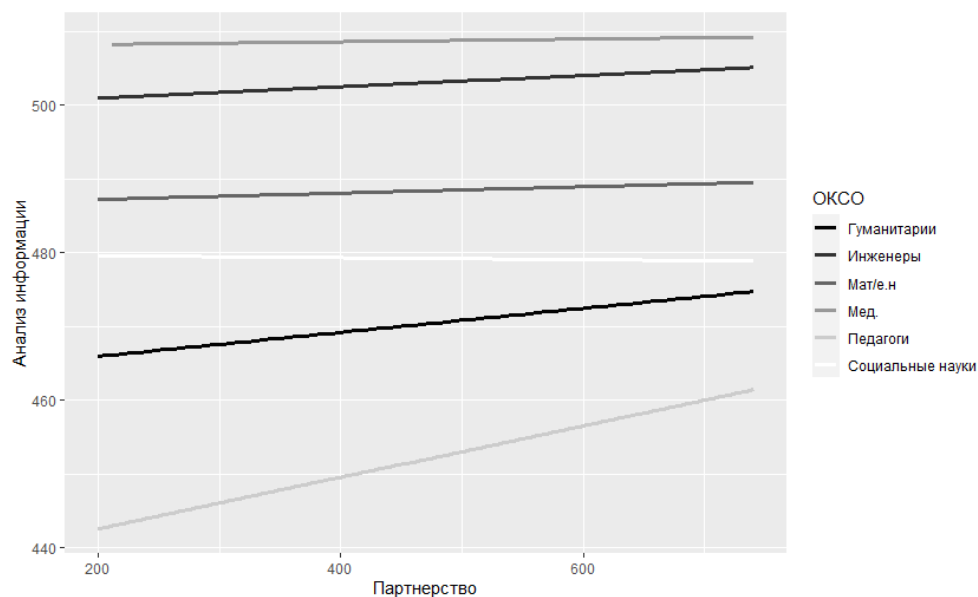

Рис. 10 / Fig. 10. Связь компетенций «Анализ информации» и «Партнерство» / Correlation of “Information Analysis” and “Partnership”

Источник / Source: составлено авторами / compiled by the authors.

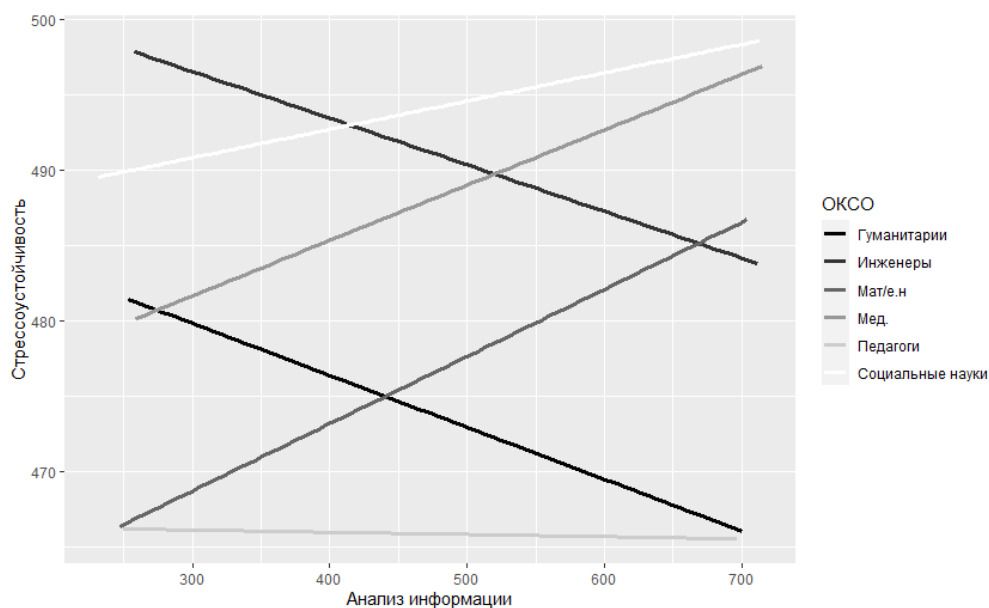

Рис. 11 / Fig. 11. Связь компетенций «Анализ информации» и «Стрессоустойчивость» / Correlation of “Information Analysis” and “Stress resistance”

Источник / Source: составлено авторами / compiled by the authors.

рефлексии могут ограничивать веру обучающихся в себя и свои силы. Компетенция «Ориентация на результат» снижается у 4-го курса больше других, возможно, студенты за время обучения теряют цель, часть из них не знает/понимает, где будет работать.

- Студенты, только поступившие на 1-й курс, могут проявлять более высокий уровень по ориентации на результат ввиду того, что недавно

прошли процедуру сдачи ЕГЭ, где получение проходного балла по определенному предмету было необходимым условием для поступления в университет.

- По компетенции «Партнерство» также наблюдается некоторое снижение от 1-го к 4-му курсу. Серьезное влияние на это могут оказывать текущие форматы организации учебного процесса в вузах: потоковые лекции, слабая

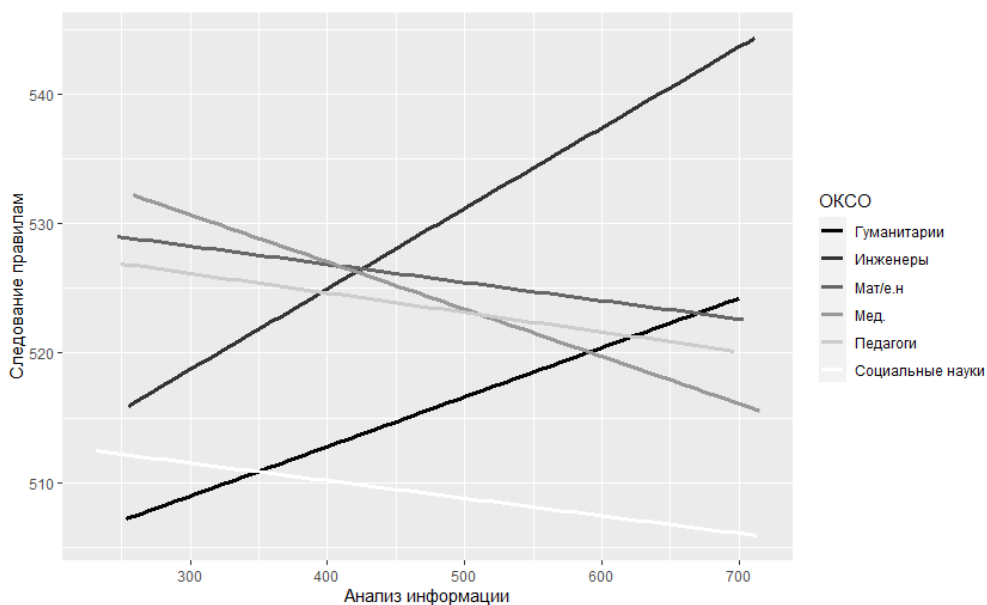

Рис. 12 / Fig. 12. Связь компетенций «Анализ информации» и «Следование правилам» / Correlation of “Information Analysis” and “Following the rules”

Источник / Source: составлено авторами / compiled by the authors.

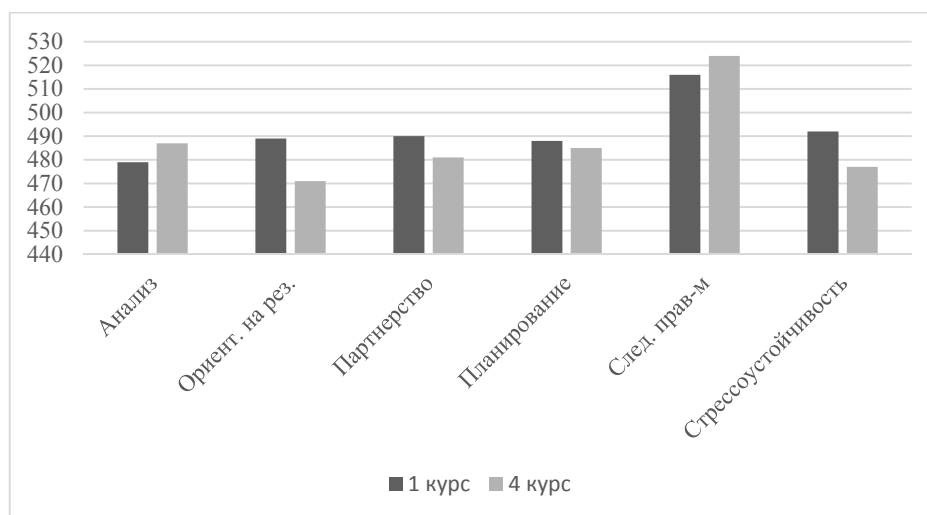

Рис. 13 / Fig. 13. Уровень развития компетенций у студентов 1- и 4-го курсов / The level of competencies among 1st and 4th year students

Источник / Source: составлено авторами / compiled by the authors.

проектная работа, недостаток групповых работ, приводящих к тому, что студентам в процессе не хватает командного взаимодействия и задач, в ходе которых необходимо действовать заодно, оказывать друг другу поддержку, выслушивать разные мнения. Эта гипотеза подтверждается оценкой студентов медицинских университетов, где за счет иной организации учебного процесса данная компетенция растет.

Вместе с тем на данный момент нельзя точно утверждать, вызваны ли различия между 1-м

и 4-м курсом именно обучением и насколько в них сильно влияние других факторов. В будущих исследованиях с более сильным дизайном (например, в лонгитуде [17]) планируется верифицировать результаты настоящей работы и предложенных гипотез.

ВЫВОДЫ

Таким образом, в ходе пилотной оценки надпрофессиональных компетенций в российских образовательных организациях на момент проведения

исследования было охвачено более 40 000 студентов из всех федеральных округов Российской Федерации. Наибольшую активность показали респонденты, проживающие в Северо-Западном, Уральском и Приволжском федеральных округах.

Исследование охватило различную аудиторию: большую часть выборки составили студенты, обучающиеся в педагогических и инженерных вузах, но в пилотное тестирование также были вовлечены и классические, и медицинские, и политехнические университеты. Почти половина участников исследования являются представителями 1-го курса бакалавриата.

Результаты диагностики по 6 компетенциям показали, что компетенции «Стрессоустойчивость» и «Ориентация на результат» являются на момент исследования наименее проявленными: доля респондентов с начальным уровнем развития превышает долю тех, у кого он высокий. Компетенция «Ориентация на результат» рассматривается авторами исследования как целеполагание деятельности, готовность прикладывать усилия, справляться со сложными задачами, иными словами — как умение отвечать на вызов конкретными и релевантными действиями.

Компетенция «Стрессоустойчивость» описывает способность респондентов сохранять эмоциональный ресурс в сложных ситуациях. В связи с этим высокая гомогенная связь данных компетенций не случайна: трудные жизненные ситуации, с которыми сталкиваются люди в своей деятельности, вызывают у них различные эмоциональные реакции. Респонденты с низким уровнем стрессоустойчивости реагируют на трудности проявлениями тревоги, отсутствием веры в возможность самим справиться с предстоящими проблемами, что не способствует достижению результата. Респонденты, позитивно реагирующие на вызовы судьбы, напротив, склонны повышать свою продуктивность, видя перед собой амбициозную цель. В трудностях такие люди видят возможности, что позволяет им сохранить работоспособность, сберечь ресурсы и достичь необходимого результата.

Высокая положительная связь между компетенциями «Планирование» и «Стрессоустойчивость» интересно дополняет картину: план является инструментом достижения цели или результата. Планирование — это в первую очередь самоорганизация и умение управлять собой; продуманные последовательные шаги позволяют двигаться вперед даже в сложных стрессовых ситуациях.

Ввиду вышесказанного имеет смысл обратить внимание на развитие данных надпрофессиональных компетенций в ходе образовательной деятельности в системе высшего образования, поскольку они напрямую связаны как с личной, так и организационной эффективностью.

Результаты оценки по компетенции «Следование правилам» нельзя назвать однозначными. С одной стороны, данная компетенция получила наибольшее количество высоких и наименьшее количество низких оценок. Вместе с тем данная компетенция обладает обратной связью с компетенциями «Ориентация на результат» и «Стрессоустойчивость», что нельзя с уверенностью отнести к положительной динамике: с одной стороны, следование правилам необходимо, чтобы соответствовать принятым нормам и стандартам, корпоративной культуре и т.д., с другой стороны, чрезмерное следование правилам лишает человека возможности творчески подходить к решению проблем, проявлять инициативу, рассуждать, искать новые способы действий. В таком случае правила становятся, скорее всего, «инструкцией к действиям», возможно, не всегда обдуманной и обеспечивающей эффективное достижение результата.

Отдельно стоит отметить результаты по компетенции «Анализ информации». В статье подробно описаны отличия методологии оценки данной надпрофессиональной компетенции от других деловых качеств респондентов. Важно учитывать, что инструменты диагностики по данной компетенции затрагивают область когнитивных способностей респондентов, а не личностные черты. Распределение оценок по данной компетенции нельзя в полной мере назвать нормальным, — наблюдается некоторое смещение кривой нормального распределения влево. Это может говорить о том, что задания тестовых методик были трудными для части респондентов. При этом респондентами, набравшими высокие баллы, в основном являются студенты 4-го курса бакалавриата, их уровень проявленности по компетенции «Анализ информации» выше, чем у первокурсников.

Внимательно стоит отнестись к результатам сравнения уровней проявленности надпрофессиональных компетенций у студентов 1-го и 4-го курсов. Полученные показатели по итогам пилотного тестирования заставляют задуматься о том, что в течение обучения уровень ключевых качеств и компетенций, востребованных рабо-

тодателями, может показывать отрицательную динамику. Результаты исследования указывают на тенденциозное снижение по компетенциям «Ориентация на результат», «Партнерство» и «Стрессоустойчивость». Выпускники бакалавриата демонстрируют по указанным компетенциям уровень ниже, чем студенты 1-го курса, что, безусловно, не соответствует ожиданиям

и потребностям рынка труда и экономики страны. Более высокий уровень проявленности по компетенции «Следование правилам» можно лишь частично отнести к положительной тенденции, поскольку высокие значения оценки по данному качеству свидетельствуют о снижении результатов по другим ключевым надпрофессиональным компетенциям.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Спенсер-мл. Л.М, Спенсер С.М. Компетенции на работе. Пер с англ. М.: HIPPO; 2005. 384 с.
2. Батурич Н.А., Вучетич Е.В., Костромина С.Н. и др. Российский стандарт тестирования персонала. *Организационная психология*. 2015;5(2):67–138.
3. Mair P. *Modern Psychometrics with R*. L: Springer; 2018. 458 p.
4. Stack-Cutler H.L., Parrila R.K., Torppa M. Using a multidimensional measure of resilience to explain life satisfaction and academic achievement of adults with reading difficulties. *Journal of Learning Disabilities*. 2015;48(6):646–657. <https://doi.org/10.1177/0022219414522705>
5. Осин Е.Н., Рассказова Е.И. Краткая версия теста жизнестойкости: психометрические характеристики и применение в организационном контексте. *Вестник Московского университета. Серия 14. Психология*. 2013;(2):147–165.
6. Осин Е.Н. Факторная структура краткой версии Теста жизнестойкости. *Организационная психология*. 2013;3(30):42–60.
7. Tupes E. C., Christal R. E. Recurrent personality factors based on trait ratings. *Journal of personality*. 1992;60(2):225–251. <https://doi.org/10.1111/j.1467-6494.1992.tb00973.x>
8. Norman W. T. Toward an adequate taxonomy of personality attributes: Replicated factor structure in peer nomination personality ratings. *Journal of Abnormal and Social Psychology*. 1963;(66):574–583. <https://doi.org/10.1037/h0040291>
9. Goldberg L. R. The development of markers for the Big-Five factor structure. *Psychological Assessment*. 1992;(4):26–42. <https://doi.org/10.1037/1040-3590.4.1.26>
10. Costa P., McCrae R.R. Revised NEO Personality Inventory (Neo-PI-R) and NEO Five-Factor Inventory (NEO-FFI): Professional manual. Odessa, FL: Psychological Assessment Resources; 1992. 101 p.
11. Crocker L., Algina J. Introduction to Classical and Modern Test Theory. Boston: Cengage Learning; 2006. 527 p.
12. Степашкина Е.А., Суходоев А.К., Гужеля Д.Ю. Исследование профиля надпрофессиональных компетенций, востребованных ведущими работодателями, при приеме на работу студентов и выпускников университетов и молодых специалистов. *Современная аналитика образования*. 2022;2(62):1–32.
13. Комиссаров А.Г., Степашкина Е.А., Соболева О.Б., Гужеля Д.Ю. Методология оценки надпрофессиональных компетенций в российских образовательных организациях. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2022;12(6):53–62.
14. Hanneman R.A., Kposowa A.J., Riddle M.D. Basic statistics for social research. NY: John Wiley & Sons; 2012. 560 p.
15. Ушаков Д.В. Социальный интеллект: надежды, сомнения, перспективы. Ст. в сборнике. М.: Институт психологии РАН; 2009.
16. Гриб Е.В. К вопросу о соотношении социального и других видов интеллекта. *Историческая и социально-образовательная мысль*. 2017;9(1–1):135–138.
17. Кэмпбелл Д. Модели экспериментов в социальной психологии и прикладных исследованиях. Пер. с англ. М.: Прогресс; 1980. 389 с.

REFERENCES

1. Spencer L. M., Jr, Spencer, S. M. Competences at Work. Translated from English. Moscow: HIPPO; 2005. 384 p. (In Russ.).
2. Baturin N. A., Vuchetich E. V., Kostromina S. N. et al. Russian Personnel Testing Standard. *Organizacionnaya psihologiya*. 2015;5(2):67–138. (In Russ.).

3. Mair P. *Modern Psychometrics with R*. L: Springer; 2018. 458 p.
4. Stack-Cutler H.L., Parrila R.K., Torppa M. Using a multidimensional measure of resilience to explain life satisfaction and academic achievement of adults with reading difficulties. *Journal of Learning Disabilities*. 2015;48(6):646–657. <https://doi.org/10.1177/0022219414522705>
5. Osin E.N., Rasskazova E.I. A brief version of the resilience test: psychometric characteristics and application in an organizational context. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14. Psihologiya*. 2013;(2):147–165. (In Russ.).
6. Osin E.N. Factor structure of the short version of the Resilience Test. *Organizacionnaya psihologiya*. 2013;3(30):42–60. (In Russ.).
7. Tupes E. C., Christal R. E. Recurrent personality factors based on trait ratings. *Journal of personality*. 1992;60(2):225–251. <https://doi.org/10.1111/j.1467-6494.1992.tb00973.x>
8. Norman W. T. Toward an adequate taxonomy of personality attributes: Replicated factor structure in peer nomination personality ratings. *Journal of Abnormal and Social Psychology*. 1963;(66):574–583. <https://doi.org/10.1037/h0040291>
9. Goldberg L.R. The development of markers for the Big-Five factor structure. *Psychological Assessment*. 1992;(4):26–42. <https://doi.org/10.1037/1040-3590.4.1.26>
10. Costa P., McCrae R.R. *Revised NEO Personality Inventory (Neo-PI-R) and NEO Five-Factor Inventory (NEO-FFI): Professional manual*. Odessa, FL: Psychological Assessment Resources; 1992. 101 p.
11. Crocker L., Algina J. *Introduction to Classical and Modern Test Theory*. Boston: Cengage Learning; 2006. 527 p.
12. Stepashkina E.A., Sukhodoev A.K., Guzhelya D.Y. Research on the profile of supraprofessional competencies demanded by leading employers when hiring university students and graduates and young professionals. *Sovremennaya analitika obrazovaniya*. 2022;2(62):1–32. (In Russ.).
13. Komissarov A. G., Stepashkina E. A., Soboleva O. B., Guzhelya D. Y. Methodology of Assessment of Supraprofessional Competences in Russian Educational Organizations. *Gumanitarnye nauki. Vestnik Finansovogo universiteta*. 2022;12(6):53–62. (In Russ.).
14. Hanneman R.A., Kposowa A.J., Riddle M.D. *Basic statistics for social research*. NY: John Wiley & Sons; 2012. 560 p.
15. Ushakov D.V. Social intelligence: hopes, doubts, prospects. The article in the collection. Moscow: Institut psihologii RAN; 2009. (In Russ.).
16. Grib E. V. To the question of the ratio of social and other types of intellect. *Istoricheskaya i social'no-obrazovatel'naya mysl'*. 2017;9(1–1): 135–138. (In Russ.).
17. Campbell D. *Models of Experimentation in Social Psychology and Applied Research*. Transl. from Eng. Moscow: Progress; 1980. 389 c. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / ABOUT THE AUTHORS

Алексей Геннадьевич Комиссаров — и.о. ректора Президентской Академии РАНХиГС; директор Высшей школы государственного управления при РАНХиГС, генеральный директор АНО «Россия — страна возможностей», Москва, Россия

Alexey G. Komissarov — Acting Rector of the Presidential Academy of the RANEPА; Director of the Higher School of Public Administration at the RANEPА, General Director of the ANO “Russia — Land of Opportunities”, Moscow, Russia

<http://orcid.org/0000-0003-1816-5949>

alexey.komissarov@rsv.ru

Екатерина Алексеевна Степашикина — руководитель отдела аналитики и разработки диагностических инструментов департамента оценки и методологии АНО «Россия — страна возможностей», Санкт-Петербург, Россия

Ekaterina A. Stepashkina — Head of the Department of Analytics and Development of Diagnostic Instruments, Department of Assessment and Methodology, ANO “Russia — Land of Opportunities”, St. Petersburg, Russia

<http://orcid.org/0000-0002-4340-3753>

e.stepashkina@rsv.ru

Ольга Борисовна Соболева — главный специалист направления методологии отдела аналитики и разработки диагностических инструментов АНО «Россия — страна возможностей», Новосибирск, Россия
Olga B. Soboleva — Senior Specialist in Methodology, Department of Analytics and Development of Diagnostic Instruments, ANO “Russia — Land of Opportunities”, Novosibirsk, Russia
<http://orcid.org/0000-0002-2348-2925>
olga.soboleva@rsv.ru

Дмитрий Юрьевич Гужеля — кандидат педагогических наук, заместитель генерального директора АНО «Россия — страна возможностей», Москва, Россия
Dmitry Yu. Guzhelya — Cand. Sci. (Ped.), Deputy General Director, ANO “Russia — Land of Opportunities”, Moscow, Russia
<http://orcid.org/0000-0001-7167-3972>
dmitriy.guzhelya@rsv.ru

Павел Сергеевич Селезнев — доктор политических наук, доцент, декан факультета международных экономических отношений, Финансовый университет, Москва, Россия
Pavel S. Seleznev — Dr. Sci. (Pol.), Associate Professor, Dean of the Faculty of International Economics Relations, Financial University, Moscow, Russia
<http://orcid.org/0000-0001-5439-8630>
pseleznev@fa.ru

Заявленный вклад авторов:

А.Г. Комиссаров — формирование идеи; формулировка и развитие ключевых целей и задач.
Е.А. Степашкина — проведение исследования по надпрофессиональному компетентностному профилю студентов, разработка и дизайн методологии оценки, описание результатов оценки, составление статьи.
О.Б. Соболева — применение статистических и психометрических методов для анализа и синтеза данных, собранных в результате оценки компетенций.
Д.Ю. Гужеля — обеспечение целостности всех частей статьи и утверждение окончательного варианта статьи.
П.С. Селезнев — формирование общей концепции статьи.

The declared contribution of the authors:

A.G. Komissarov — formulation and development of key goals and objectives.
E.A. Stepashkina — conducting a study on the meta-professional competence profile of students, developing and designing an assessment methodology.
O.B. Soboleva — applying statistical and psychometric methods for the analysis and synthesis of data collected as a result of competency assessment.
D. Yu. Guzhelya — ensuring the integrity of all parts of the paper and approval of its final version.
P.S. Seleznev — development of the general concept.

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
Conflicts of Interest Statement: The authors have no conflicts of interest to declare

Статья поступила 10.12.2022; принята к публикации 25.02.2023.
Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.
The article was received on 10.12.2022; accepted for publication on 25.02.2023.
The authors read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2023-13-2-72-77
УДК 316.016(045)

Типология современных цифроориентированных теорий управления в социально-экономической сфере

А.В. Деникин, З.Д. Деникина, А.С. Проскурина
Финансовый университет, Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

Современное научное поле развивается за счет появления прикладных теорий и теорий среднего уровня, количество которых велико из-за разнообразия кейсов и анализируемых феноменов. Все это создает необходимость типологии предлагаемых исследователями концепций, которая выполняет две задачи. Во-первых, типология позволяет представить разработанные инструменты и прикладные теории в удобном для практического использования формате. Во-вторых, она дает возможность отразить актуальные течения, что имеет связь с состоянием общественных отношений в конкретный момент времени. В статье представлена типология современных российских и зарубежных моделей управления, опирающихся на квантификацию и логику цифроориентированных теорий управления.

Ключевые слова: социально-экономическая сфера; социология управления; модель управления; квантификация; цифровизация

Для цитирования: Деникин А.В., Деникина З.Д., Проскурина А.С. Типология современных цифроориентированных теорий управления в социально-экономической сфере. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2023;13(2):72-77. DOI: 10.26794/2226-7867-2023-13-2-72-77

ORIGINAL PAPER

Typology of Modern Digitally Oriented Management Theories in the Socio-Economic Sphere

A.V. Denikin, Z.D. Denikina, A.S. Proskurina
Financial University, Moscow, Russia

ABSTRACT

The modern scientific field is developing through emergence of applied theories and middle-level theories, the number of which is large due to the diversity of cases and analyzed phenomena. All this creates the need for a typology of concepts proposed by researchers, which actually performs two tasks. First, the typology allows to present the developed tools and applied theories in a format convenient for practical use. Secondly, it makes it possible to reflect current trends, which have a connection with the state of social relations at a particular moment in time. The article presents the typology of modern Russian and foreign management models based on the quantification and logic of digitally oriented theories of management.

Keywords: socio-economic sphere; sociology of management; management model; quantification; digitalization

For citation: Denikin A.V., Denikina Z.D., Proskurina A.S. Typology of modern digitally oriented management theories in the socio-economic sphere. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2023;13(2):72-77. DOI: 10.26794/2226-7867-2023-13-2-72-77

ВВЕДЕНИЕ

Со времени зарождения социологии как самостоятельной науки она стремится к созданию фундаментальных парадигм. Первые социологи — в духе философской традиции — стремились объяснить происходящее в мире с позиции целостности социальных процессов. Со временем это стремление угасло, пришло понимание того, что социальная реальность

слишком разнообразна и очень быстро меняется, и это делает невозможным создание универсальных объяснительных моделей или систем. Сегодня задача социологии — внести вклад в понимание актуальных проблем, а не их окончательное решение¹.

¹ XIX ISA World Congress of Sociology. URL: <https://www.isa-sociology.org/en/conferences/world-congress/toronto-2018/>

Над этим трудятся тысячи исследователей по всему миру, в связи с чем становится актуальной работа по систематизации выполненных работ и предлагаемых концепций. Такая систематизация, с одной стороны, позволяет определять и сравнивать проблематику в различных регионах, культурах, исторических моментах. Исследователи изучают актуальные процессы, следовательно, тематика их работ позволяет определить то, что действительно актуально и востребовано в обществе сегодня. С другой стороны, обобщение, группировка разработанных инструментов и исследовательских положений упрощает труд других ученых, экономит их время и позволяет им строить новые выводы на основе последних достижений социологической науки. Работа с опорой на актуальные разработки обеспечивает новизну подходов и приближает научную общественность к новым способам решения возникающих задач.

ТИПЫ КЛАССИЧЕСКИХ ТЕОРИЙ УПРАВЛЕНИЯ

Построение типологии цифроориентированных теорий — это не новая задача. Она, в любом случае, опирается на уже существующие модели. Типологии строятся с учетом трех факторов: регионального, ресурсного и управленческого.

Региональный подход применяет У. Оучи. Он разделяет модели управления на три типа: американский, японский и маркетинговый — А, J и Z [1]. Это вызвано тем обстоятельством, что культурно-исторический бэкграунд сотрудников и управленцев составляет основу принятия решений, реагирования и построения отношений в коллективе. Оучи говорит о том, что предлагаемые им типы организаций отличаются по семи параметрам; американская и японская модели представляют собой контрастирующие типы, в то время как модель Z — интегральная, — она составляет альтернативу не только региональному разделению, но и теории Д. Макгрегора о типах управленческой мотивации X и Y. В модели Оучи основой является поведение сотрудников и отношения между ними, — это распространенный взгляд на культурно-обусловленные управленческие модели — аналогичная позиция встречается в подходе М. Гельфанд (жесткие и свободные культуры, соответствующие им модели по-

ведения) [2], в методологии проекта GLOBE (культурные ценности и практики в сочетании с глобальными тенденциями, социоэкономическим развитием и институтами, приводящие к изменениям²), в классических концепциях Г. Хофстеде (подтверждение предположений о влиянии культуры статистическим анализом баз данных) [3] и Р. Инглхарта (влияние медиа-сферы и интенсивности взаимодействия с глобальным миром на культурные практики) [4].

Ресурсный взгляд на управление связан с исследованием доступа к специфическим ресурсам внутри организации, их производства, распределения и связями вне организации. Социологическая основа таких концепций — это теории социального обмена и социальных ресурсов, прежде всего Дж. Коулмана (теория рационального выбора, идея успешных обменов как социального капитала), П. Штомпки (доверие как ресурс), П. Бурдье (социальное пространство как агентное поле обменов). Исследования в этой области связаны с различными видами ресурсов в организации — человеческими (Ф. Ротлисбергер, Ф. Херцберг, Д. Сермон, М. Хуселид), финансовыми (М. Хитт, Дж. Барни, Н. Фосс), нематериальными (партнерскими, интеллектуальными, личностными, организационными, информационными, потребительскими) [5].

Управленческий фокус в теориях управления подразумевает исследование особой роли той части организации, которая принимает итоговое решение, т.е. менеджеров высшего и среднего звена. Руководитель организации рассматривается как ее «локомотив» и главное условие успешной деятельности остальных сотрудников. Подобная позиция просматривается во многих концепциях, которые на первый взгляд имеют своей целью исследование других феноменов в организации — конфликтов, культуры, обменов. Так, Л. Понди определяет конфликт как «сущность организации», имеющую «личностный» характер: персонализация конфликта и выведение его из зоны скрытой напряженности находится в тесной связи с управленческими организационными структурами [6]. И. Н. Шило разделяет конфликты на системные и структурные. Она использует исследовательские подходы, соответствующие

² GLOBE 2020 GLOBE Project. URL: https://globeproject.com/about?page_id=cci#globe2020_cci

каждому виду, но вне зависимости от восприятия конфликта управленческое звено является центральным элементом подобных теорий [7].

Отдельно необходимо упомянуть так называемые «системные» или «интегральные» теории, задача которых — создание комплексного понимания организации, управления в ней, ресурсов, человеческих отношений и культурных контекстов. Теории такого рода сложно однозначно типологизировать, и к ним применимо, скорее всего, выделение центрального, наиболее значимого аспекта деятельности организации.

Обзор типов классических теорий управления демонстрирует их соответствие сущности организации — как она определяется социологами, менеджерами и другими специалистами в сфере управления. Предлагаемые модели могут касаться внутренней структуры организации, ее взаимодействия с внешней средой или только управленческого блока. Учитывая вышесказанное, можно предположить, что аналогичный подход будет применим и к цифровизационным процессам.

ВЛИЯНИЕ ЦИФРОВИЗАЦИИ НА ОРГАНИЗАЦИЮ

Учет количественных показателей и включение в производственные процессы цифровых информационных технологий не проходит для организаций бесследно. Сегодня они не смогут преуспеть на рынке, если не будут пользоваться «благами» новой цивилизации и индустрии 4.0 [8]. Предложенная У. Оучи концепция типа Z (как способ модернизации организации в условиях глобализации) в наше время дополняется цифровым аспектом. Ученый указывал, что организации обновленного типа должны предусматривать длительный найм, согласованное принятие решений, индивидуальную ответственность сотрудников, постепенность карьеры, неформальный контроль в сочетании с формальными нормами, среднюю узкость специализации сотрудников и комплексное обеспечение работников и их семей [1]. Современный взгляд на организационные процессы предполагает введение элементов цифровизации в каждой из перечисленных сфер: взаимодействие сотрудников становится «прозрачным», контроль носит более понятный и объективный характер, ответственность становится вопросом места сотрудника в про-

изводственном процессе, а не его личности, и в центре всего этого находится клиент [9]. Таким образом, востребованными становятся теории, фокусирующиеся на проектном управлении, контроле качества и отношениях с клиентами (CRM).

Проектный подход к управлению и организации деятельности связан с планированием в условиях высокой неопределенности и позволяет уменьшить риски за счет работы на небольших участках в ограниченный период времени с целью достижения конкретных результатов. Данный подход зачастую является частью более длительных стратегий, что находит отражение в интегрировании концепций проектного управления и устойчивого развития [10]. Управление такого типа способствует повышению эффективности, так как проект сам по себе выступает проверенным и конкретизированным инструментом, состоящим из начальной, рабочей и завершающей фаз, благодаря чему возможно получение результатов на фоне традиционного для многих областей процессуального подхода [11]. Примером успешной проектной стратегии, распространяющейся за пределы технологической сферы, является AGILE (методология разработки программного обеспечения, которая нацелена на быструю и гибкую адаптацию к изменяющимся требованиям заказчика и рынку). Она основана на коллективной работе, которая позволяет команде взаимодействовать между собой, а также с заказчиком. Несмотря на эффективность проектных инструментов, у них есть ряд недостатков. Так, в ходе реализации проектов варьируется мотивация сотрудников, не всегда учитываются другие ресурсы и проекты в организации, а в связи с ограниченностью систем оценивания бывает невозможен полноценный анализ результатов [12].

Системы оценивания как особая функция управления являются предметом теорий в сфере *контроля качества*, который находит отражение в более общих социологических подходах, например в теории бюрократии М. Вебера и построенной на ней теории макдональдизации Дж. Ритцера. Контроль обеспечивает качественное планирование, предупреждение проблем и распределение ресурсов в соответствии с задачами организации [13]. Он связан со стандартизацией, а она, в свою очередь, с цифровизацией. Стандартизация реализуется на государственном уровне, а для ряда областей осуществляется

самой организацией. Контроль качества в этих условиях носит двойственный характер, обеспечивая не только эффективность, но и саму возможность работы организации (нарушение государственных стандартов является препятствием для продолжения деятельности), а его значимость проявляется в концепции всеобщего управления качеством *TQM – total quality management*. Данная концепция предполагает анализ и поощрение компаний на основе оценки качества организации работы в них.

TQM уделяется большое внимание в связи с востребованностью выживания в конкурентной среде. Она предполагает определение качества не только с позиции самой организации и государства, но и клиентов. Повышение уровня конкуренции, увеличение пула потребителей и глобализация рынков сделали неизбежным переориентацию на *отношения с клиентами* как центр исследовательского усилия [14]. CRM-технологии — это система построения отношений с клиентами, включающая их удержание и анализ клиентской базы, в целях внесения необходимых изменений в процесс взаимодействия. В академической среде ведутся поиски способов решения проблем, возникающих при необходимости перехода от организационноцентричных к клиентоцентричным процессам. Сложность переориентации на целевого потребителя возникает из-за того, что данный процесс реализуется средствами цифровизации. Для успешного внедрения подобных инструментов требуется умение управлять изменениями в производственных процессах, организовывать их технологическое обеспечение и взаимодействие, а также понимать суть клиентоориентированности [15].

ВЫВОДЫ

Соотнесение классических и цифровизированных типов теорий демонстрирует несколько трендов в современном управлении. Во-первых, сегодня речь идет о глобализации и всеобщей стандартизации в любом региональном пространстве. Сама идея поиска интегральных программ и решений по принципу «лучшее из всех миров» указывает на стремление к универсализации опыта и процесса управления; она уже носит характер не фундаментальных теорий, а, скорее всего, является отражением *компьютерной логики*, универсальной для всех устройств и воплощений. Во-вторых, основным ресурсом становятся люди и информация. *Коммуникативные ресурсы*, т.е. обмен информацией между людьми, оказываются основой принятия решений и организации производственных процессов. Владение информацией обеспечивает обладание материальными и нематериальными ресурсами, что особенно хорошо заметно в сфере фондовых рынков. В-третьих, «волатильность» информации, ее нестабильность и изменчивость делает проектное управление наиболее вероятной формой организации работы. В связи с этим *повышается роль отдельных управленцев и их социальных связей*, благодаря которым и достигается необходимая гибкость в работе.

Таким образом, сравнение различных типов теорий управления в социально-экономической сфере позволило выполнить поставленные задачи по уменьшению размерности теоретического ландшафта и выявлению основных общественных тенденций в данной области.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Ouchi W. G., Jaeger A. M. Type Z Organization: Stability in the Midst of Mobility. *The Academy of Management Review*. 1978;3(2):305–314.
2. Gelfand M. Rule makers, rule breakers: Tight and loose cultures and the secret signals that direct our lives. New York: Scribner; 2019. 384 p.
3. Hofstede G. Dimensionalizing cultures: The Hofstede model in context. *Online readings in psychology and culture*. 2011;2(1):1–26.
4. Norris P., Inglehart R. Cosmopolitan communications: Cultural diversity in a globalized world. Cambridge: Cambridge University Press; 2009. 429 p.
5. Майорова Е. А. Нематериальные ресурсы торговых организаций. *Экономика. Бизнес. Банки*. 2016;(2):111–122.
6. Pondy L. R. Organizational conflict: Concepts and models. *Administrative science quarterly*. 1967;12(2):296–320.
7. Шило И. Н. Конфликт как предмет социологии организаций. *Социологические исследования*. 2000;(10):27–30.

8. Пономарев К. С., Феофанов А. Н., Гришина Т. Г. Цифровой двойник производства — средство цифровизации деятельности организации. *Автоматизация и моделирование в проектировании и управлении*. 2019;2(4):11–17.
9. Шахмаметьева А. Р., Торосян Е. К. Цифровизация внутренних и внешних бизнес-процессов организации для повышения клиентского опыта. *Colloquium-journal*. 2020;15(67):17–22.
10. Иванов И. Н., Орлова Л. В., Иванов С. И. Цифровизация и проектное управление как факторы устойчивого развития организации. *Вестник университета*. 2021;5(5):12–18.
11. Васильев А. И., Прокофьев С. Е. Организация проектного управления в органах государственной власти. *Управленческие науки*. 2016;4(4):44–52.
12. Лапыгин Ю. Н., Гоньшаков А. Г. Оценка эффективности проектного управления. *Экономический анализ: теория и практика*. 2011;15(15):50–53.
13. Растегаева Ф. С., Пережогин И. С. Трансформация системы внутреннего контроля коммерческой организации в условиях цифровизации экономики. *Креативная экономика*. 2020;6(6):1091–1104.
14. Осадчая С. М., Кабанов Д. Н. Формирование системы продаж в организациях потребительской кооперации на основе использования CRM-технологий. *Вестник Белгородского университета потребительской кооперации*. 2010;1(1):211–216.
15. Rababah K., Mohd H., Ibrahim H. Customer relationship management (CRM) processes from theory to practice: The pre-implementation plan of CRM system. *International Journal of e-Education, e-Business, e-Management and e-Learning*. 2011;1(1):22–27.

REFERENCES

1. Ouchi W. G., Jaeger A. M. Type Z Organization: Stability in the Midst of Mobility. *The Academy of Management Review*. 1978;3(2):305–314.
2. Gelfand M. Rule makers, rule breakers: Tight and loose cultures and the secret signals that direct our lives. New York: Scribner; 2019. 384 p.
3. Hofstede G. Dimensionalizing cultures: The Hofstede model in context. *Online readings in psychology and culture*. 2011;2(1):1–26.
4. Norris P., Inglehart R. Cosmopolitan communications: cultural diversity in a globalized world. Cambridge: Cambridge University Press; 2009. 429 p.
5. Mayorova E. A. Intangible resources of trade organizations. *Ekonomika. Biznes. Banki*. 2016;2(2):111–122. (In Russ.).
6. Pondy L. R. Organizational conflict: Concepts and models. *Administrative science quarterly*. 1967;12(2):296–320.
7. Shilo I. N. Conflict as a Subject of Sociology of Organizations. *Sociologicheskie issledovaniya*. 2000;10(10):27–30. (In Russ.).
8. Ponomarev K. S., Feofanov A. N., Grtshina T. G. A digital twin of production — a means of digitalization of organization activity. *Avtomatizaciya i modelirovanie v proektirovanii i upravlenii*. 2019;2(4):11–17. (In Russ.).
9. Shakhmametyeva A. R., Torosyan E. K. Digitalization of internal and external business processes of an organization to enhance customer experience. *Colloquium-journal*. 2020;15(67):17–22. (In Russ.).
10. Ivanov I. N., Orlova L. V., Ivanov S. I. Digitalization and project management as factors of sustainable development of the organization. *Vestnik universiteta*. 2021;5(5):12–18. (In Russ.).
11. Vasiliev A. I., Prokof'ev S. E. Organization of project management in public authorities. *Upravlencheskie nauki*. 2016;4(4):44–52. (In Russ.).
12. Lapygin Y. N., Gonshakov A. G. Estimation of project management efficiency. *Ekonomicheskij analiz: teoriya i praktika*. 2011;15(15):50–53. (In Russ.).
13. Rastegaeva F. S., Perezhogin I. S. Transformation of internal control system of commercial organization in conditions of digitalization of economy. *Kreativnaya ekonomika*. 2020;6(6):1091–1104. (In Russ.).
14. Osadchaya S. M., Kabanov D. N. Formirovanie sistemy sales v organizatsii konsumerskoj kooperatsii na izucheniya CRM-tekhnologii. *Vestnik Belgorodskogo universiteta potrebitel'skoj kooperatsii*. 2010;1(1):211–216. (In Russ.).
15. Rababah K., Mohd H., Ibrahim H. Customer relationship management (CRM) processes from theory to practice: The pre-implementation plan of CRM system. *International Journal of e-Education, e-Business, e-Management and e-Learning*. 2011;1(1):22–27.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / ABOUT THE AUTHORS

Анатолий Васильевич Деникин — доктор философских наук, профессор департамента философии, Финансовый университет, Москва, Россия

Anatoly V. Denikin — Dr Sci. (Philosophy), Philosophy Department Professor, Financial University, Moscow, Russia

<https://orcid.org/0000-0002-2466-0703>

AVDenikin@fa.ru

Зоя Дмитриевна Деникина — доктор философских наук, профессор департамента гуманитарных наук, Финансовый университет, Москва, Россия

Zoya D. Denikina — Dr Sci. (Philosophy), Philosophy Department Professor, Financial University, Moscow, Russia

<https://orcid.org/0000-0002-3119-1546>

ZDDenikina@fa.ru

Александра Сергеевна Проскурина — кандидат социологических наук, доцент департамента социологии, Финансовый университет, Москва, Россия

Alexandra S. Proskurina — Cand. Sci. (Sociology), Department of Sociology Associate Professor, Financial University, Moscow, Russia

<https://orcid.org/0000-0002-2108-1415>

ASProskurina@fa.ru

Заявленный вклад авторов:

А.В. Деникин и З.Д. Деникина — изучение и описание типов классических теорий управления.

А.С. Проскурина — разработка общей концепции статьи.

Authors' stated contribution:

A. V. Denikin and Z. D. Denikina — study and description of the types of classical management theories.

A. S. Proskurina — development of the general concept of the article.

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The authors have no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 30.01.2023; принята к публикации 25.02.2023.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The article was received on 30.01.2023; accepted for publication on 25.02.2023.

The authors read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2023-13-2-78-87
УДК 314.6(045)

Семейное предпринимательство как вид гендерно нейтрального предпринимательства: социальная сущность и трудовой потенциал

Г.Г. Силласте

Финансовый университет, Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

Семейное предпринимательство как социальный феномен, вид трудовой занятости и экономической активности российской семьи остается слабо изученным предметом социологического анализа и социологии предпринимательства. Руководствуясь принципом исторической преемственности, автор анализирует феномен семейного предпринимательства как вид экономической деятельности, исходя из теоретических позиций Й. Шумпетера, Н. Кондратьева, Ф. Найта, Ф. Хайкера и И. Кирцера, синтезируя при этом экономический и социологический подходы по четырем теоретико-методологическим основаниям: семейное предпринимательство как социальный феномен экономического развития, как вид трудовой деятельности, как форма группового экономического поведения малой группы и как вид трудового воспитания детей, их интеграции в экономическую деятельность семьи в целом. С концептуальной позиции гендерной социологии и нового мирового порядка семейное предпринимательство раскрывается как вид гендерно нейтрального предпринимательства, в котором могут принимать участие все члены семьи, независимо от признака пола, но с разной степенью вовлеченности в семейный бизнес. Эмпирическая база анализа опирается на результаты прикладных социологических исследований Научной школы «Гендерная экономическая социология» Финансового университета при Правительстве РФ и Российской Торгово-промышленной палаты РФ. **Ключевые слова:** предпринимательство; семейное предпринимательство; экономическая деятельность; экономическое поведение; гендерная нейтральность; новый гендерный порядок; гендерная структура; риск; неопределенность

Для цитирования: Силласте Г.Г. Семейное предпринимательство как вид гендерно нейтрального предпринимательства: социальная сущность и трудовой потенциал. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2023;13(2):78-87. DOI: 10.26794/2226-7867-2023-13-2-78-87

ORIGINAL PAPER

Family Entrepreneurship as a Type of Gender-neutral Entrepreneurship: Social Essence and Labor Potential

G.G. Sillaste

Financial University, Moscow, Russia

ABSTRACT

Family entrepreneurship as a social phenomenon, as a type of employment and economic activity of the Russian family remains a poorly studied issue of sociological analysis and sociology of entrepreneurship. The author of this article guided by the principle of historical continuity analyzes the phenomenon of family entrepreneurship as a type of economic activity from the viewpoint of theoretical positions of J. Schumpeter, N. Kondratiev, F. Knight, F. Haiker and I. Kirzer. At the same time, the author synthesizes an economic approach with a sociological one on four theoretical and methodological grounds: family entrepreneurship as a social phenomenon of economic development; as a type of labor activity; as a form of group economic behavior of a small group and as a type of labor education of children, their integration into the economic activity of the family as a whole. From the conceptual standpoint of gender sociology and the new world order, family entrepreneurship is presented as a type of gender-neutral entrepreneurship in which all family members can participate, regardless of gender, but with varying degrees of involvement into the family business. The empirical data for the analysis is based on the results of applied sociological research of the Scientific School "Gender Economic Sociology" of the Financial University under the Government of the Russian Federation, on the one hand, and the Russian Chamber of Commerce and Industry, on the other.

Keywords: entrepreneurship; family entrepreneurship; economic activity; economic behavior; gender neutrality; new gender order; gender structure; risk; uncertainty

For citation: Sillaste G.G. Family entrepreneurship as a type of gender-neutral entrepreneurship: Social essence and labor potential. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2023;13(2):78-87. DOI: 10.26794/2226-7867-2023-13-2-78-87

СЕМЕЙНОЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО: МНОГОМЕРНЫЙ ПРЕДМЕТ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

Траектория 1. История и теория: от общего — к частному

Предпринимательство как вид экономической деятельности — предмет активного изучения не только экономической, но и социологической науки. Существуют четыре наиболее активно используемые теоретические точки зрения на предпринимательство, в зависимости от которых выстраивается научная платформа исследований по данной теме: это позиции Й. Шумпетера, Н. Кондратьева, Ф. Найта, Ф. Хайека и И. Кирцера.

Ведущий вопрос теории предпринимательства, независимо от сферы и вида деятельности: *кто такой «предприниматель» и каковы критерии его идентификации?*

Й. Шумпетер в своей работе «Теория экономического развития» назвал предпринимателями *специфическую группу субъектов рыночного процесса, являющуюся основным активным элементом хозяйственной деятельности общества* [1]. Именно инновационные действия инициативных экономических субъектов рыночного процесса являются, по мнению ученого, источником всех динамических изменений, которые происходят в экономике. Согласно точке зрения Й. Шумпетера, изложенной в книге «Капитализм, социализм и демократия»: «Функция предпринимателей заключается в том, чтобы реформировать или революционизировать производство, используя изобретения, или в более общем смысле, новые технологические решения для выпуска новых товаров или производства старых товаров новым способом, открывая новые источники сырья и материалов или новые рынки, реорганизуя отрасль» [2]. При этом автор добавлял, что капитализм по своей сути — не что иное, как форма и метод экономических изменений, катализатором которых является популяция предпринимателей, которые активизируют оборот экономических ресурсов и постоянно вносят нестабильность в стационарные рыночные процессы. Шумпетер ввел в научный оборот два понятия, широко используемые и сегодня, в том числе при анализе семейного предпринимательства: «*предпринимательская функция*» и «*предпринимательская прибыль*», являющаяся стимулом действия предпринимателя как активного агента рынка.

Н. Кондратьев в полемике с Шумпетером выделил два типа экономических субъектов, которые действуют в рыночной системе: *пассивный* агент рынка, имеющий минимальный доход или же едва покрывающий свои издержки, и *активный* агент рынка, который создает новые хозяйственные комбинации [3]. Это и есть собственно предприниматель (в нашем случае — *предприниматель семейного бизнеса*). Развивая эту мысль, Н. Кондратьев рассматривает рынок как объект, не зависящий от воли отдельных лиц и представляющий собой набор постоянно возобновляющихся и изменяющихся условий, в системе которых возможно возникновение множества разнообразных моделей предпринимательского поведения. Семейное предпринимательское поведение — одна из его форм.

Ф. Хайек и И. Кирцер, будучи представителями современной австрийской школы, объясняют феномен предпринимательства несколько иначе. По оценке Ф. Хайека, предпринимательский доход зависит от двух факторов: *конфиденциальности и специализированного личностного знания* [4]. Поэтому каждый агент рыночного процесса, который планирует получение прибыли, стремится найти необходимую информацию как основу для принятия решения. Эта информация тщательно скрывается от конкурентов, которые сущностно преследуют те же цели. Однако именно эта конфиденциальная информация и позволяет предпринимателям судить о своих шансах и шансах конкурентов. Поэтому естественно — если предприниматель обладает такой информацией и заинтересован в успехе своего предприятия, он не будет ее разглашать.

Другой крайне важный фактор, обуславливающий предпринимательский доход, — это *специализированное личностное знание (или «предчувствие»)* предпринимателя, т.е. речь идет о влиянии субъективного фактора. По мнению Ф. Хайека, как и Ф. Найла, специализированное личностное знание не поддается вербализации и какой-либо рациональной реконструкции. Это уникальное качество или свойство личности предпринимателя, его собственный ресурс, который используется как фактор достижения предпринимательского успеха.

И наконец, И. Кирцер считал сущностью предпринимателя его способность использовать нестабильные ситуации и условия рыночной среды, в которой необходимо найти выгод-

ные комбинации экономической деятельности, ибо всегда существует разрыв между спросом и предложением. А это говорит о том, что есть шанс найти «нереализованные возможности для извлечения прибыли».

Оригинальную версию предпринимательства через разделение двух понятий «*риск*» и «*неопределенность*» предложил Ф. Найт. Он разработал свое определение категории «неопределенность» исходя из анализа и классификации разных типов вероятности (априорная, статистическая и оценочная). Категорией «неопределенность» Ф. Найт описал поведение предпринимателя, который действует в тех исключительных ситуациях, исход которых нельзя предсказать, опираясь лишь на статистическое исчисление вероятности наступления будущих событий.

По Ф. Найту, *предприниматель — это человек, который как субъект рыночного поведения в ситуациях неопределенности действует с опорой на свою интуицию и субъективную уверенность в достижении успеха*. Это специфическое человеческое качество Найт рассматривает как своего рода «дар», данный предпринимателю. Но логика и психология этого процесса, по мнению Ф. Найта, непонятна и составляет недоступную науке «тайну человеческого разума».

Итак, осуществленный анализ подводит нас к выводу о том, что предпринимательство — это инновационная модель экономического поведения, ориентированная на остаточный доход, недоступный другим стандартно действующим агентам рыночного процесса. В более широком смысле предпринимательское поведение можно рассматривать как одну из инновационных форм социального поведения (например, в сфере семейного предпринимательства), реализуемого в пределах воспроизводственного цикла (в том числе — семейной экономической деятельности).

Необходимо заметить, что анализ предпринимательского поведения, степень его успешности чаще всего концентрируются на феномене успеха, достигаемого экономическим субъектом, который, преодолевая разные препятствия, добивается в конечном итоге материального, морального и социального вознаграждения как формы прибыли. Это положение полностью соотносимо с развитием семейного предпринимательства — как в прошлом социальном времени, так и в настоящем.

Траектория 2. О современных профилях предпринимательского поведения

К настоящему времени можно выделить довольно широкий набор профилей предпринимательского поведения и соответствующие им модели экономического поведения, среди которых: *инвестиционная, инвенторная, организационная, посредническая, активизиционная, коммерческая, конъюнктурно-игровая, колсалтинговая*. Не стану останавливаться на них подробнее, но соглашусь с точкой зрения российского социолога В. Верховина в том, что во всех случаях предпринимательство — это модель экономического поведения, реализуемая в системе рыночной неопределенности и риска.

Профили предпринимательского поведения связаны с классификацией предпринимательства по формам экономической деятельности: *макроформа* (как социальное явление), *мезоформа* (как социально-профессиональная группа, специализирующаяся на производстве однотипного предпринимательского продукта) и наиболее распространенная в современных условиях *микрформа* — индивидуальное предпринимательство (ИП), которое часто связывают в современном российском обществе с предпринимательством «вынужденным». Однако на протяжении последних десяти лет в российской экономике стала все активнее развиваться *коллективно-групповая форма* предпринимательской деятельности, к которой и относится *семейное предпринимательство*.

По данным исследования *Торгово-промышленной палаты (ТПП РФ)*, три четверти предприятий малого и среднего бизнеса в России это — семейные компании, в которых заняты экономической деятельностью супруги и родственники [5]. В последние годы (особенно после введения глобальных экономических санкций) все шире развиваются семейные мебельные цеха и магазины.

Реверсивная экономика и гендерная нейтральность — черты социального времени

Рыночная востребованность развития и возрастающая популярность у населения семейного предпринимательства сделали его важной вехой роста российской экономики 20-х гг. нового тысячелетия.

В условиях новой геополитической ситуации я бы назвала набирающую темпы развития рос-

Таблица / Table

Распределение лиц, занимающихся предпринимательской деятельностью, по полу и месту поселения / Distribution of people engaged in entrepreneurial activities by gender and place of residence

	Основная работа			Дополнительная работа		
	2019	2020	2021	2019	2020	2021
Тысяч человек						
Всего	3621	3571	3687	573	563	569
Мужчины	2236	2202	2251	300	300	292
Женщины	1285	1369	1435	272	262	277
Городское население	2590	2554	2656	426	423	419
Сельское население	1031	1017	1031	147	139	150
В % от общей численности						
Всего	100	100	100	100	100	100
Мужчины	61,7	61,7	61,1	52,4	53,3	51,3
Женщины	38,3	38,3	38,9	47,6	46,7	48,7
Городское население	71,5	71,5	72,0	74,4	75,2	73,6
Сельское население	28,5	28,5	28,0	25,6	24,8	26,4

Источник / Source: URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13223> / URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13223>

сийскую экономику **реверсивной**, нацеленной на возвращение к национально-суверенным формам развития, взаимовыгодной международной кооперации и мобилизации своих внутренних (до сего времени плохо использованных) социально-духовных и человеческих ресурсов.

К традиционным классификациям предпринимательства следует добавить еще одну его теоретическую характеристику, которая обусловлена фактором *специфики настоящего социального времени*, — это масштабный и агрессивно протекающий в мир-системе процесс «переформатирования» ранее сложившегося традиционного гендерного порядка в новый социальный тип, теоретической базой которого стала *теория гендерной нейтральности* как инструмент обеспечения универсального гендерного равенства мужчин и женщин на биологической основе признаков пола [6]. В новом социогендерном порядке, который ЕС пытается навязать всем странам в качестве «всеобщего эквивалента» нового социального миропорядка, роль семейного предпринимательства будет возрастать. Тому есть несколько объяснений. Во-первых, семейное предприни-

мательство как вид экономической деятельности расценивается как гендерно нейтральное предпринимательство, доступное в равной степени для самореализации и мужчин, и женщин, так как участие в нем не имеет никаких гендерных ограничений. Иначе говоря, оно гендерно нейтральное, т.е. безопасное для участия в нем представителей любых *гендеров*. Кстати, их — «гендеров» — к настоящему времени «насчитывают» 102, из которых лишь 2 — реально существующие, которые сконструированы самой природой: мужчины и женщины. Остальные — искусственные конструкты. Правда встает вопрос: а нужно ли искусственно сконструированным носителям признака пола семейное предпринимательство?

О гендерной структуре предпринимательства

В целом, российское предпринимательское общество характеризуется гендерной асимметричностью в пользу мужчин — 54%. По данным социологических исследований, в 2019 г. в нем впервые изменилось соотношение мужчин и женщин. В результате доля женщин в так называемом «раннем предпринимательстве» составляет 46%

[7]¹. Если в 2018 г. в гендерной структуре предпринимателей на каждую женщину приходилось двое мужчин, то в 2019 г. был достигнут фактически гендерный паритет.

Обратимся к данным Росстата (см. *таблицу*).

Позитивной предпосылкой развития семейного предпринимательства традиционно является гендерно ориентированное: мужское и женское, обладающее конкретными особенностями, динамикой и результатами. С этой точки зрения опыт женского предпринимательства является важным фактором расширения предпринимательства как формы семейной консолидации.

Женщины быстрее адаптируются к длительным неблагоприятным экономическим условиям и находят возможность проявления инициатив. Тогда как мужчины в неблагоприятных экономических условиях показывают более осторожное предпринимательское поведение. Отчасти это можно объяснить более высокой степенью ответственности мужчин за сохранение своего бизнеса, так как от его результатов зависит благополучие и качество жизни всей семьи.

Возраст и деловая активность

Определенное влияние на гендерную асимметрию в данной сфере оказывает *возраст* предпринимателей. Так, в 2019 г. самые активные предпринимательские группы составили мужчины и женщины от 18 до 24 лет. Устойчивой деловой активностью отличается группа *от 24 до 44 лет*. Самая низкая предпринимательская активность (всего 6,1% участников) фиксируется в возрастной группе 55–64 года. Средний возраст российской предпринимательницы — 38 лет (для сравнения: в странах ЕС он составляет 35 лет) [8].

Другая особенность российского предпринимательства — существенное *снижение возрастной планки включенности детей в предпринимательскую деятельность*: по сути, она опустилась до подросткового возраста. Этому во многом способствовало развитие медийных (сетевых) каналов предпринимательства и блогосферы как рынка товаров и услуг.

Семейное предпринимательство в социологическом отражении

Социологические исследования семейного предпринимательства проводятся редко. В определен-

ной мере это объясняется сложной доступностью объекта-носителя, трудностью поиска его в экономическом пространстве предпринимательской деятельности, отсутствием соответствующей статистики.

Фактически в российской социологической литературе нет прочной эмпирической базы для глубокого анализа семейного предпринимательства.

Траектория 3. Семейное предпринимательство в фокусе научного внимания

В рамках проведенного под руководством автора социологического исследования «*Семейное предпринимательство как социальный ресурс повышения трудовой занятости российской семьи*» (2019–2020) был осуществлен контент-анализ публикаций по проблемам семейного предпринимательства в научных и газетных источниках за период 2010–2020 гг. Цель исследования заключалась в изучении динамики публикаций материалов по проблемам семейного предпринимательства как отражения внимания российских ученых и журналистов к исследованию этого направления и формированию общественного внимания к данной теме. Документальными источниками анализа являлись научные статьи, диссертации и СМИ. Общий объем составил от 738 (2010 г.) до 743 (2020 г.) статей [9] (*рис. 1*).

Как видно из *рис. 1*, в научном мире для российских исследователей характерным является пассивный интерес к развитию семейного предпринимательства. Позитивным исключением выступают СМИ: именно журналисты с 2019 г. наиболее активно будируют читательский интерес к семейному предпринимательству и его развитию в России. Так, если в 2019 г. по данной тематике было опубликовано 3478 статей, то в 2020 г. — 2697. Иначе говоря, свыше 6000 статей за два года.

Что касается научных статей, то десятилетняя динамика — достаточно плавная и равномерная на протяжении 10 лет: от 738 в 2010 г. до 1000 статей ежегодно: в 2015, 2016, 2017 гг. После чего отмечается некоторое падение публикационной активности — до выпуска 743 статей в 2020 г.

Среди ученых фактически отсутствует сколько-либо активный интерес к исследованию семейного предпринимательства. Если в 2010 г. было защищено 126 диссертаций, а в 2011 г. — 102, то в 2020 г. — всего 16. Напрашивается тревожный вывод: российские исследователи не просто недо-

¹ URL: <https://www2.deloitte.com/content/dam/Deloitte/ru/Documents/tax/family-business-2019.pdf>

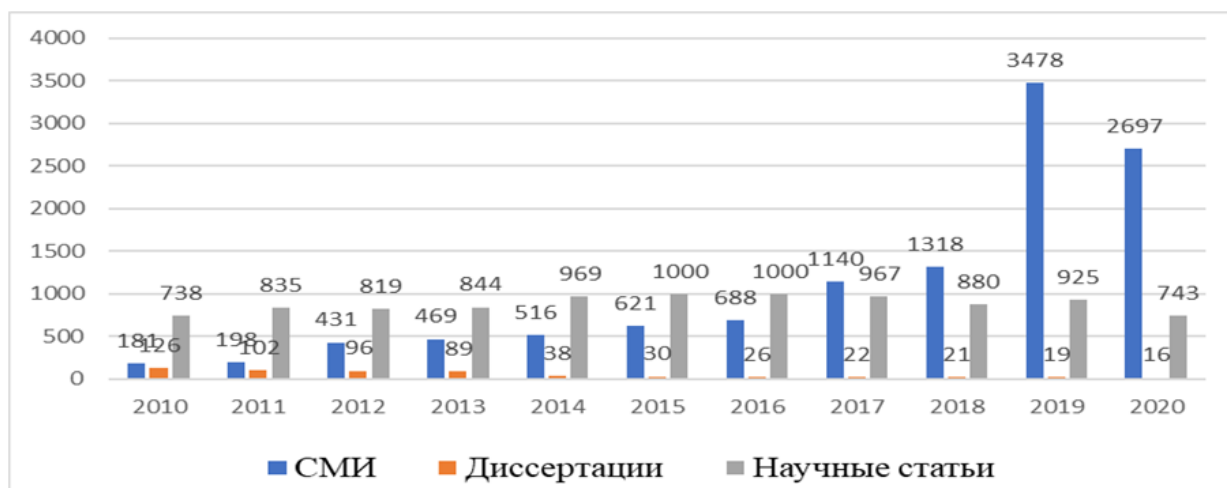

Рис. 1 / Fig. 1. Количество публикаций на тему семейного предпринимательства 2010–2020 / Number of publications on the topic of family entrepreneurship 2010–2020

Источник / Source: составлено автором / compiled by the author.

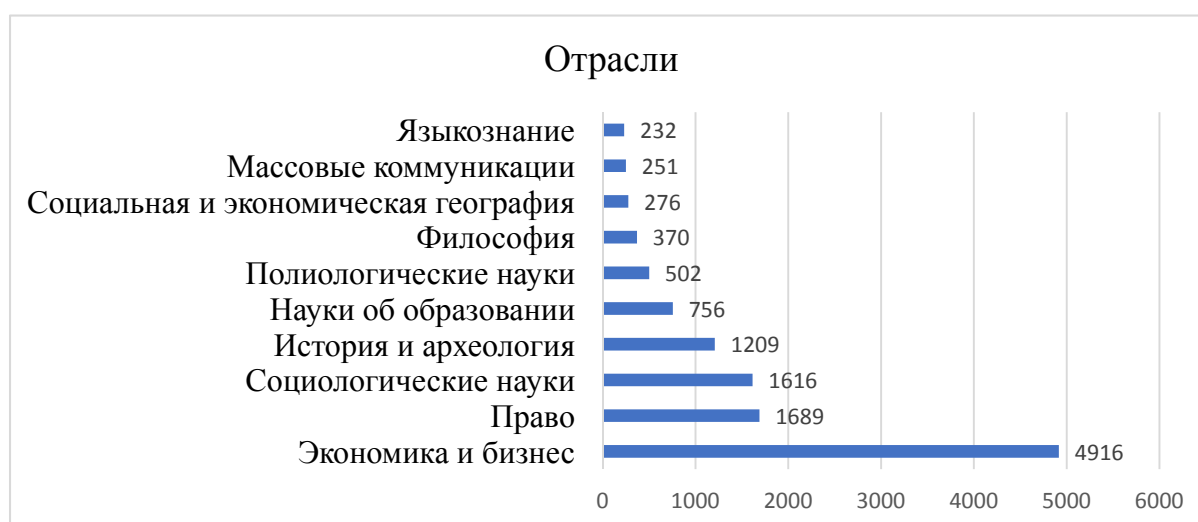

Рис. 2 / Fig. 2. Активность отраслей научного знания по публикациям в области предпринимательства, включая семейное (в абс. ед.) / Activity of branches of scientific knowledge by publications in the field of entrepreneurship including family business (in absolute units)

Источник / Source: составлено автором / compiled by the author.

оценивают, но, скорее всего, просто не понимают значение развития семейного предпринимательства для укрепления национальной экономики. Необходимо также сказать о тематическом содержании опубликованных материалов в зависимости от отраслевых направлений наук (рис. 2).

Всего было проанализировано 10 отраслей научного знания, по которым в течение 10 лет (2010–2020 гг.) было опубликовано 11 817 работ, 1182 статьи — ежегодно.

Тройка лидеров по числу публикаций по 10 указанным выше тематическим отраслевым направлениям научного знания выглядит так:

1. Экономика и бизнес — 4916 статей.

2. Правовые науки — 1689 статей.

3. Социологические науки — 1616 статьи.

Можно сказать, что эти отрасли научного знания фокусируют в себе основное пространство исследований в области предпринимательства. Несколько неожиданным показалась активное внимание к данной теме со стороны истории и археологии — 1209 статей за 10 лет. Самый низкий уровень внимания демонстрируют три отрасли знания: социально-экономическая география, массовые коммуникации и языкознание. За 10 лет проблемы предпринимательской деятельности выносились на страницы журналов от 276 до 23 раз. При этом следует учитывать,

что речь в публикациях идет о развитии общего предпринимательства в экономике, и выделить среди них те, где освещается именно семейное предпринимательство, не представляется возможным. Это еще раз подтверждает высказанную выше гипотезу о недооценке учеными значения роли и развития предпринимательства в жизнедеятельности современного российского общества.

Траектория 4. Социологическая диагностика уровня компетентности в области семейного предпринимательства

Для реализации сформулированной задачи, под руководством автора, методом нарративного интервью среди предпринимателей разных сфер деятельности и разных рынков было проведено социологическое исследование на тему «*Семейное предпринимательство как социальный ресурс повышения трудовой занятости российской семьи*». Методом социологической диагностики по результатам состоявшихся интервью (25 ед.) было решено несколько задач: 1) определение уровня понимания предпринимателями сущности «семейного предпринимательства» и мотивации включенности в этот вид деятельности; 2) оценка степени развитости семейного предпринимательства в современной России; 3) оценка предпринимателями усилий государства по развитию семейного предпринимательства. Отметим, что все интервьюируемые предприниматели либо связаны непосредственно с семейным бизнесом, либо заняты предпринимательской деятельностью в других отраслях экономики.

К каким выводам подводят результаты проведенного исследования? Начнем с понимания респондентами **смысла и содержания понятия «семейное предпринимательство»**. Наиболее типичные ответы:

- «Бизнес, в который вовлечены все члены семьи, близкие родственники. Это тоже семейные династии, как, например, династии врачей»; «Где все заинтересованы в том, чтобы заработать и поставить на ноги бизнес».

- «Люди, которые находятся в неформальных отношениях, муж и жена, совместно делающие свой бизнес»; «Это — родители и дети»; «В семейном предпринимательстве концепция привычной нам компании сильно меняется и участниками привычного для нас топ-менеджмента или совета директоров становятся члены семьи»; «В семейном предпринимательстве

задействованы несколько членов семьи, отвечающие за бизнес, а решения принимаются коллективно».

Следует отметить, что в целом респонденты высказывают вполне компетентные точки зрения.

Главное, что выделяется респондентами в сущности **понятия «семейное предпринимательство»**, — это бизнес, в котором принимают участие все члены семьи, близкие родственники, где основой капитал, основные инвестиции приходятся на членов семьи, и решения принимаются на основе коллективного мнения.

Как оценивается **степень развитости семейного предпринимательства?**

- «Если рассматривать сельское хозяйство, то это очень развитая сфера семейного предпринимательства и достаточно емкая. Несмотря на образование членов семьи, каждый найдет себе применение. Фермерское хозяйство — это хозяйство высокого профиля, где необходимы специалисты разных направлений — нет особой разницы, делаешь ты бизнес сам, с другом или с родными, просто, когда ты работаешь с наиболее близкими людьми, то тут уже вопрос доверия, лояльности, каждый осознанно будет выполнять свою работу».

- «Перспективы большие. Особенно сейчас, в тяжелое время, люди будут предпочитать надежных, проверенных людей, которые смогут взять на себя какую-то часть ответственности».

- «На данный момент все понимаем, что само предпринимательство находится не в лучших кондициях. Если касаться бизнеса семейного, то часть этого бизнеса является фиктивной, а управленческие, серьезные решения принимаются лишь одним или двумя людьми».

Как показывают ответы интервью, пока (на 2021 г.) среди предпринимателей преобладают критические оценки. Более половины респондентов считают, что развитие семейного предпринимательства в стране слабое.

Третьим показателем замера являлась оценка **усилий государства по развитию семейного предпринимательства**. Каких позиций придерживаются предприниматели?

- «С точки зрения законодательства государство как может регулирует, помогает и развивает любую сферу и любую деятельность, но потом начинается соблюдение этих норм как со стороны государства, так и со стороны предпринимателя. Со стороны государства я бы пе-

рассмотрел налоговую составляющую семейного предпринимательства».

- «Сделал бы общий налог на семью, а то получается, что собственник налоги платит, потом, если члены семьи оформлены как сотрудники, они также платят подоходный налог; выходит — и с общего бизнеса налог платят, и каждый по отдельности... должны быть какие-то подходы к экономическому управлению, вообще к экономике».

Из собранной информации нарративного интервью совершенно очевидна потребность в реализации новых эффективных государственных программ, проектов, образовательных направлений по поддержке и развитию семейного предпринимательства. Большинство респондентов относят свой бизнес к семейному, но не чувствуют себя защищенными. Это еще раз говорит о необходимости разработки в России соответствующего закона по семейному предпринимательству.

Траектория 5 (завершающая). Российский семейный бизнес и предпринимательство: de facto, ресурсы, перспектива

С позиций гендерной и экономической социологии для анализа семейного предпринимательства можно использовать три направления: на макроуровне — как социальный феномен; на мезоуровне — как вид коллективной трудовой деятельности; на микроуровне — как вид группового экономического поведения членов семьи и трудового воспитания детей.

Принципиальная исходная задача: теоретическая интерпретация ключевой категории. В современной научной литературе нет единой позиции по интерпретации понятия «семейное предпринимательство», хотя существуют разные научные подходы. Отсюда и расширенное понятийное поле, на котором доминирует экономическое понятие «семейный бизнес». Это категория экономического подхода, в основу которого заложен количественный показатель развития семейного предпринимательства как вида экономической деятельности, поведения и трудовой занятости.

Опираясь на экономический подход к анализу семейного предпринимательства, можно констатировать ряд фактов. Под «семейным бизнесом» преимущественно понимается комплекс компаний, в которых более 50% уставного капитала принадлежит членам одной семьи. Половину

работников таких компаний составляют члены семьи. В этом контексте важное социальное значение имеет поколенческий фактор, отражающий преемственность семейного бизнеса. Например, крупные западные корпорации родились из небольших семейных бизнесов. Так, Сэм Уолтон — основатель сети Walmart — в 50-е гг. развивал первые магазины со своим братом. В итоге, по данным на март 2020 г., семья Уолтона до сих пор принадлежит 48% крупнейшей в мире компании с 2,3 млн сотрудников во многих странах. По данным Торгово-промышленной палаты, в Германии, например, средний возраст 500 крупнейших в стране семейных предприятий уже составил 101 год. Тогда как в России преобладающее большинство современных семейных бизнесов (73%), по данным Deloitte, имеют стаж меньше 20 лет и управляются членами семей, работающих в предпринимательстве первого-второго поколения — это в основном небольшой бизнес с оборотом до 500 млн руб. (в России такой объем у 52% семейных бизнесов). Тем не менее признаём, что это неплохие показатели, учитывая сравнительно скромный по времени опыт семейной предпринимательской деятельности. Хотя, конечно, среди западных компаний малого и среднего бизнеса, разбросанных по всему миру, совсем другая доля предприятий, основанных родственниками и наследуемых из поколения в поколение, — там она превышает две трети. Например, во Франции это более 80%, в Финляндии — до 95%, в Великобритании и Швеции — более 50%. Всего в мире зафиксировано 5586 компаний, которые имеют более чем 200-летнюю историю [10]. Социологический опрос, проведенный среди членов системы Торгово-промышленных палат, показал, что представителями своего бизнеса в первом поколении в России являются 57% предпринимателей; работают представители двух поколений у 36% предпринимателей, а три поколения семьи работают в бизнесе у предпринимателей в 7% компаний. По оценке вице-президента ТПП РФ Елены Дыбовой, «семейный бизнес играет жизненно важную роль и является основой зарубежных экономик, потому что он нацелен на стратегическое развитие и долголетие».

Отраслевая структура семейного бизнеса в России в настоящее время, по данным российской ТПП, следующая:

31% — потребительский сектор;

26% — строительство, горнодобывающая отрасль, энергетика;

23% — производственный сектор;
20% — розничная торговля.

Совершенно очевидно, что семейный бизнес в России сегодня во многом является основой экономики большинства несырьевых регионов страны. А в нефтегазовых и горнодобывающих областях его вклад в экономику уже достиг 30%! Это очень позитивная статистика.

Учитывая сложную экономическую, законодательную, социально-психологическую атмосферу и объективные условия развития индивидуального предпринимательства, до 43% респондентов — представителей семейного бизнеса в России готовы отказаться от контроля над семейным бизнесом ради поддержки его финансовой стабильности (в мире этот показатель составляет 34%)².

Что же тормозит развитие семейного бизнеса в настоящее время? — отсутствие у него официального правового статуса в российском законодательстве. Семейные предприниматели, как это ни странно, существуют в общем правовом поле, но сталкиваются со множеством трудностей, которых вполне можно было бы избежать, если бы данный вид деятельности имел в российском законодательстве свое определение — «семейное предпринимательство». Пока этого не произойдет, данный вид бизнеса не сможет иметь целевой государственной поддержки.

Следует отметить, что в настоящее время в ТПП РФ ведется работа по формированию и детализации дополнений в действующее законодательство, а также по теоретической разработке понятийной категории «семейное предпринимательство».

Изучая перспективы популяризации и развития привлекательности семейного бизнеса

² URL: <https://family.tpprf.ru/families/regional/2743274/>

в экономике устойчивого развития РФ, можно назвать 6 проектов, но я выделю из них 3:

- «100 семейных компаний» под патронатом Президента ТПП РФ, имеющий формат ежегодной акции, проводимой Торгово-промышленной палатой РФ при участии региональных ТПП;
- «100 Надежд бизнеса» — флагманский проект ТПП по поддержке и развитию молодежного предпринимательства;
- Всероссийский форум семейного предпринимательства «Успешная семья — успешная Россия» — самое масштабное годичное мероприятие ТПП РФ.

ВЫВОДЫ

Подводя итоги, можно сделать следующие выводы:

1. Российское предпринимательство имеет давнюю историю и корни, которые можно и нужно возрождать в контексте принципиально нового этапа развития отечественной экономики, политики, культуры, духовности.
2. Проведенное научным коллективом ГАЛСИ социологическое исследование относится к поисковому типу и может заложить начало для более крупных и глубоких проектов в области изучения семейного предпринимательства.
3. Законодательное закрепление категории «семейное предпринимательство», «семейный бизнес» окажет серьезное влияние на активизацию развития семейного предпринимательства в России.
4. Существенный вклад в развитие семейного предпринимательства вносит РПП РФ, ставший своего рода координационным центром развития семейного предпринимательства и семейного бизнеса.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Шумпетер Й. Теория экономического развития. Пер. с нем. М.: Прогресс; 1982.
2. Шумпетер Й. Капитализм, социализм, демократия. Пер. с нем. М.: Экономика; 1995.
3. Кондратьев Н. Д. Избранные сочинения. М.: Экономическое наследие; 1993.
4. Хайек Ф. Пагубная самонадеянность. Пер. с англ. М.: Новости; 1992.
5. Дворников В. Как устроен семейный бизнес в России: исследование. URL: <https://sberbusiness.live/publications/kak-ustroen-semeinyi-biznes-v-rossii-issledovanie>
6. Силласте Г. Рынок труда занятости и профессий как экономическое пространство формирования нового гендерного порядка. *Женщина в российском обществе*. 2020;(2):38–51.
7. Краткосрочные инициативы для достижения долгосрочных целей Международное исследование семейного бизнеса — 2019. Deloitte insights. URL: <https://www2.deloitte.com/content/dam/Deloitte/ru/Documents/tax/family-business-2019.pdf>

8. Плотникова И. А. Мананникова Ю. В. Малое предпринимательство и семейный бизнес как средство социальной адаптации и профессиональной мобильности молодежи: образовательный аспект. *Интеграция образования*. 2014;2(75):55–65.
9. Силласте Г., Агапова У. Юшкова В. Социологическое исследование «Семейное предпринимательство как социальный ресурс повышения трудовой занятости российской семьи». 2019–2020. URL: <https://www.shs-conferences.org/articles/shsconf/abs/2021/36/contents/contents.html>
10. С. Катырин президент ТПП РФ «Очень личный бизнес». URL: <https://family.tpprf.ru/>

REFERENCES

1. Schumpeter J. Theory of Economic Development. Translated from German. Moscow: Progress; 1982. (In Russ.).
2. Schumpeter J. Capitalism, Socialism, Democracy. Translated from German. Moscow: Economics; 1995. (In Russ.).
3. Kondratiev N.D. Selected Essays. Moscow: Economic Heritage; 1993. (In Russ.).
4. Hayek F. Deleterious arrogance. Translated from Eng. Moscow: Novosti; 1992. (In Russ.).
5. Dvornikov V. How family business is arranged in Russia: a study. URL: <https://sberbusiness.live/publications/kak-ustroen-semeinyi-biznes-v-rossii-issledovanie>. (In Russ.).
6. Sillaste G. Labor market of employment and professions as an economic space for the formation of a new gender order. *Zhenshchina v rossijskom obshchestve*. 2020;(2):38–51. (In Russ.).
7. Short-term initiatives to achieve long-term goals International Family Business Survey — 2019. Deloitte insights. URL: <https://www2.deloitte.com/content/dam/Deloitte/ru/Documents/tax/family-business-2019.pdf> (In Russ.).
8. Plotnikova I.A. Manannikova Y.V. Small entrepreneurship and family business as a means of social adaptation and professional mobility of young people: the educational aspect. *Integraciya obrazovaniya*. 2014; 2(75):55–65. (In Russ.).
9. Sillaste G., Agapova U. Yushkova V. Sociological study “Family entrepreneurship as a social resource for increasing labor employment of the Russian family”. 2019–2020. URL: <https://www.shs-conferences.org/articles/shsconf/abs/2021/36/contents/contents.html> (In Russ.).
10. C. Katyryn president of the Chamber of Commerce and Industry of the Russian Federation “Very personal business”. URL: <https://family.tpprf.ru/> (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / ABOUT THE AUTHOR

Галина Георгиевна Силласте — доктор философских наук, профессор социологии, руководитель Научной школы «Гендерная и экономическая социология», заслуженный деятель науки РФ, Финансовый университет, Москва, Россия

G. G. Sillaste — Dr. Sci. (Philosophy), Professor of Sociology, Head of the Scientific School “Gender and Economic Sociology”, Honored Scientist of the Russian Federation, Financial University, Moscow, Russia

<https://orcid.org/0000-0002-3103-1796>

galinasillaste@yandex.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The author has no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 10.02.2023; принята к публикации 03.03.2023.

Автор прочитала и одобрила окончательный вариант рукописи.

The article was received on 10.02.2023; accepted for publication on 03.03.2023.

The author read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2023-13-2-88-93
УДК 30(045)

Влияние позитивизма на становление социально-философских взглядов Е.В. Де Роберти

М.Г. Ахмедова

Финансовый университет, Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

Настоящая статья посвящена актуальной проблеме изучения социально-философских взглядов Е.В. Де Роберти – провозвестника неопозитивистского течения в России. Е.В. Де Роберти является признанным теоретиком социально-философской мысли, положившим в основу своей социологической системы биосоциальную гипотезу, которая оказала существенное влияние на философов и социологов как органической, так и психологической школы, нарушив тем самым внутреннее единство и согласованность их учений. Творчество Е.В. Де Роберти – целая эпоха в развитии социальной философии России дореволюционного периода. Труды русского ученого имеют для сегодняшних поколений не только большое историко-научное значение, но служат образцом широкой эрудиции и источником идей, примером выполнения человеком науки гражданского долга – всего, что столь необходимо нам для сохранения преемственности в развитии отечественной философской мысли.

Ключевые слова: социальная философия; социология; позитивизм; неопозитивизм; философия; наука

Для цитирования: Ахмедова М.Г. Влияние позитивизма на становление социально-философских взглядов Е.В. Де Роберти. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2023;13(2):88-93. DOI: 10.26794/2226-7867-2023-13-2-88-93

ORIGINAL PAPER

The Influence of Positivism on E.V. De Roberti's Socio-Philosophical Views Formation

M.G. Akhmedova

Financial University, Moscow, Russia

ABSTRACT

The article discusses the socio-philosophical views of E.V. De Roberti, who was the pioneer of the neo-positivist trend in Russia. De Roberti is a recognized theorist of socio-philosophical thought, whose sociological system was based on the "biosocial hypothesis". This hypothesis had a huge impact on philosophers and sociologists who supported the organic theory as well as on those who supported the psychological approach, thus it violated the internal unity and consistency of their teachings. The work of E.V. De Roberti is an era in the development of the social philosophy of Russia during the pre-revolutionary period. The works of the Russian scientist have not lost their historical and scientific significance even today. Moreover, they are still a brilliant example of broad erudition and a relevant source of ideas. His life is an example of how a scientist can carry out his civic duty. These all are the things that are so necessary to preserve continuity in the development of Russian philosophical thought.

Keywords: social philosophy; sociology; positivism; neo-positivism; philosophy; science

For citation: Akhmedova M.G. The influence of positivism on E.V. De Roberti's socio-philosophical views formation. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2023;13(2):88-93. DOI: 10.26794/2226-7867-2023-13-2-88-93

Философ-позитивист Евгений Валентинович Де Роберти (Де Роберти де Кастро де ла Серда) родился в 1843 г. в Подольской губернии. Выходец из дворянской среды, он был воспитанником Царскосельского Лицея,

где учился вместе с Г.И. Вырубовым, дружеское общение с которым продлилось всю его жизнь.

Значительную часть своей жизни Де Роберти провел за границей, хотя был активным участником российского либерального движения, при-

мыкал к партии кадетов. Оценка политических взглядов Де Роберти может ограничиться напоминанием о том, что еще в 1880 г. он рекомендовал тверскому земству обратиться к правительству с ходатайством по поводу введения в России представительных органов. М. Ковалевский в свое время отмечал: «Не вмешиваясь в повседневную политику, он всегда готов был поддержать своим авторитетом философа и социолога, всякое коллективное выступление европейских ученых и литераторов в защиту ли прав человека или прав граждан целого государства, без различия веры и национальности, настаивая на охране их жизни, имущества, чести» [1, с. 421]. Эти нередкие выступления стали поводом к доносам и на некоторое время поставили Де Роберти в весьма затруднительное положение. Но, благодаря коллективному ходатайству французских и бельгийских литераторов и ученых, Де Роберти получил возможность свободного выбора места жительства.

Однако значение Де Роберти как философа не определялось его общественными выступлениями, — оно всецело принадлежит сфере научного философского мышления.

Для уяснения становления взглядов ученого, серьезное влияние на развитие которых оказала русская позитивная школа, представляется важным осмыслить сам процесс распространения и позитивизма в России. В связи с этим необходимо отметить, что в русской философской мысли отражались с большей или меньшей полнотой и ясностью все сколько-нибудь значительные философские движения, получившие развитие на Западе в прошлом столетии. Философская доктрина, будучи перенесена в Россию, приобретала собственных последователей, которые ее популяризировали, комментировали и спешили сделать практические выводы. Вместе с тем следует учитывать, что развитие русской научной мысли находилось под влиянием сильной системы государственной опеки, при которой общество становилось «мягкой», восприимчивой массой в руках представителей правящих и руководящих сфер. Этим обусловлен тот факт, что увлечение всем европейским было вредным, переходящим нередко в благоговение перед тем, что только имело на себе отпечаток иностранного отличия [2, с. 4]. Тем не менее отрицательные стороны западного влияния на русскую философскую науку не должны затмевать положительных культурных заслуг этого воздействия.

Так, в XVIII в. русские философы в Германии познакомились с работами И. Канта. Впрочем, система Канта, как и И. Фихте, не имела сильного отклика в России. Большую восприимчивость русское общество проявило в отношении шеллинговой философии. В конце 30-х гг. ее сменила, в свою очередь, философия Г. Гегеля, которая затем уступила место идеям Фейербаха. Но господство материализма также было недолговечно — ему на смену пришла позитивная философия. Последняя имела более длительное воздействие, чем материализм и идеализм, сохранив при этом преобладающее значение для развития русской философской науки.

Западный позитивизм дал отечественной и мировой науке немало великих людей, внесших ценный вклад в развитие теоретических и методологических проблем обществоведения. Русский и западный позитивизм развивались в тесной взаимосвязи, обогащая друг друга теоретическими выводами и изысканиями, поэтому не случайна обратная зависимость, когда русские позитивисты (М. Ковалевский и особенно Де Роберти) оказали влияние на западную, в частности французскую, социологическую науку [3, с. 196].

Возникший как новое направление в мировой философской науке позитивизм отказался во многом от тех завоеваний в области духовной культуры, которыми могли гордиться его предшественники. Одним из своих исходных принципов позитивизм объявил враждебность философии к действительно философской проблематике. Позитивизм стремился перевести исконные философские вопросы из области абстрактной теории в реальную жизнь, определить практическую значимость тех или иных теоретических обобщений.

При этом основная научная направленность новой отрасли знания выражалась в формировании свежего взгляда на историю философии с позиции истории и социологии. На основании прошлого и настоящего позитивизм пытался «рассмотреть» будущее, принимая за основу закон трех фазисов, открытый Контом. Однако, описывая реальное содержание истории философии, позитивизм не смог привести к раскрытию сущности социальных процессов.

Основной философский смысл позитивизма заключался в отрицании какой бы то ни было иной философии, кроме агностицизма. Под флагом веры во всемогущество науки позитивизм вел в конечном итоге к утрате уверенности

в силу человеческого познания, а следовательно, и в перспективы науки. Русская интеллигенция с радостью восприняла позитивизм, который санкционировал пренебрежительное отношение к философии.

Знакомство с трудами французского социолога и философа О. Конта представителей естественных наук и обращение к его идеям обществоведов сопровождалось быстрым ростом популярности нового европейского учения, и уже к концу 60-х гг. Россия вступила в пору расцвета позитивной философии.

Позитивизм, получивший большую популярность на Западе, благодаря историческим условиям, выступая под знаменем точных наук, не остался без последователей и в России. Первым заговорил о позитивизме В. Милютин, который еще в 1847 г. в журнале «Отечественные записки» начал излагать систему Конта. Блестящий знаток современных ему экономических теорий, юрист, социолог и публицист одним из первых познакомился с содержанием «Курса позитивной философии». «Основным результатом этого воздействия оказалось восприятие им принципа возможности и необходимости эволюционного («постепенного») развития человечества. Эта установка русского мыслителя была сформулирована до европейских революций 1848 года» [4, с. 107].

Одновременно Контом позитивизмом заинтересовались В. Белинский и В. Боткин. Уже тогда Белинский выразил свое определенное отношение к этому направлению. В письме к Боткину он писал: «Конт — человек замечательный, но чтоб он был основателем новой философии, далеко кулику до Петрова дня! Для этого нужен гений, которого нет и признаков в Конте. Этот человек — замечательное явление, как реакция теологическому вмешательству в науку, и реакция энергическая, беспокойная и тревожная» [5, с. 526]. Белинский понимал, что учение Конта не является новой философией, а включает в себе только протест против оторванности ее от науки. В сущности, эту сторону отмечал в позитивизме и А. Герцен, когда отождествлял его с конкретными науками, в развитии которых он видел антиметафизическую направленность [6, с. 95].

Усиленное распространение позитивизма в России началось в 60-е гг. XIX в., когда в русской философской литературе все чаще стали появляться не только работы, характеризовавшие это направление, но и произведения самих пред-

ставителей данного течения, переведенные на русский язык, — Д. Милля, Г. Спенсера, Г. Льюиса.

Здесь следует отметить, что позитивизм в России по-разному воспринимался представителями различных направлений. Философы-идеалисты пытались представить его как течение, близкое материализму. Например, С. Гогоцкий — профессор Киевской духовной академии, а затем Киевского университета — в третьем томе «Философского лексикона» в статье о Конте писал: «Крайним представителем этого нового материализма 19 века во Франции был Конт, примыкающий отчасти к группе французских социалистов» [7, с. 180].

С. Гогоцкий порицал Конта за то, что он «не дает никакого места идеи Бога в своей положительной философии» и указывает тот факт, что Конт задумал создать новую религию человечества и враждебно относился к атеистам. Русские богословы, естественно, были встревожены тем, что основоположник позитивизма проповедовал идею о создании религии без бога, и старались убедить читателя в несостоятельности учения Конта лишь только потому, что оно противоречило учению Христианской церкви.

Совершенно с противоположных позиций выступил против позитивизма Н. Чернышевский. Исходя из материалистических принципов своего учения, он резко отрицательно отзывался о позитивистской гносеологии и считал ее «запоздалым вырождением критики чистого разума Канта» [8, с. 651]. По мнению Чернышевского, Конт не внес ничего нового ни в науку, ни в философию. Его форму о трех состояниях мысли (теологическом, метафизическом, позитивном) Чернышевский называл «вздорной, ненаучной гипотезой», так как «...теологического периода в науке никогда не было, метафизика в том смысле, как понимает ее Конт, тоже никогда не существовала». Однако Чернышевский видел, что позитивная философия после Конта быстро распространяется и пользуется успехом среди ученых.

Действительно, самую благоприятную «почву» позитивизм нашел у естествоиспытателей, многие из которых увлеклись этим учением потому, что оно придавало первостепенное значение конкретным наукам. Таким образом, в ведущих журналах середины 60-х гг. XIX в. — «Современнике» и «Русском слове» — появляются большие статьи с подробным изложением основных положений позитивной философии с положительным отношением авторов к ней [9].

Как уже было отмечено ранее, основным философским направлением до 40-х гг. XIX вв. в Западной Европе был немецкий классический идеализм, который достиг своего наивысшего развития в философской системе Гегеля. Но философия классического идеализма уже в 30-х гг. не могла удовлетворять потребности, которые возникали в результате бурного развития естественных наук. Поэтому вскоре наметилась новая тенденция построения философской системы на основе естественно-научных знаний. Это было сделано в рамках позитивизма.

Обращение представителей позитивной философии непосредственно к естественным наукам привлекло внимание многих естествоиспытателей в разных странах и вызвало их одобрение, так как создание философской системы, основанной на достижениях в этой области знания, было закономерной потребностью того времени. Являясь своеобразной реакцией на классический идеализм, позитивизм воспринимался как новая философская система. Конечно, он не смог решить вопрос о соотношении философии и науки — он просто его поставил. Диалектический материализм в то время только зарождался, и для его усвоения естествоиспытателям требовалось время, тогда как позитивизм подкупал своим непосредственным обращением к научному познанию как первая попытка открыть постоянные законы, действующие в природе и обществе, выработать строгую систему, в которую бы входили не только основные отрасли человеческого знания, но и принципы практической деятельности людей.

Е. Де Роберти воспринял и истолковал идеи позитивизма по-своему. Характеризуя позитивизм в целом как течение, он отводил ему значительное место в духовной жизни.

В исследованной автором статьи литературе, обращенной к творческому наследию Де Роберти, практически отсутствует материал, позволяющий судить о его становлении как ученого, его работах в этот период, основных вехах формирования позитивистского мировоззрения социолога. Этим обуславливается необходимость расширить представление о творчестве Е. Де Роберти, столь значимого для развития позитивистской философии.

Уже в первых работах Де Роберти, опубликованных в период 60–80-х гг. прошлого столетия, прослеживается стремление очертить круг проблем, связанных с разработкой нового метода исследования философского знания. По-

казательной в этом отношении является статья «Наука и метафизика» (1875 г.), в которой ученый впервые поставил вопрос о необходимости разработки особого принципа, способствующего, по его мнению, созданию истории философии. Далее, в работе «Обозрение позитивистской философии», а также первой части книги «Прошедшее философии» (1881 г.) Де Роберти пытался вслед за Контом установить законность исторической и социологической точек зрения в философии. Он полагал, что будущее развитие научной философии предполагает перестройку и переосмысление истории философии. Законченная в 1886 г. работа «Прошедшее философии» была опубликована на русском языке и не подверглась цензуре. Однако следующий труд ученого «Позитивистская философия и существование сверхъестественного» требовал, по мнению К. Победоносцева, наставника Александра III и Прокурора Святейшего Синода, внеочередного и скорейшего вмешательства чиновников от цензуры. На издание был наложен секвестр, а затем тираж уничтожили. Де Роберти достаточно серьезно воспринял подобное предупреждение, а встреча с Г. Победоносцевым не оставила у него никакого сомнения в бесперспективности попыток опубликовать книгу в России. Последнее побудило его отказаться от изложения собственных мыслей на родном языке. Начиная с 1887 г. все работы ученый писал на универсальном и единственно пригодном для понимания будущими поколениями французском языке [10, с. 92]. Уже в 1887 г. книга, на которую в России было наложено вето, вышла в кратком изложении во Франции под названием «Старая и новая философия».

С 1887 до 1914 г. Де Роберти подолгу жил в Париже и время, проведенное там, не прошло для него бесследно в плане творчества. Ученый не был единственным представителем русской интеллигенции, изгнанным цензурой и вынужденным искать творческого убежища во Франции, — такая же участь постигла известного историка и социолога М. Ковалевского, уволенного из Московского университета в 1887 г. А Г. Вырубов, друг Де Роберти по лицу, пошел на крайние меры и принял французское гражданство.

Уже в годы учебы Де Роберти демонстрировал склонность к социальной литературе, вместе с Вырубовым увлекаясь трудами Герцена. «Дворянский либерализм и герценовский социализм были в то время всего лишь тенденцией. Но именно они нацелили Вырубова и Е. Де Роберти на

восприятие того, с чем они столкнулись позже: левым позитивизмом Э. Литтре» [10, с. 6].

Большое влияние на взгляды юного Де Роберти (в частности на то, что он после Герцена увлекся Литтре) оказала встреча с преподавателем французской литературы в лицее, учеником Конта и другом Литтре, Е. Помье. Его лекции способствовали, по словам Р. Верье, исследователя творчества Де Роберти, творческому становлению будущего социолога, подводили к пониманию проблем социальной литературы [10, с. 6]. Де Роберти и его товарищи по учебе — Вырубов, Смирнов, Дубовитский — достаточно остро восприняли позитивизм и идеи Литтре, который был для них даже более позитивистом, чем Конт, чья философия завладела умами русских демократов. Аналогично тому, как это было во Франции, представители демократических сил в России выражали свои симпатии материалистическому истолкованию позитивизма Э. Литтре. «Ученый с мировым именем, Литтре, — подчеркивал В.Г. Белинский, — несомненно, содействовал популяризации первого позитивизма, хотя его взгляды были далеко не тождественны контизму» [11, с. 66]. Работы Литтре, создавшего политическую доктрину левого позитивизма, сыграли, на наш взгляд, не последнюю роль в отходе представителей русской социально-философской школы в 50-е гг. XIX в. от контизма. «Те, кто принимал с энтузиазмом работу Конта “Курс положительной философии”, отреклись напрочь от его “Системы”, потому что в ней Конт, подобно мистицизму, выливался в консерватизм» [10, с. 21].

В этой научной атмосфере формировалось философское мировоззрение Де Роберти. Особое влияние на него оказал также представитель немецкой неокантианской школы Ф. Ланге, внимание которого привлекали вопросы истории философии. В своей работе «История материализма» Ланге выделял два основных философских направления — материализм и идеализм, допуская при этом существование между ними особой промежуточной ступени — сенсуализма. Де Роберти пересмотрел

позицию ученого в отношении классификации наук и взаимовлияния различных областей знания друг на друга. В отличие от Ланге, полагавшего незначительным влияние точных наук, в частности математики и физики, на развитие материализма, Де Роберти рассматривал их в качестве основополагающих для становления материалистической философии. Преобладание неорганических наук, отмечал он, породило философию материализма, органических — сенсуализм, надорганических — идеализм. Все три типа ученых относил к «частным гипотезам», которые не отличаются всеобщим характером объяснения всей совокупности явлений. Это позволило ему отметить их односторонность, которая, по его мнению, явилась следствием значительных пробелов в цикле «отвлеченных наук». Де Роберти подчеркивал, что в том или ином состоянии знания следует видеть причину возникновения, существования и упадка — как религий, так и метафизических систем. Философия нового времени, полагал ученый, должна объединить в единое целое все три типа философии. Причем вся эта система должна служить теоретической основой для решения назревших политических задач эпохи.

Знакомство с философскими и социологическими построениями Де Роберти дает представление о том, что его научные изыскания и методологические принципы не являются только своеобразной разновидностью рецепции возникших в Западной Европе идей. Зачастую это самостоятельные результаты идейно-теоретического осмысления собственных задач.

Многие рациональные положения Де Роберти оказали значительное влияние на дальнейшее развитие философии, социологии, психологии. Он внес весомый вклад в разработку ряда социально-философских проблем отечественной и западной философской мысли, которые были актуальными на рубеже XIX–XX вв., но, вместе с тем, по оценке современников, он являлся основоположником неопозитивистского течения в России, основателем новой биосоциальной теории в социологии.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Ковалевский М. Страницы из истории нашего общения с западной философией. *Вестник Европы*. 1915;(6):421–425.
2. Кигн В.Л. Позитивизм в русской литературе. *Русское богатство*. 1889;(3):4–11.
3. Голосенко И.А. Исторические судьбы идей О. Конта: Трансформация позитивизма в русской социологии XIX–XX вв. *Социологические исследования*. 1982;(4):195–199.
4. Шкуринов П.С. Позитивизм в России 19 века. М.: Изд-во Моск. ун-та; 1980.

5. Белинский В. Избранные философские соч. М.: Политиздат; 1948.
6. Герцен А. Собр. соч. в 30 томах. Т. 13. М.: Изд-во Академии наук СССР; 1953.
7. Гогоцкий С. Философский лексикон. Киев: Университетская типография; 1866.
8. Чернышевский Н. Полн. собр. соч. Т. 14. М.: Государственное издательство художественной литература; 1949.
9. Ватсон Э.О. Конт и позитивная философия. *Современник*. 1865;(7).
10. Verrier R. *Roberty le positivisme russe et la fondation de la sociologie*. Paris: F. Alcan; 1934.
11. Белинский В. Полн. собр. соч. Т. I. М.: Политиздат; 1953.

REFERENCES

1. Kovalevsky M. Pages from the history of our communication with Western philosophy. *Vestnik Evropy*. 1915;(6):421–425. (In Russ.).
2. Kign V.L. Positivism in Russian literature. *Russkoe bogatstvo*. 1889;(3):4–11. (In Russ.).
3. Golosenko I.A. Historical destinies of O. Comte's ideas: The Transformation of Positivism in Russian sociology of the XIX–XX centuries. *Sociologicheskie issledovaniya*. 1982;(4):195–199. (In Russ.).
4. Shkurinov P.S. Positivism in Russia of the 19th century. Moscow: Publishers at Moscow University; 1980. (In Russ.).
5. Belinsky V. Selected philosophical op. Moscow: Politizdat; 1948. (In Russ.).
6. Herzen A. Collected Works in 30 vol. Vol. 13. Moscow: Publishing house of the Academy of Sciences of the USSR; 1953. (In Russ.).
7. Gogotsky S. Philosophical Lexicon. Kiev: University Press; 1866. (In Russ.).
8. Chernyshevsky N. Complete Works. Vol. 14. Moscow: State Publishing House of Art Literature; 1949. (In Russ.).
9. Watson E.O. Comte and positive philosophy. *Sovremennik*. 1865;(7). (In Russ.).
10. R. Verrier. Robert le positivisme russe et la fondation de la sociologie. Paris: F. Alcan; 1934.
11. Belinsky V. Complete Works. Vol. I. Moscow: Politizdat; 1953. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / ABOUT THE AUTHOR

Муслимат Газиевна Ахмедова — доктор философских наук, профессор департамента гуманитарных наук, Финансовый университет, Москва, Россия

Muslimat G. Akhmedova — Dr. Sci. (Philosophy), Professor, Department of Humanities, Financial University, Moscow, Russia

<https://orcid.org/0000-0002-0160-7010>

muslima11@rambler.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The author has no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 10.11.2022; принята к публикации 20.02.2023.

Автор прочитала и одобрила окончательный вариант рукописи.

The article was received on 10.11.2022; accepted for publication on 20.02.2023.

The author read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2023-13-2-94-105
УДК 32.003(045)

Российские компании в зеркале международных и отечественных ESG-рейтингов

В.В. Андрианов, М.С. Сироткин, М.В. Баженова
Финансовый университет, Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

В статье анализируется присутствие российских компаний в российских и зарубежных ESG-рейтингах. Авторами были рассмотрены особенности методологии 6 зарубежных и 11 российских рейтингов. С помощью базы данных был выделен топ компаний – как в сводном рейтинге, так и отдельно. Анализ российского рынка показал присутствие на высших местах сырьевых компаний. Этот результат опровергает мнение о том, что такие компании являются главными противниками экологической повестки. Авторы исследования приходят к выводу, что внедрение ESG-принципов неизбежно для российских компаний, так как это способствует достижению национальных целей развития Российской Федерации.

Ключевые слова: рейтинг; социальная ответственность; экология; санкции; связи с властью; ESG; связи с общественностью

Для цитирования: Андрианов В.В., Сироткин М.С., Баженова М.В. Российские компании в зеркале международных и отечественных ESG-рейтингов. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2023;13(2):94-105. DOI: 10.26794/2226-7867-2023-13-2-94-105

ORIGINAL PAPER

Russian Companies in International and Domestic ESG Ratings

V.V. Andrianov, M.S. Sirotkin, M.V. Bazhenova
Financial University, Moscow, Russia

ABSTRACT

The article discusses the representation of Russian companies in domestic and foreign ESG ratings. The authors analyzed the methodology features of 6 foreign and 11 Russian ratings. A top list of companies has been compiled using databases, this list is based on the consolidated ratings as well as on a separate assessment of the companies. The analysis of the Russian market showed the predominance of the raw materials companies in the top place. This result could refute the opinion that these companies are the main opponents of the pro-environmental agenda. The authors of the research paper come to the conclusion that the introduction of ERP principles is inevitable for Russian companies, as it contributes to the achieving the national development goals of the Russian Federation.

Keywords: rating; social responsibility; ecology; sanction; government relations; ESG; public relations

For citation: Andrianov V.V., Sirotkin M.S., Bazhenova M.V. Russian companies in international and domestic ESG ratings. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2023;13(2):94-105. DOI: 10.26794/2226-7867-2023-13-2-94-105

ВВЕДЕНИЕ

Ведущей тенденцией развития предпринимательской деятельности в большинстве стран мира в последние годы является внедрение принципов экологического, социального и корпоративного управления (от англ. Environmental, Social, and Corporate Governance, ESG). Возрастающий интерес к тематике ESG обусловлен, с одной стороны, переходом к новому, шестому укладу мировой

экономики (по У. Ростоу), характеризующемуся отказом от массового потребления и повышенным вниманием к нематериальным ценностям. А, с другой стороны, следование принципам ESG имеет существенное практическое значение, поскольку позволяет снизить риски ведения бизнеса [1].

Данные риски сводятся не только к авариям (и иным чрезвычайным ситуациям, нано-

сящим ущерб окружающей среде) и возникновению различных внутрикорпоративных конфликтов, связанных с условиями и безопасностью труда, а также со взаимоотношениями между акционерами. Главный риск современного бизнеса заключается в ухудшении публичного имиджа и снижении уровня общественной (а в ряде случаев — и государственной) поддержки, что чревато потерей клиентов и инвесторов, разделяющих ценности нового экономического уклада. Данные соображения приобретают особое значение на фоне таких ключевых социально-экономических тенденций, как борьба за предотвращение глобального потепления, преодоление социального неравенства, обеспечение инклюзивности и противостояние любым формам социальной дискриминации.

РЕЙТИНГИ КАК ГЛАВНЫЙ ИНСТРУМЕНТ ESG-ТРАНСФОРМАЦИИ

Практическая значимость принципов ESG значительно возросла после того, как в 2006 г. Организация Объединенных Наций озвучила на Нью-Йоркской фондовой бирже принципы ответственного инвестирования. Эта инициатива была поддержана ведущими институтами из 16 стран, активы которых на тот момент составляли более 2 трлн долл.

В 2021 г. объем инвестиций в ESG составил более 1,6 трлн долл., а общий масштаб данного рынка превысил 4 трлн долл. По оценкам Bloomberg, к 2025 г. данный показатель может быть больше 53 трлн долл. [2].

По мнению экспертов Международного комитета по стандартам оценки (International Valuation Standards Council), в современном мире инвестиции, осуществляемые в соответствии со стандартами ESG, служат основным механизмом формирования и сохранения стоимости нематериальных активов¹. Исследование компании Ocean Tomo показало, что в период с 1975 по 2015 г. объем нематериальных активов компаний, входящих в список S&P 500, вырос на 400%, а доля нематериальных активов в общем объеме активов достигла 87%².

¹ A Framework to Assess ESG Value Creation. URL: <https://www.ivsc.org/wp-content/uploads/2021/09/Perspectivespaper-AFrameworktoAssessESGValueCreation.pdf> (дата обращения: 05.11.2022).

² Ocean Tomo Releases 2015 Annual Study of Intangible Asset Market Value URL: <https://www.oceantomo.com/insights/>

Главным инструментом определения направлений ESG-финансирования являются так называемые ESG-рейтинги. Их составители определяют эффективность действий компаний по всем трем критериям — E, S и G — и оценивают их по стобалльной шкале. При этом в мире не существует единой методики формирования подобных рейтингов. Те или иные агентства могут по-разному устанавливать удельный вес факторов, делать акцент на каких-либо определенных аспектах и направлениях в зависимости от поставленных целей. В итоге состав лидеров ESG-рейтингов может существенно различаться.

Наиболее популярными зарубежными ESG-рейтингами являются следующие: MSCI, Sustainalytics, S&P Global Scores, Carbon Disclosure Project (CDP), Bloomberg ESG Disclosure, FTSE Russell's ESG Ratings, ISS, RobecoSAM Corporate Sustainability Assessment (CSA), Refinitiv (панель — Thomson Reuter's) ESG Scores, Morningstar, JUST Capital (только для компаний из США). В качестве ESG-рейтинга может также рассматриваться рейтинг влияния на достижение целей устойчивого развития ООН — World Benchmarking Alliance.

В связи со сложностью сопоставления методик составления различных рейтингов и различием анализируемых ими компонентов невозможно их четкое ранжирование по степени полноты охвата, достоверности и адекватности целям политики ESG. Однако это не исключает возможности их анализа и сопоставления с целью выявления тех или иных тенденций.

Попытки составления «рейтинга рейтингов» уже предпринимались. Так, согласно опросу, проведенному компанией Sustainability, наиболее предпочтительными для инвесторов являются рейтинги MSCI и Sustainalytics, в первую очередь из-за широты охвата. CDP и ISS также часто упоминались как качественные и полезные с практической точки зрения. RobecoSAM CSA был упомянут инвесторами при ответе на вопрос о том, какие рейтинги они считают высококачественными, однако респонденты отметили, что он менее полезен для инвестиционных исследований в связи с ограниченным доступом к базовым данным и анализу. Также были названы Trucost ESG Analysis, S&P Global и несколько новых (Truvalue Labs и S-Ray), которые используют

[ocean-tomo-releases-2015-annual-study-of-intangible-asset-market-value/](https://www.ocean-tomo-releases-2015-annual-study-of-intangible-asset-market-value/) (дата обращения: 05.11.2022).

искусственный интеллект (ИИ) для сбора данных³.

Для анализа в рамках данной статьи были отобраны зарубежные рейтинги на основе вышеупомянутого опроса с учетом их популярности среди инвесторов, широты охвата по странам (включая Россию) и возможности получения доступа к данным рейтингования (табл. 1).

Особенности методики каждого из перечисленных в табл. 1 рейтингов, как уже отмечалось, определяют различный состав их лидеров. В связи с ограниченностью публичного доступа к результатам основных глобальных рейтингов провести частотный анализ упоминаний различных компаний в ведущих ESG-рейтингах не представляется возможным. Тем не менее ряд косвенных данных позволяет утверждать, что топ-списки, представленные различными рейтинговыми агентствами, значительно различаются как по набору представленных в них компаний, так и по оценкам, присвоенным ведущим эмитентам. Данная тенденция ярко проиллюстрирована в исследовании, осуществленном компанией Statista⁴. В его ходе были сопоставлены рейтинги крупнейших по капитализации компаний мира, рассчитанные агентствами MSCI, CDP и S&P Global (рейтинг RobecoSAM) и переведенные в 100-балльную систему по методике, разработанной Statista.

Исследование показало, что оценки даже ведущих рейтинговых агентств, имеющих многолетний опыт и развитую методологию, могут отличаться друг от друга в разы. Наиболее яркий пример — компания Tesla, для которой рейтинг от MSCI достигает 64,3, тогда как оценка RobecoSAM составляет всего 15. В то же время для ряда компаний (Taiwan Semiconductor, NVIDIA) показатели рейтингов от различных аналитических центров вполне сопоставимы.

Представляет интерес и вопрос о мере влияния различных групп факторов (Environmental, Social, and Corporate Governance) при определении рейтингов компа-

ний разных отраслей. Полный и всесторонний анализ этой проблемы также затруднен в связи с отсутствием открытых данных о результатах глобальных рейтингов. Тем не менее отдельные выводы можно сделать на основе данных, предоставляемых самими рейтинговыми агентствами. В частности, статистику по удельному весу отдельных ESG-факторов в рейтингах организаций ведущих отраслей обнаружит американская финансовая компания MSCI⁵. Данная статистика свидетельствует о том, что значимость различных ESG-показателей для формирования конечной оценки колеблется в весьма широких пределах — в зависимости от вида деятельности организации. В частности, для компаний энергетического сектора удельный вес фактора эмиссии CO₂ достигает 18,2%, фактора качества корпоративного управления — 34,2%, в то время как вклад в общий рейтинг фактора развития человеческого капитала — всего 0,3%. А, например, для отрасли информационных технологий фактор человеческого капитала — на втором месте (после качества управления) с показателем в 19,6%. Отсутствие единой международной методики сопоставления и приведения «к единому знаменателю» столь различных по своему характеру показателей, бесспорно, является слабым местом ESG-рейтингов. Возможность по-разному «взвешивать» различные элементы ESG-политики превращает рейтинги из объективного механизма оценки экологической, социальной и корпоративной политики в инструмент проведения PR- и GR-кампаний.

Существуют также оценки уровня ESG-рисков в разрезе различных стран и регионов. В частности, исследование, проведенное компанией Global Risk Profile, выявило лидеров в области внедрения принципов ESG и отстающих в этой сфере⁶. Результаты данного исследования показывают прямую корреляцию между степенью развития экономики и уровнем жизни, с одной стороны, и размером ESG-рисков — с другой. Так, в число имеющих минимальный уровень рисков вошли восемь наиболее социально благополучных стран Европы, а также Австралия и Новая Зеландия. А список стран с наименьшим рейтинг-

³ Sustainability Rate the Raters 2020: Investor Survey and Interview Results. March 2020. URL: <https://www.sustainability.com/globalassets/sustainability.com/thinking/pdfs/sustainability-ratetheraters2020-report.pdf> (дата обращения: 16.10.2022).

⁴ Comparison of the environmental, social and governance (ESG) scores of the 25 largest companies by market capitalization worldwide in 2021, by ESG score provider. URL: <https://www.statista.com/statistics/1268534/comparison-esg-scores-largest-companies-provider-worldwide/> (дата обращения: 05.11.2022).

⁵ MSCI. ESG Industry Materiality Map. URL: <https://www.msci.com/our-solutions/esg-investing/esg-industry-materiality-map> (дата обращения: 05.11.2022).

⁶ A Global View: Interactive ESG Index Risk Map. URL: <https://risk-indexes.com/esg-index/> (дата обращения: 05.11.2022).

Таблица 1 / Table 1

Ведущие международные ESG-рейтинги / Top international ESG ratings

Название рейтинга	Составитель рейтинга	Особенности методики	Примечания
MSCI	США, консалтинговая инвестиционная компания	Многокомпонентный анализ, затрагивающий 4 темы в блоке окружающей среды, 4 темы в социальном блоке и 2 темы в области управления. Всего рассматривается 35 ключевых вопросов ESG. Акцент – на устойчивости компаний к финансово-значимым рискам ESG	Затрагивает все основные пункты темы ESG, делая акцент на социальной сфере и окружающей среде
Sustainalytics	США, консалтинговая финансовая компания	Акцент на измерении неуправляемых ESG-рисков компаний	-
CDP	Международное НКО, рейтинговое агентство в сфере оценки воздействия на окружающую среду	Оценка климата (сохранение водных ресурсов, риски изменения климата и разрушения лесных массивов)	Фокус – на влиянии на климат планеты
ISS	США, консалтинговая инвестиционная компания	Рейтинг тесно связан с Регламентом ЕС по раскрытию информации об устойчивом финансировании	-
Bloomberg	США, консалтинговая финансовая компания	Рейтинги создаются в тесном сотрудничестве с такими организациями, как Совет по стандартам бухгалтерского учета в области устойчивого развития, MSCI, Rockefeller Asset Management, Goldman Sachs	-
WBA	Международное НКО, рейтинговое агентство по достижению ЦУР	Рейтинг ориентирован на измерение процесса трансформации компаний для достижения целей устойчивого развития по семи измерениям: продукты питания и сельское хозяйство, декарбонизация, энергия, цифровая трансформация, городское пространство, финансы и экономика замкнутого цикла	-

Источник / Source: составлено авторами / compiled by the authors.

гом сформировали преимущественно беднейшие государства Африки.

Необходимо также учитывать, что ESG-рейтинги не в полной мере отражают уровень эффективности того или иного бизнеса. Как правило, компании с высокими рейтингами характеризуются лучшими финансовыми показателями (динамика продаж, рентабельность вложенного капитала). Однако исследователи бизнес-школы Чикагского университета, проанализировав показатели более 20 тыс. фондов из базы Morningstar, пришли к выводу, что у фондов с хорошим ESG-рейтингом финансовые результаты не лучше, чем у тех, что имеют высокий уровень ESG-рисков [3]. Не выявлена также устой-

чивая корреляция между уровнем ESG-рейтингов и размером капитализации крупнейших компаний, в частности — из нефтегазового сектора [4].

В связи с этим политики и инвесторы все чаще подвергают критике модель развития, согласно которой компания должна не только приносить прибыль, но и делать что-то полезное для общества, действовать в интересах не только акционеров, но и различных общественных групп. В частности, оспаривается тезис об обязательности участия бизнеса в решении климатических проблем. «Климатические изменения — это не те финансовые риски, о которых стоит беспокоиться инвесторам», — заявил

на конференции Financial Times в Лондоне в мае 2022 г. руководитель отдела ответственного инвестирования банка HSBC Asset Management Стюарт Кирк (данное заявление впоследствии привело к его отставке)⁷.

В свою очередь, Илон Маск после того, как компанию Tesla исключили из индекса S&P 500 ESG, назвал ESG «аферой» и «оружием фальшивых борцов за социальную справедливость».

Данная тенденция, на взгляд авторов, означает, что система ESG в данный момент переживает кризис, который обусловлен как отрывом методики ESG-рейтингования от реалий рыночной экономики, так и дискредитацией данных рейтингов как инструментов PR- и GR-стратегий.

ВОЗМОЖНОСТИ И РИСКИ ESG-РЕЙТИНГОВ ДЛЯ РОССИИ

Несмотря на издержки международной системы ESG-рейтингования, вовлеченность российской экономики в глобальные производственные и инвестиционные процессы приводит к тому, что интерес отечественных компаний к тематике ESG становится неизбежным. Выход на зарубежные рынки со своей продукцией, привлечение инвестиций со стороны международных финансовых институтов, обеспечение оборота акций, облигаций и иных ценных бумаг на ведущих торговых площадках мира — достижение всех этих целей требует скрупулезного учета новых трендов развития бизнеса, и в первую очередь повестки ESG.

Вместе с тем перечисленные недостатки системы ESG-рейтингования ставят вопрос о целесообразности и направлениях ее использования в нашей стране. В российской экспертной среде сложились различные мнения относительно актуальности применения данного инструмента в отечественной бизнес-практике. В частности, управляющий директор RAEX-Europe Светлана Гришанкова отмечает: «В рейтинге и сопоставлении сейчас нуждаются не менее 700 компаний России. ESG-оценка становится обязательным условием для привлечения финансирования и удержания рынка сбыта... Подавляющее большинство (компаний — Авт.) уже давно оценило пользу рейтингов. Во-первых, они учитывают риски и позволяют построить компании собст-

венную ESG-стратегию. Во-вторых, показывают всю цепочку поставок, что важно для экспортно ориентированных компаний. В-третьих, ESG-рейтинг — инструмент для привлечения финансирования. Часто кредиты выдаются с привязкой к ESG-рейтингу» [5].

Однако звучит и жесткая критика в адрес системы ESG-рейтингования. В частности, руководитель Росприроднадзора Светлана Радионова на выездном заседании Научно-технического совета ведомства заявила о том, что экологические отчеты бизнеса не соответствуют действительности. «ESG-повестка, в моем понимании, в половине случаев является фейком чистым, еще в половине случаев — фейком не сильно осмысленным, — отметила она. — Мы изучаем ESG-повестку крупных компаний. Для нас большинство вещей, которые там читаем, — это некая декларация о намерениях. Ни одна аудиторская компания, ни одно рейтинговое агентство не обратилось к нам, чтобы поговорить, как мы это видим» [6].

Ряд представителей бизнеса, не отрицая обязательность использования ESG-рейтингов в своей деловой практике, в то же время выражают сомнения в необходимости слепого копирования западных методик оценки. «Мы видим проблемы, которые могут возникнуть для наших клиентов, если быстро перейти к западным стандартам ESG. У нас, например, электроэнергетика тогда просто умрет, она вся будет работать в зоне отрицательной доходности. Поэтому наша политика по внедрению ESG должна быть поступательной, спокойной, учитывать наши реалии», — отмечает президент и председатель правления ВТБ Андрей Костин⁸.

В этой связи включение отечественных компаний в международные системы ESG-рейтингования является безусловным плюсом, облегчающим интеграцию российского бизнеса в международную систему разделения труда. Вместе с тем, при составлении ведущих международных ESG-рейтингов специфика российского бизнеса может не учитываться, целенаправленно игнорироваться или даже сознательно рассматриваться в негативном ключе. Не исключается использо-

⁷ The war on 'woke' capitalism. Financial Times 6.06.2022 URL: <https://www.ft.com/content/e4a818e5-4039-46d9-abe0-b703f33d0f9b> (дата обращения: 16.10.2022).

⁸ «Все три буквы мы анализируем»: бизнес на ВЭФе — о «фейковых» ESG-отчетах. Официальный сайт Российского союза промышленников и предпринимателей. 06.09.2021. URL: <https://rspp.ru/events/news/vse-tri-bukvy-my-analiziruembiznes-na-vefe-o-feykovykh-esg-otchetakh-613631b403ec9/> (дата обращения: 16.10.2022).

Таблица 2 / Table 2

Сводный рейтинг российских компаний по итогам анализа ведущих международных ESG-рейтингов / Consolidated rating of Russian companies based on the analysis results of the top international ESG ratings

Место	Компания	Рейтинг	Отрасль
1	Интер РАО	580	Топливо-энергетическая
2	Полиметалл	580	Горнодобывающая
3	Полюс	560	Горнодобывающая
4	Газпром	535	Топливо-энергетическая
5	ЛУКОЙЛ	530	Топливо-энергетическая
6	Роснефть	520	Топливо-энергетическая
7	ФосАгро	470	Химическая
8	МТС	460	Информационные технологии
9	ЕВРАЗ	440	Горнодобывающая
10	Х5	430	Продовольственная
11	Северсталь	420	Горнодобывающая
12	Норильский никель	410	Горнодобывающая
13	НЛМК	370	Горнодобывающая
14	Сбербанк	365	Финансовая
15	Татнефть	320	Топливо-энергетическая
16	АЛРОСА	310	Горнодобывающая
17	РУСАЛ	300	Горнодобывающая
18	Магнит	265	Продовольственная
19	Московская биржа	265	Финансовая
20	Ростелеком	265	Информационные технологии
21	НОВАТЭК	255	Топливо-энергетическая
22	Группа ВТБ	245	Финансовая
23	Сургутнефтегаз	240	Топливо-энергетическая
24	Архангельский ЦБК	200	Продовольственная
25	АФК Система	190	Финансовая
26	Газпром Нефть	185	Топливо-энергетическая
27	Аэрофлот	165	Транспортная
28	Уралкалий	165	Горнодобывающая
29	Петропавловск	160	Горнодобывающая
30	ГК ПИК	100	Строительство
31	Евроцемент	100	Строительство
32	Мегафон	100	Информационные технологии
33	ПИК	100	Строительство
34	РЖД	100	Транспортная
35	Россети	100	Топливо-энергетическая
36	РусАгро	100	Сельское хозяйство
37	Яндекс	100	Информационные технологии
38	Транснефть	75	Топливо-энергетическая
39	ВК	70	Информационные технологии
40	Группа ЛСР	65	Строительство

Источник / Source: составлено авторами / compiled by the authors.

Ведущие российские ESG-рейтинги / Russian top ESG ratings

Название рейтинга	Составитель рейтинга	Примечания
RAEX Europe	Европа-Россия, кредитно-рейтинговое агентство	–
Индексы РСПП «Вектор устойчивого развития» (ВУР) и «Ответственность и открытость» (ОИО)	«Российский союз промышленников и предпринимателей». Общественная организация, представляющая интересы предпринимателей	ВУР рассматривает конкретные достижения компаний. ОИО оценивает степень открытости этой информации
RAEX	Российское рейтинговое агентство (включено в список рейтинговых агентств Банка России)	–
НРКУ	Российский институт директоров – консалтинговый центр в сфере корпоративного управления	Методика основывается на соответствии российскому кодексу корпоративного управления, принципам корпоративного управления стран ОЭСР
НИКУ	Консалтинговая фирма TopCompetence вместе с Московской биржей и Центром системных трансформаций экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова	Выборка – 100 крупнейших по капитализации компаний, чьи акции котируются на Московской бирже
AK&M	Российское рейтинговое агентство. Работает с 1994 г.	В рамках статьи были использованы для анализа все 4 рейтинга (рейтинг социальной эффективности, рейтинг углеродного следа, рейтинг ESG-отчетности, рейтинг ответственности перед обществом)
Рейтинг корпоративной благотворительности от «Форума доноров», компании EY и газеты «Коммерсантъ»	Рейтинг «Форума доноров» при партнерстве консалтингового агентства «Б1» и газеты «Коммерсантъ»	Анкеты проверяют несколько экспертов
ESG-рейтинг устойчивого корпоративного управления от агентства «Да-стратегия» и Университета Паруджи	Консалтинговая компания «Да-стратегия» при помощи российской региональной сети по интегрированной отчетности и итальянского Университета Перуджи	Методология пересматривается каждый год с привлечением экспертов (университеты, составители рейтингов, органы власти)
ESG-рэнкинг эмитентов нефинансового сектора с листингом на МосБирже	Российское рейтинговое агентство (НРА)	Рейтинг по финансовому и нефинансовому сектору
Рейтинг вклада в достижение национальных целей РФ от АНО «Национальные приоритеты»	АНО «Национальные приоритеты»	–
Рейтинг социальной ответственности крупнейших публичных компаний РФ от Института стратегических коммуникаций	Институт стратегических коммуникаций (фонд, занимающийся исследовательской и проектной деятельностью в области гуманитарных технологий)	Рейтинг отражает эффективность социальных проектов компаний с точки зрения граждан страны
ESG-рейтинг рейтингового агентства НКР и РБК	Рейтинговое агентство «Национальные кредитные рейтинги» и медиахолдинг «РБК»	Составлялся по результатам анкетирования, включая непубличную информацию. Анкета учитывает отраслевую принадлежность компаний

Источник / Source: составлено авторами / compiled by the authors.

Таблица 4 / Table 4

**Позиции российских компаний в российских ESG-рейтингах / Russian companies' positions
in the domestic ESG ratings**

Место	Компании	Рейтинг	Место в международных рейтингах
1	Ростелеком	1390	20
2	МТС	1365	8
3	Газпром	1355	4
4	Россети	1250	35
5	ЛУКОЙЛ	1235	5
6	Норильский никель	1205	12
7	РусГидро	1195	Нет в топ-40
8	ФосАгро	1195	7
9	НЛМК	1190	13
10	Роснефть	1175	6
11	Металлоинвест	1150	Нет в топ-40
12	АФК Система	1115	25
13	ФСК ЕЭС	1060	Нет в топ-40
14	Татнефть	1040	15
15	Интер РАО	1015	1
16	РЖД	1000	34
17	РУСАЛ	1000	17
18	ММК	945	Нет в топ-40
19	Урал Калий	935	28
20	НОВАТЭК	925	21
21	Аэрофлот	920	27
22	АЛРОСА	910	16
23	Полюс	895	3
24	Северсталь	880	11
25	Полиметалл	860	2
26	СИБУР	825	Нет в топ-40
27	СБЕР	785	14
28	Сахалин Энерджи	780	Нет в топ-40
29	ВымпелКом	765	Нет в топ-40
30	Энел	765	Нет в топ-40
31	ЕВРАЗ	745	9
32	Московская биржа	740	19
33	ЭН ГРУП	610	Нет в топ-40
34	Росатом	585	Нет в топ-40
35	МКБ	550	Нет в топ-40
36	СУЭК	550	Нет в топ-40
37	Транснефть	525	38
38	Группа ЛСР	520	Нет в топ-40
39	Почта России	510	Нет в топ-40
40	КАМАЗ	490	Нет в топ-40

Источник / Source: составлено авторами / compiled by the authors.

Позиции компаний из РФ в международных и российских ESG-рейтингах / Russian companies' positions in the international and domestic ESG ratings

Место	Компания	Баллы	Отрасль
1	Газпром	1890	Топливо-энергетическая
2	МТС	1825	Информационные технологии
3	ЛУКОЙЛ	1765	Топливо-энергетическая
4	Роснефть	1695	Топливо-энергетическая
5	ФосАгро	1665	Химическая
6	Ростелеком	1655	Информационные технологии
7	Норильский никель	1615	Горнодобывающая
8	Интер РАО	1595	Топливо-энергетическая
9	НЛМК	1560	Горнодобывающая
10	Северсталь	1480	Горнодобывающая
11	Полюс	1455	Горнодобывающая
12	Полиметалл	1440	Горнодобывающая
13	Татнефть	1360	Топливо-энергетическая
14	Россети	1350	Топливо-энергетическая
15	АФК Система	1305	Финансовая
16	Русал	1300	Горнодобывающая
17	РусГидро	1255	Топливо-энергетическая
18	ЕВРАЗ	1185	Горнодобывающая
19	НОВАТЭК	1180	Топливо-энергетическая
20	Металлоинвест	1150	Горнодобывающая
21	СБЕР	1150	Финансовая
22	РЖД	1100	Транспортная
23	Урал Калий	1100	Горнодобывающая
24	Аэрофлот	1085	Транспортная
25	ФСК ЕЭС	1060	Топливо-энергетическая
26	ММК	1010	Горнодобывающая
27	Московская биржа	1005	Финансовая
28	СИБУР	825	Химическая
29	Сахалин Энерджи	780	Топливо-энергетическая
30	ВымпелКом	765	Информационные технологии
31	Энел	765	Топливо-энергетическая
32	Газпром нефть	640	Топливо-энергетическая
33	ЭН ГРУП	610	Топливо-энергетическая

Окончание таблицы 5 / Table 5 (continued)

Место	Компания	Баллы	Отрасль
34	ВТБ	605	Финансовая
35	Транснефть	600	Топливо-энергетическая
36	Группа ЛСР	585	Строительство
37	Росатом	585	Топливо-энергетическая
38	Магнит	560	Продовольственная
39	МКБ	550	Финансовая
40	СУЭК	550	Топливо-энергетическая
41	Петропавловск	515	Горнодобывающая
42	Почта России	510	Транспортная
43	Камаз	490	Автомобилестроение
44	ОМК	370	Горнодобывающая
45	ТМК	370	Металлургия
46	Детский Мир	360	Ритейл
47	Россети Ленэнерго	335	Топливо-энергетическая
48	РусАгро	320	Сельское хозяйство
49	Сургутнефтегаз	320	Топливо-энергетическая
50	ПИК	280	Строительство

Источник / Source: составлено авторами / compiled by the authors.

вание так называемых двойных стандартов при оценке эффективности ESG-проектов в России и за рубежом.

РАСЧЕТЫ СВОДНЫХ РЕЙТИНГОВ

Важнейшим этапом развития отечественной системы рейтингования должна, по мнению авторов, стать объективная оценка уже имеющихся рейтингов, подготовленных как зарубежными, так и отечественными агентствами и аналитическими центрами. Необходимо также провести сопоставление позиций российских компаний в рейтингах, подготовленных зарубежными и отечественными экспертами. Это позволит выявить различия в акцентах, расставляемых при проведении рейтингования, более глубоко учесть специфику отраслей российской экономики и наметить дальнейшие ориентиры для развития ESG-повестки в отечественном бизнесе.

В этих целях были рассчитаны сводные (средние) рейтинги российских компаний на основе оценок основных международных рейтинговых агентств, представленных в табл. 1. Компаниям

РФ, фигурирующим в ТОП-100 всех анализируемых международных рейтингов, были присвоены балльные оценки. Необходимо учитывать, что часть компаний в рейтингах не ранжированы по местам — это связано с особенностью их составления. Компании распределялись по кластерам от высшего к низшему. В одних случаях для анализа были взяты первый, второй и третий кластеры, где располагались компании-лидеры без ранжирования по местам, и им присваивалось 100, 80 и 60 баллов соответственно. В других — первый и второй кластеры, где компаниям присваивалось соответственно 100 и 80 баллов. Такое разграничение применялось из-за необходимости включить в базу данных каждого рейтинга число компаний, максимально приближенное к 50. В ранжированных по местам рейтингах первым трем компаниям присваивалось 100 баллов, с 4-го по 6-е место — 95 баллов, с 7-го по 9-е — 90 баллов (табл. 2).

Были также проведены соответствующие расчеты на основе российских рейтингов, процесс формирования которых начался довольно давно

и характеризуется достаточно высоким уровнем активности. В качестве наиболее авторитетных и имеющих наибольший охват рейтингов можно выделить представленные в *табл. 3*.

На основе вышеописанной методики был составлен сводный ESG-рейтинг российских компаний по оценкам отечественных рейтинговых агентств и исследовательских центров. Приведенные в *табл. 4* данные позволяют сопоставить позиции компаний из РФ в отечественных и международных рейтингах. Здесь, как и в случае сопоставления международных рейтингов, видно существенное расхождение оценок. К примеру, компания «Ростелеком», лидирующая в сводном отечественном рейтинге, занимает лишь 20-ю позицию в списке, рассчитанном на основе международных рейтингов. Обращает на себя внимание также тот факт, что в международных рейтингах не присутствует целый ряд компаний энергетической и металлургической отраслей («РусГидро», СИБУР, ФСК ЕЭС, «Металлоинвест»), которые фигурируют в сводном российском рейтинге.

Различия наблюдаются не только по «персональному» составу компаний, представленных

в обоих рейтингах, но и по их отраслевой принадлежности. При этом доминирующая роль в двух рейтингах принадлежит компаниям топливно-энергетического комплекса и горнодобывающей промышленности. Это опровергает расхожее мнение о том, что они являются главными противниками экологической повестки.

Несмотря на существенные различия в российском и международном рейтингах, представляется интересным составить общий сводный рейтинг на основе отечественных и зарубежных оценок (*табл. 5*).

В заключение необходимо еще раз отметить, что России следует мировым тенденциям и активно внедряет в повседневную практику принципы ESG. ESG-рейтинги служат важнейшей составляющей процесса развития коммерческого сектора. Однако, с учетом специфики отечественного бизнеса, а также в целях предотвращения использования данных рейтингов в политических целях и в рамках антироссийской кампании, необходимо развивать отечественную систему рейтингования, делать ее максимально эффективной, прозрачной и широкой по охвату.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Вострикова Е. О. ESG-критерии в инвестировании: зарубежный и отечественный опыт. *Финансовый журнал*. 2000;(4):117–129.
2. Al-Shibeeb D. ESG investing has its faults, but here's what we can do to improve it. URL: <https://financialpost.com/moneywise-pro/esg-investing-has-its-faults-but-heres-what-we-can-do-to-improve-it>
3. Hartzmark S., Sussman A. Do Investors Value Sustainability? A Natural Experiment Examining Ranking and Fund Flows. URL: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/abs/10.1111/jofi.12841>
4. Александров В. В. Анализ зарубежных и отечественных рейтингов устойчивого развития (ESG) ведущих нефтегазовых компаний мира. Оценка влияния рейтинга ESG на капитализацию компании. *Экономические науки*. 2021;11(204):44–53.
5. Гришанкова С. Д. ESG-оценка вскоре станет обязательным условием для бизнеса. URL: <https://rg.ru/2021/11/11/esg-ocenka-vskore-stanet-obiazatelnyim-usloviem-dlia-biznesa.html>
6. Филипенко А., Подобедова Л. Глава Росприроднадзора назвала фейком экологические отчеты корпораций. URL: <https://www.rbc.ru/business/26/08/2021/6127ab9f9a79473186b3c5da>

REFERENCES

1. Vostrikova E. O. ESG criteria in investing: foreign and domestic experience. *Financial journal*. 2000; (4):117–129. (In Russ.).
2. Al-Shibeeb D. ESG investing has its faults, but here's what we can do to improve it. URL: <https://financialpost.com/moneywise-pro/esg-investing-has-its-faults-but-heres-what-we-can-do-to-improve-it>
3. Hartzmark S., Sussman A. Do Investors Value Sustainability? A Natural Experiment Examining Ranking and Fund Flows. URL: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/abs/10.1111/jofi.12841>
4. Alexandrov V. V. Analysis of foreign and domestic sustainable development ratings (ESG) of the world's leading oil and gas companies. Assessment of the impact of the ESG rating on the capitalization of the company. *Economic sciences*. 2021;11(204): 44–53. (In Russ.).
5. Grishankova S. D. ESG assessment will soon become a prerequisite for business. URL: <https://rg.ru/2021/11/11/esg-ocenka-vskore-stanet-obiazatelnyim-usloviem-dlia-biznesa.html> (In Russ.).

6. Filipenok A., Podobedova L. The head of Rosprirodnadzor called fake environmental reports of corporations.
URL: <https://www.rbc.ru/business/26/08/2021/6127ab9f9a79473186b3c5da> (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / ABOUT THE AUTHORS

Валерий Валентинович Андрианов — кандидат политических наук, доцент департамента политологии, Финансовый университет, Москва, Россия

Valery V. Andrianov — Cand. Sci. (Political Sciences), Associate Professor, Financial University, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0002-6323-4635>
vvandrianov@fa.ru

Михаил Сергеевич Сироткин — студент 4-го курса бакалавриата факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет, Москва, Россия

Mikhail S. Sirotkin — 4th year undergraduate student, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0003-2749-6862>
mikhail_sirotkin@bk.ru

Мария Владимировна Баженова — студентка 4-го курса бакалавриата факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет, Москва, Россия

Maria V. Bazhenova — 4th year undergraduate student, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0002-1356-8872>
bamariv@mail.ru

Заявленный вклад авторов:

В.В. Андрианов — разработка общей концепции статьи, написание теоретической части работы, общая редакция текста и компоновка частей статьи.

М.С. Сироткин — создание методологии расчета, расчет показателей и их интерпретация.

М.В. Баженова — анализ структуры и особенностей ESG-рейтингов, подведение итоговых выводов исследования.

Authors' claimed contribution:

V. V. Andrianov — development of the general concept of the article, writing the theoretical part of the work, general editing of the text and composing the parts of the article.

M. S. Sirotkin — creation of calculation methodology, indicators calculation and their interpretation.

M. V. Bazhenova — analysis of the structure and features of ESG ratings, formulating the conclusions of the research.

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The authors have no conflicts of interest to declare

Статья поступила 10.12.2022; принята к публикации 25.02.2023.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The article was received on 10.12.2022; accepted for publication on 25.02.2023.

The authors read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2023-13-2-106-110
УДК 323(045)

Влияние «новой генерации» губернаторов российских регионов на уровень инвестиционного развития в субъектах

К.М. Курбанова

Финансовый университет, Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

В статье рассматривается влияние «новой генерации» губернаторов на уровень инвестиционного развития в субъектах через призму кадровых назначений в регионы федеральным центром. Автор проводит анализ кадровой политики федерального центра и политики губернаторов в субъектах после их назначения, а также рассматривает биографии губернаторов. По итогам исследования автор приходит к выводу о том, что руководители российских регионов через политику, проводимую в субъекте, влияют на уровень социально-экономического развития регионов и повышают уровень инвестиционного развития.

Ключевые слова: губернаторы; кадровая политика; инвестиционная политика; федеральный центр; регионы

Для цитирования: Курбанова К.М. Влияние «новой генерации» губернаторов российских регионов на уровень инвестиционного развития в субъектах. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2023;13(2):106-110. DOI: 10.26794/2226-7867-2023-13-2-106-110

ORIGINAL PAPER

Influence of the “New Generation” Governors of Russian Regions on the Level of Investment Development in the Federal Subjects

K.M. Kurbanova

Financial University, Moscow, Russia

ABSTRACT

The article discusses the influence of the “new generation” governors of Russian regions on the level of investment development in the federal subjects through the analysis of personnel appointments to the regions by the Federal Center. The author analyzes the personnel policy of the Federal Center and the policy of governors in the subjects after their appointment. The biographies of governors is also taken into consideration in order to identify the nature of the policy pursued. The author comes to the conclusion that the leaders of Russian regions influence the level of socio-economic development of the regions and increase the level of investment development through the policy they pursue in the subject.

Keywords: governors; personnel policy; investment policy; Federal Center; regions

For citation: Kurbanova K.M. Influence of the “new generation” governors of Russian regions on the level of investment development in the federal subjects. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2023;13(2):106-110. DOI: 10.26794/2226-7867-2023-13-2-106-110

Кадровая политика — это главная составляющая государственной политики, так как кадровые процессы и отношения между участниками охватывают практически все сферы отношений в обществе [5].

Для формирования кадровой политики государство определяет ряд основных задач, которые должны решать государственные институты управления. Главной целью государственной кадровой политики в отношении регионов является обеспечение высокого уровня жизни населения, повышение

инвестиционного потенциала, а также достижение качественного уровня управления регионом со стороны федерального центра, который пытается влиять на стремительное развитие регионов и региональные элиты, а также контролировать губернаторский корпус на этапе его формирования [4].

Кадровая политика федерального центра в отношении регионов включает в себя следующие задачи:

- формирование эффективного корпуса губернаторов «новой волны» как важнейшего профессионального ресурса государства;

- выработку новой системы ротации кадров (федеральный центр совместно с регионами будет определять их новые социально-экономические цели развития, и на основании этого будет происходить отбор кандидатов на должность руководителя региона);

- формирование сильного кадрового потенциала губернаторского корпуса РФ для повышения интеллектуального и профессионального ресурсов государственного управления¹.

С начала 2000-х гг. экономика Российской Федерации активно развивалась. Граждане РФ по уровню доходов и по паритету покупательной способности приблизились к населению США (18 тыс. долл. США на чел.). С 2003 по 2013 г. наблюдался рост средней заработной платы — с 7 до 39 тыс. руб. (государственный служащий получал в месяц около 50 тыс. руб.) [2].

С 2014 г. состояние экономики начало ухудшаться из-за санкций со стороны стран Запада и Америки, которые последовали после событий на Украине и присоединения Крыма к Российской Федерации. Основной причиной кризиса 2014–2015 гг. является падение цен на поставляемые в страны Европы энергоресурсы [6]. Его последствиями стали: сокращение денежных поступлений в федеральный бюджет, что повлекло за собой обесценивание рубля как национальной валюты и снижение спроса на многие потребительские товары;

- сокращение валютного резерва российских бизнес-компаний в связи с необходимостью выплаты валютных долгов в ограниченные сроки;

- девальвация рубля и повышение ключевой ставки до 17% во второй половине 2014 г.;

- рост инфляции и сокращение реальных доходов населения;

- падение национальной валюты из-за того, что население стало менять свои сбережения на доллары.

Таким образом, после экономического кризиса 2014–2015 гг. стране необходимо было взять новый курс, поэтому правительство начало вырабатывать политику развития регионов, где наблюдалось ухудшение экономической ситуации и обострение социальных проблем, решение которых зависело от федерального бюджета.

¹ Указ Президента РФ от 13.12.2012 № 1653 (ред. от 19.06.2020) «О федеральных кадровых резервах федеральных государственных органов, руководство деятельностью которых осуществляет Президент Российской Федерации» (вместе с «Положением о формировании федеральных кадровых резервов федеральных государственных органов, руководство деятельностью которых осуществляет Президент Российской Федерации»).

Для экономики России с 2014 г. наступил новый этап, предполагающий изменение региональной кадровой политики федерального центра в условиях экономического кризиса. Из-за введенных санкций в период 2014–2022 гг. снизились поставки импортируемой продукции в РФ из ЕС и США². Таким образом, появилась необходимость разрабатывать отечественные аналоги привычных зарубежных продовольственных и IT-продуктов.

На первый план вышла проблема импорта-замещения. Санкции, введенные в 2022 г., показали, что страна полностью готова к новым ограничениям со стороны ЕС и США, так как в период с 2014 по 2020 г. экономика страны перестраивалась под новые правила игры на мировом финансово-экономическом рынке. Таким образом, санкции показали политическим и экономическим элитам страны, что нужно рассчитывать на собственные силы, и открыли для нас путь поиска новых партнеров на Востоке [1].

Правительство РФ ежегодно распределяет федеральный бюджет между регионами РФ для сохранения баланса среди «доноров» и «реципиентов»³. Анализ объема получаемых дотаций помогает увидеть динамику развития субъектов РФ. В 2020 и 2021 гг. самыми дотационными были следующие регионы: Республика Дагестан; Республика Саха (Якутия); Камчатский край; Чеченская Республика; Республика Крым⁴. К сожалению, положение в дотационных регионах не улучшается: динамика показывает, что ежегодно Правительство РФ увеличивает объем дотаций (табл. 1, 2). Однако в 2021 г. суммы дотаций в регионы уменьшились, — это произошло из-за принятого решения об увеличении объема отчислений из федерального бюджета в Пенсионный фонд на 20–30%, поэтому сократился объем финансирования субъектов РФ⁵. Это решение было принято из-за экономического кризиса, который стал последствием пандемии COVID-19.

² Эксперты назвали самые изменившиеся из-за санкций отрасли экономики. URL: <https://www.rbc.ru/economics/28/10/2019/5db1a76a9a794744a5d6e13a> (дата обращения: 29.03.2023).

³ Федеральный закон от 08.12.2020 № 385-ФЗ «О федеральном бюджете на 2021 год и на плановый период 2022 и 2023 годов» (последняя редакция).

⁴ Дотационные регионы — рейтинг. URL: <https://rusind.ru/dotacionnye-regiony-rejting.html> (дата обращения: 28.03.2023).

⁵ На поддержку Пенсионного фонда уйдет более 20% федерального бюджета Трансферт увеличится на ₴1 трлн из-за более низких зарплат и антикризисных решений. URL: <https://www.rbc.ru/economics/25/06/2020/5ef1c34b9a79471d3a3b1697> (дата обращения: 28.03.2023).

В условиях экономического кризиса необходимо повысить эффективность управления в регионах, нужны новые губернаторы, которые должны решить задачи, состоящие в том, чтобы:

- создать условия для развития и инноваций в регионах;
- повысить уровень жизни населения в регионах;
- выявить новые точки роста для развития регионов с помощью ресурсов, которыми они обладают;
- уменьшить уровень дотационности субъектов;
- наладить экономические связи регионов с другими странами и регионами для повышения инвестиционной привлекательности;
- развить рекреационные ресурсы регионов для образования туристического кластера;
- сохранить человеческий капитал в регионах для улучшения их социально-экономического развития;
- снизить уровень безработицы в регионах и обеспечить равноценные возможности получения социальных благ для населения;
- снизить протестную повестку в регионах, возникшую в связи с обострением внешнеполитической ситуации.

С 2008 по 2012 г.⁶ на должности губернаторов регионов назначались представители крупного бизнеса, но к 2014 г. этот тренд показал свою неэффективность. Теперь влиятельные бизнесмены могут способствовать назначению на пост губернаторов регионов своих кандидатов. Проведенный анализ биографий губернаторов регионов показал, что 5 из действующих губернаторов прошли свой карьерный путь, успешно работая в частном бизнесе: Олег Кувшинников, губернатор Вологодской области, в 2004 г. вошел в состав совета директоров компании «Северсталь»⁷; Сергей Цивилев, губернатор Кемеровской области, учредитель комплекса «Ленэкспо», до 2012 г. — глава юридической фирмы «Нортэк», с 2012 по 2013 г. — заместитель председателя совета директоров угледобывающей компании ООО «Колмар» в Якутии⁸; Василий Ор-

лов, губернатор Амурской области, генеральный директор компаний «Амур-качество» (с 2002 по 2007 г.) и ОАО «Амурский кристалл» (с 2007 по 2008 г.)⁹; Сергей Носов, губернатор Магаданской области, бывший глава Нижнетагильского металлургического комбината, генеральный директор компании «Русспецсталь» (позже войдет в часть госкорпорации «Ростех») ¹⁰; Андрей Никитин, губернатор Новгородской области, глава и соучредитель группы «Рускомполит» (с 2009 по 2011 г.) и генеральный директор Агентства стратегических инициатив (с 2011 по 2017 г.)¹¹.

При рекрутировании региональных кадров учитываются: партийная принадлежность, образование, опыт работы на федеральном уровне, характер взаимодействия с местными политическими и экономическим элитами.

Каждый новый губернатор, который направляется в регион, подбирается с учетом тех направлений, которые необходимо в нем развивать. Например, А.А. Алиханов — глава Калининградской области, одного из самых сильных регионов — развивает его в таких сферах, как внешнеэкономическая торговля и инвестиционная привлекательность. Только вступив в должность, Алиханов стал участвовать в различных международных экономических конференциях и проводить встречи с представителями крупного международного бизнеса.

Примером того, как на губернаторскую позицию приходят люди из бизнеса, является бывший губернатор Амурской области А.А. Козлов, который, помимо государственной службы, был директором ОАО «Русский уголь». Многие эксперты считают, что благодаря успешному ведению бизнеса, он смог зарекомендовать себя как опытный управленец и в дальнейшем достойно выполнял обязанности губернатора, а с 2020 г. занимает должность министра природных ресурсов и экологии Российской Федерации¹².

Характерной чертой губернаторов «новой волны» является стремление вывести регион на новый уровень экономического развития и найти для этого новые кластеры. Так, в текущей политиче-

⁶ Главы регионов — выходцы из бизнеса. URL: <https://iz.ru/news/568272> (дата обращения: 28.03.2023).

⁷ URL: https://tass.ru/encyclopedia/person/kuvshinnikov-oleg-aleksandrovich?utm_source=yandex.ru&utm_medium=organic&utm_campaign=yandex.ru&utm_referrer=yandex.ru (дата обращения: 28.03.2023).

⁸ URL: <https://tass.ru/info/5085506?> (дата обращения: 28.03.2023).

⁹ URL: https://tass.ru/encyclopedia/person/orlov-vasiliy-aleksandrovich?utm_source=yandex.ru&utm_medium=organic&utm_campaign=yandex.ru&utm_referrer=yandex.ru (дата обращения: 28.03.2023).

¹⁰ URL: <https://tass.ru/info/5241922?> (дата обращения: 28.03.2023).

¹¹ URL: <https://tass.ru/encyclopedia/person/nikitin-andrey-sergeevich> (дата обращения: 28.03.2023).

¹² URL: <http://government.ru/gov/persons/447/bio/> (дата обращения: 28.03.2023).

Таблица 1 / Table 1

Динамика изменения распределения дотаций на выравнивание бюджетной обеспеченности субъектов Российской Федерации (2014–2018 гг.), руб. / Dynamics of changes in the allocation of subsidies aimed at equalizing the budgets of the federal subjects (2014–2018), rub.

Регион	2014	2015	2016	2017	2018
Якутия	50 714 168	47 846 439	43 189 612	27 136 861	43 944 997,7
Дагестан	43 777 806	43 282 402	46 722 123	48 296 351	59 065 832,5
Камчатский край	33 835 300	34 184 745	37 486 695	33 060 328	39 357 697,2
Чечня	19 359 165	20 448 026	22 162 866	21 316 839	27 078 463,8

Источник / Source: составлено автором на основе отчетов Минфина России за 2014–2018 гг. / compiled by the author basing on Ministry of Finance of Russia reports for 2014–2018.

Таблица 2 / Table 2

Динамика изменения распределения дотаций на выравнивание бюджетной обеспеченности субъектов Российской Федерации (2019–2022 гг.), руб. / Dynamics of changes in the allocation of subsidies aimed at equalizing the budgets of the federal subjects (2019–2022), rub.

Регион	2019	2020	2021	2022
Якутия	46 907 224,4	44 977 512	39 705 241	53 081 227
Дагестан	66 265 836,8	63 466 691	61 904 238	68 191 145
Камчатский край	37 389 812,3	33 424 354	32 548 600	34 312 722
Чечня	30 440 585,9	31 122 361	29 642 371	32 223 459

Источник / Source: составлено автором на основе отчетов Минфина России за 2019–2022 гг. / compiled by the author basing on Ministry of Finance of Russia reports for 2019–2022.

ской ситуации для регионов России актуальным является вопрос развития туристического кластера и сохранения своего конкурентного преимущества, ведь таким образом могут быть привлечены инвестиции и выявлены новые точки роста [3]. Примером может служить Республика Дагестан, которая в 2022 г. приняла более 1 млн туристов, что на 35% выше, чем в 2021 г.¹³ Дагестан обладает возможностями для развития туризма и привлечения большого количества инвестиций в субъект, так как основной потенциал находится именно в рекреационных ресурсах региона. В национальном туристическом рейтинге регионов России за 2022 г. Дагестан занял 45 из 85 мест¹⁴. Увеличение потока туристов также связано с политикой, которую проводит глава Республики Дагестан С.А. Меликов. Так, в 2020–2021 гг. он поставил перед своей командой цель вывести Дагестан на новый уровень социально-экономического развития. Также, по его мнению, региону необходимы новые инве-

стиционные проекты. В июне 2022 г. Меликов принял участие в Петербургском экономическом форуме, где подписал соглашение с ООО «Газпром газомоторное топливо» о сотрудничестве в части расширения использования природного газа, что является немаловажным для развития региона¹⁵.

Таким образом, губернаторы «новой волны» главной целью в своей работе ставят проведение качественной политики для улучшения социально-экономического развития региона, привлечения новых инвестиций и увеличения показателя уровня жизни населения. Назначение в регионы губернаторов производится с учетом интересов федерального центра. Поскольку в каждом регионе есть свои плюсы и минусы, руководителям регионов необходимо проводить сбалансированную политику. Путем влияния на местные политические и экономические элиты губернаторы «новой волны» стараются привлекать инвестиции и определять новые точки роста для регионов, что способствует увеличению их конкурентоспособности по отношению к другим субъектам РФ.

¹³ Турпоток в Дагестан за 2022 год вырос на 35%. РБК. URL: <https://kavkaz.rbc.ru/kavkaz/freenews/637367cb9a7947d51fc5c0b8?ysclid=lgerrpzevpr602015515> (дата обращения: 28.03.2023).

¹⁴ Национальный туристический рейтинг — 2022. URL: <https://russia-rating.ru/info/21283.html?ysclid=lgerrq0b2qt871959202> (дата обращения: 28.03.2023).

¹⁵ Дагестанские экономисты прокомментировали участие республиканцев в ПМЭФ. URL: <https://mkala.mk.ru/economics/2022/06/15/dagestanskije-ekonomisty-prokomentirovali-uchastie-respubliki-v-pmef.html?ysclid=lgewllmmcy136604566> (дата обращения: 28.03.2023).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Вылегжанина Е.В., Чеченев В.Д. Влияние валютного кризиса 2014 года на динамику доходов и расходов федерального бюджета Российской Федерации. *Международный журнал гуманитарных и естественных наук*. 2019;6–1(33):159–163.
2. Винокуров М.А. Экономический кризис в России 2014 года и возможные пути его преодоления. *Известия Байкальского государственного университета*. 2015;(2):261–266.
3. Иванов О.Б., Бухвальд Е.М. Инвестиционные приоритеты в стратегиях социально-экономического развития регионов России. *ЭТАП: экономическая теория, анализ, практика. Экономика и бизнес*. 2018;(2):31–47.
4. Слатинов В.Б. Губернаторы-«технократы» во главе российских регионов: промежуточные эффекты новой кадровой стратегии федерального центра. Статья в сборнике трудов конференции. Курск: Курский государственный университет; 2020.
5. Тонян Н.М., Сычанина С.Н. Сущность государственной кадровой политики и ее цели. *Экономика и бизнес: теория и практика*. 2019;(9):182–185.
6. Чекиева Х.Р. Развитие экономики России в 2014–2015 гг. *Молодой ученый*. 2016;16(120):218–219.

REFERENCES

1. Vylegzhanina E.V., Chechenev V.D. Impact of the 2014 currency crisis on the dynamics of revenues and expenditures of the federal budget of the Russian Federation. *Mezhdunarodnyj zhurnal gumanitarnyh i estestvennyh nauk*. 2019;6–1(33):159–163. (In Russ.).
2. Vinokurov M.A. Economic crisis in Russia 2014 and possible ways to overcome it. *Izvestiya Bajkal'skogo gosudarstvennogo universiteta*. 2015;(2):261–266. (In Russ.).
3. Ivanov O.B., Buchwald E.M. Investment priorities in the strategies of socio-economic development of Russian regions. *ЭТАП: экономическая теория, анализ, практика. Экономика и бизнес*. 2018;(2):31–47. (In Russ.).
4. Slatinov V.B. Governors-“technocrats“ at the head of Russian regions: intermediate effects of the new personnel strategy of the federal center. Article in the collection of conference proceedings. Kursk: Kursk State University; 2020. (In Russ.).
5. Tonyan N.M., Sychanina S.N. Essence of the state personnel policy and its and goals. *Экономика и бизнес: теория и практика*. 2019;(9):182–185. (In Russ.).
6. Chekueva H.R. The development of Russia's economy in 2014–2015. *Molodoj uchenyj*. 2016;16(120):218–219. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / ABOUT THE AUTHOR

Карина Мурадовна Курбанова — стажер-исследователь института гуманитарных технологий и социального инжиниринга факультета социальных наук и массовых коммуникаций, аспирантка департамента политологии факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет, Москва, Россия

Karina M. Kurbanova — trainee researcher at the Institute of Humanitarian Technologies and Social Engineering of the Faculty of Social Sciences and Mass Communications, postgraduate student of the Department of Political Science of the Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University, Moscow, Russia

<https://orcid.org/0000-0002-3360-0200>

KMKurbanova@fa.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The author has no conflicts of interest to declare

Статья поступила 20.02.2023; принята к публикации 15.03.2023.

Автор прочитала и одобрила окончательный вариант рукописи.

The article was received on 20.02.2023; accepted for publication on 15.03.2023.

The author read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2023-13-2-111-116
УДК 334.025(045)

Нужны ли современному управленцу аналитические компетенции (на примере сотрудников Управления экстренного реагирования ЦУКС Главного управления МЧС России по г. Москве)

С.А. Мельков^а, Д.Н. Попов^б, В.О. Микрюков^с

^{а,б}Академия гражданской защиты МЧС России, Химки, Россия;

^сФинансовый университет, Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

В статье представлены результаты авторского исследования о состоянии сформированности у современных управленцев аналитических компетенций. В работе были комплексно использованы следующие методы: традиционный анализ документов, экспертный опрос (анкетирование), ситуационный анализ, тестирование, включенное наблюдение. В качестве респондентов были привлечены сотрудники Центра управления в кризисных ситуациях Главного управления МЧС России по г. Москве. Исследование показало, что опрошенные нами эксперты считают, что у них слабо сформированы аналитические компетенции. Также выявлено, что респонденты понимают значимость аналитических компетенций и необходимость их формирования. На основании полученных данных авторы статьи делают вывод о том, что большинство современных чиновников нуждаются в аналитических компетенциях, а значит, руководителям надо давать им возможность своевременно повышать квалификацию в этом направлении.

Ключевые слова: аналитика; аналитическая деятельность; компетенции; МЧС России; политический анализ; управленческая проблема

Для цитирования: Мельков С.А., Попов Д.Н., Микрюков В.О. Нужны ли современному управленцу аналитические компетенции (на примере сотрудников Управления экстренного реагирования ЦУКС Главного управления МЧС России по г. Москве). *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2023;13(2):111-116. DOI: 10.26794/2226-7867-2023-13-2-111-116

ORIGINAL PAPER

Does a Modern Manager Need Analytical Competencies (On the Example of Employees of the Emergency Response Department of the Main Directorate of the EMERCOM of Russia in Moscow)

S.A. Melkov^a, D.N. Popov^b, V.O. Mikryukov^c

^{a,b}Civil Defence Academy EMERCOM of Russia, Khimki, Russia;

^cFinancial University, Moscow, Russia

ABSTRACT

The article presents the results of the authors' research on the state of analytical competencies among modern managers. The following research methods were comprehensively used in the study: traditional document analysis, expert survey (questionnaire), situational analysis, testing and participant observation. Employees working in the The Crisis Management Center of the Main Directorate of EMERCOM of Russia in Moscow were involved as respondents. The study showed that the experts who had been interviewed believed that they had poorly formed analytical competencies. It was also revealed that the interviewed experts understand the importance of analytical competencies and the need for their formation. Basing on the data from the study the authors conclude that the majority of modern officials need analytical competencies. This means that their managers should give them opportunity to improve their skills in this direction in a timely manner.

Keywords: analytics; analytical activity; competencies; EMERCOM of Russia; political analysis; management problem

For citation: Melkov S.A., Popov D.N., Mikryukov V.O. Does a modern manager need analytical competencies (on the example of employees of the Emergency response department of the Main directorate of the EMERCOM of Russia in Moscow). *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finasovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2023;13(2):111-116. DOI: 10.26794/2226-7867-2023-13-2-111-116

© Мельков С.А., Попов Д.Н., Микрюков В.О., 2023

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования обуславливается тем, что, во-первых, в нынешних условиях возрастания риска возникновения чрезвычайных ситуаций (далее — ЧС) результативность их предупреждения и ликвидации действительно зависят от уровня аналитической компетентности сотрудников любого органа управления. Хотя следует признать, что проблематика аналитической компетентности в большинстве отечественных научных работ рассматривается в теоретическом ключе [1–4].

Во-вторых, у авторов данной статьи, проработавших от 17 до 33 лет в МЧС России и других силовых структурах, нет уверенности, что многие сотрудники отечественных органов управления могут самостоятельно готовить управленческие решения (подчеркнем — не исполнять, а именно готовить) на основе собственных исследований и формулировать управленческие проблемы.

В-третьих, проблематика реализации аналитических компетенций сотрудниками МЧС России является предметом анализа целого ряда научных работ. Так, авторы некоторых из них приходят к выводу о том, что низкий (или недостаточно высокий) уровень аналитической компетентности — системная проблема для российских органов власти и управления [5].

В-четвертых, авторы данной статьи убедились на собственном опыте, что многие сотрудники МЧС России не владеют аналитическими умениями и навыками подготовки нестандартных управленческих решений (сложно назвать российские вузы, где этому системно учат), и это обстоятельство усложняет проведение мероприятий по ликвидации ЧС. Складывается впечатление, что аналитическая компетентность сегодня повсеместно заменяется внедрением автоматизированных систем управления [6].

При проведении традиционного анализа исследовалось содержание 31 документа, а для экспертного опроса были привлечены 7 сотрудников управления экстренного реагирования Центра управления в кризисных ситуациях (далее — ЦУКС) Главного управления МЧС России по г. Москве. Тест и инструментальный включенного наблюдения были разработаны для решения задач магистерской диссертации Д. Н. Попова — одного из соавторов данной статьи.

АНАЛИЗ РЕЗУЛЬТАТОВ АВТОРСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

В первую очередь необходимо дать ключевые определения для настоящего исследования.

Аналитика — это специфический вид деятельности, объединяющий в себе методологию информационно-исследовательской работы, ее организационное обеспечение, а также технологическое сопровождение разработки и создания инструментальных средств для ее ведения.

Аналитическая деятельность — это творческая работа умственного характера, направленная на оценку ситуации и имеющихся данных и принятие адекватного решения, исходя из полученной информации. *Аналитические компетенции* — это совокупность специальных знаний, навыков и умений, необходимых для решения аналитических задач, включающая: деление проблемы на системно связанные части; выявление причинно-следственных связей; установление определенных закономерностей; учет сопутствующих факторов; оценку и обобщение полученных знаний; анализ и перевод их в новое качественное состояние; прогнозирование и оценку всего спектра последствий принятого решения [7].

Также отметим, что в последние несколько лет роль современного управленца становится все более важной, поскольку ему приходится иметь дело не только с постоянно меняющейся обстановкой в коллективе, но и с влиянием внешней среды. Современный управленец, согласно подходу американского исследователя К. Эллиса, должен справляться со сложностью и скоростью изменений, происходящих в компаниях. В работе «Management skills for new managers» он указывает, что управленцы предыдущих поколений не были обязаны заниматься быстрой обработкой информации в связи со сложностью многих процессов и регулярными изменениями, однако сейчас (в 2023 г.) способность быстро реагировать на изменяющиеся условия и принимать взвешенные решения на основе аналитики — важнейшие качества любого управленца [8]. Полагаем, что такой подход применим и к сотрудникам МЧС России, которые обязаны оперативно реагировать на информацию о ЧС для быстрой локализации опасных факторов и спасения жизней.

Многие зарубежные исследователи подчеркивают значимость аналитических компетенций современных менеджеров/управленцев.

Так, в работах специалистов из США А. Сэвори и Дж. Баттерфилд говорится, что современный управленец должен уметь правильно и, главное, быстро принимать решения, поскольку от этого зависит успех организации [9].

Согласимся с американскими коллегами, ведь в ситуации дефицита времени, для того, чтобы грамотно принять управленческое решение, руководитель обязан обладать навыками логического и системного мышления, уметь быстро ориентироваться в сложной ситуации, понимать суть проблемы и ее причины, применять многие методы оценки ситуации.

С точки зрения исследования компетенций у специалистов МЧС России нам было полезно изучить опыт П. Верхана, который выявил несколько личностных особенностей у управленцев. В частности, он сделал эмпирические выводы о необходимости развития у управленцев высшего звена коммерческих компаний США такой компетенции, как готовность принять даже ошибочное решение (способность к риску), но при этом суметь быстро отреагировать и устранить его пагубные последствия [10]. Полагаем, что специалистам МЧС России следует изучить исследование П. Верхана более внимательно.

В рамках анализа должностных обязанностей сотрудников управления экстренного реагирования (далее — УЭР) ЦУКС Главного управления (далее — ГУ) МЧС России по г. Москве было выявлено, что основной категорией, требующей наличия аналитических компетенций, являются управленческие должности. Кроме того, существует ряд должностей, где необходим постоянный анализ данных (к примеру, ведущий специалист — эксперт отдела и инспектор), что требует от сотрудников постоянного включения в процесс анализа и наличия у них ярко выраженных аналитических способностей (как минимум, предрасположенности к таковым).

При анализе выраженности аналитических компетенций в рамках функциональных обязанностей сотрудников УЭР ЦУКС ГУ МЧС России по г. Москве было выявлено, что аналитические задачи занимают около 30% от всех видов задач сотрудников УЭР ЦУКС ГУ МЧС России по г. Москве. Данный факт позволяет подчеркнуть актуальность темы исследования. Также заметим, что степень выраженности аналитической компетентности у сотрудников зависит от их функциональных обязанностей, занимаемой должности и решаемых задач.

Далее перейдем к анализу результатов экспертного опроса сотрудников УЭР ЦУКС ГУ МЧС России по г. Москве (руководителей подразделений), который проводился в марте 2022 г. с целью выявления проблем в процессе реализации ими аналитических компетенций.

Проведя анализ ответов экспертов, мы пришли к выводу о том, что отдельных курсов повышения квалификации для сотрудников УЭР ЦУКС ГУ МЧС России по г. Москве по аналитической компетентности не существует (ответы экспертов на вопрос: «Организованы ли курсы повышения квалификации для развития аналитических компетенций сотрудников?» распределились следующим образом: «нет» — 43%, «частично да» и «скорее нет» — по 29%). Но при этом часть респондентов указывают, что вопросы аналитики данных рассматриваются в процессе прохождения других курсов. В целом ответы на данный вопрос позволяют авторам настоящего исследования заключить, что в УЭР ЦУКС ГУ МЧС России по г. Москве сотрудникам необходимо своевременно повышать квалификацию именно в рамках улучшения их аналитической компетентности.

Следующий вопрос анкеты был направлен на получение информации о том, проводится ли текущий контроль за сформированностью аналитических компетенций у сотрудников. Это особенно важно, учитывая, что, как уже было указано, 30% задач сотрудников УЭР ЦУКС ГУ МЧС России по г. Москве можно напрямую отнести к аналитическим.

Проведя анализ ответов на вопрос: «Проводится ли текущий контроль за уровнем сформированности аналитических компетенций у сотрудников?», авторы установили, что прямой контроль за уровнем реализации аналитических компетенций сотрудниками УЭР ЦУКС ГУ МЧС России по г. Москве не проводится (ответы распределились так: «частично да» — 43%, «нет» и «скорее нет» — по 29%). Судя по опросу, проверки проходят только по итогам выполненных задач, и способность к анализу у сотрудников выявляется именно в рамках исполнения непосредственных обязанностей.

Еще один вопрос состоял в том, чтобы выявить, ведется ли проверка наличия аналитических компетенций у сотрудников при приеме их на работу.

Анализ содержания ответов экспертов на вопрос: «Ведется ли проверка уровня сформирован-

ности аналитических компетенций у сотрудников при приеме на работу/службу?» говорит о том, что она делается только в рамках прохождения психологического теста из 700 вопросов. Становится очевидно, что в данном тесте вопросам именно аналитических навыков и компетентности уделяется крайне мало внимания.

Эксперты считают, что компетентностной модели в ЦУКС ГУ МЧС России по г. Москве нет (так ответили 72% опрошенных). Мы полагаем, что это затрудняет процесс проведения тех же курсов повышения квалификации сотрудников для повышения их аналитической компетентности, так как без модели не понятно, чего именно требовать от образовательных организаций, которые проводят данные курсы, а главное, как проверить, реализован ли данный аспект или нет (тем более, что такая задача, похоже, не ставится).

Отметим, что сотрудники УЭР ЦУКС ГУ МЧС России по г. Москве в целом заинтересованы в повышении уровня своей аналитической компетентности (57% экспертов проявили заинтересованность, 28% не заинтересованы, а 14% затруднились с ответом), поэтому мы предполагаем, что данные курсы будут востребованы.

Следующий вопрос анкеты выявлял, как сотрудники УЭР ЦУКС ГУ МЧС России по г. Москве оценивают свой актуальный уровень аналитической компетентности.

Интересно, что они, по большей части, оценивают его как средний или ниже среднего (в сумме это 58%). Также есть ряд сотрудников (14%), которые считают, что уровень их компетентности ниже среднего. Данный факт позволяет прийти к выводу о том, что вопрос повышения аналитической компетентности среди сотрудников рассматриваемого нами управления достаточно актуален.

Далее для решения задач данной статьи авторами были созданы тест и учебный кейс.

Представляем результаты проведения авторского тестирования по решению проблемной ситуации сотрудниками УЭР ЦУКС ГУ МЧС России по г. Москве — как занятыми управленческим трудом, так и теми, в чьи обязанности это не входит (что важно подчеркнуть!). Всего было

получено 12 решений от работников разных уровней, 8 из которых занимают управленческие должности, а 4 — линейные. В результате тестирования удалось выяснить, что 62,5% сотрудников-управленцев имеют высокий уровень аналитической компетентности, а среди линейных работников таковых лишь 25%. То есть у последних есть проблемы с решением различных видов аналитических задач, что требует улучшения их компетенций в процессе выполнения служебных обязанностей.

Далее мы применили метод ситуационного анализа (кейс-стади), в результате чего пришли к выводу, что у сотрудников УЭР ЦУКС ГУ МЧС России по г. Москве наибольшие проблемы вызывают задачи, связанные с передачей данных и планированием оперативных действий. Это в целом является проблемой, так как указанные задачи дублируют основные функции сотрудников УЭР ЦУКС ГУ МЧС России по г. Москве.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

1. Мы считаем, что нам удалось доказать следующее: на примере одной организации понятно, что задача (запрос) на формирование в органах власти и управления (а также в государственных и муниципальных организациях и учреждениях) аналитических компетенций у действующих сотрудников не поставлена. Полагаем, что в условиях санкций и необходимости ускоренного развития нашей страны она должна быть обозначена.

2. По результатам опроса экспертов можно утверждать, что большинство из них понимают значимость аналитических компетенций и необходимость их формирования. В большей степени такие компетенции сформированы у сотрудников, занятых исключительно управленческим трудом.

3. По результатам применения тестирования и ситуационного анализа (кейс-стади) мы пришли к выводу, что большинство современных чиновников (сотрудников органов власти и управления, государственных и муниципальных организаций и учреждений) нуждаются в аналитических компетенциях, поэтому данное исследование будет продолжено.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Рыжова Н.И., Фомин В.И., Филимонова Е.В. Информационно-аналитическая компетентность специалиста: структурная модель, концепция формирования и содержание обучения. *Педагогический университетский вестник Алтая*. 2008;(1):39–43.

2. Сори́на Г.В. Аналитическая компетентность как необходимый элемент профессионального образования. *Гуманитарный вестник Военной академии ракетных войск стратегического назначения*. 2018;4–2(12):69–72.
3. Ульченко Ю.В. Формирование аналитической компетентности будущих специалистов сферы документационного обеспечения управления в информационно-образовательном пространстве вуза. Информационные технологии и системы в области документоведения и архивоведения: Материалы VIII Международной научно-практической конференции (Донецк, 15–17 апреля 2019 г.). Донецк: ДонНУ; 2019.
4. Улендеева Н.И. Проблема формирования информационно-аналитической компетентности обучающихся ведомственных вузов ФСИН России. Пенитенциарная безопасность: национальные традиции и зарубежный опыт: Материалы Международной научно-практической конференции (Самара, 11–12 октября 2018 г.). Самара: СамЮИ ФСИН России; 2018.
5. Колобов О.Г., Шевель П.П. Аналитические компетенции специалиста отдела гражданской защиты администрации Дмитровского городского округа Московской области: особенности формирования и практического закрепления. *ГосРег: государственное регулирование общественных отношений*. 2022;(1):6–14.
6. Дружинина Н.М. Совершенствование уровня пожарной безопасности путем внедрения автоматизированной системы управления в области пожарной безопасности Московской области. *ГосРег: государственное регулирование общественных отношений*. 2021;(2):283–290.
7. Данкова Ж.Ю. Формирование аналитических компетенций государственных служащих. *Социально-гуманитарные знания*. 2018;(4):95–101.
8. Ellis C.W. Management skills for new managers. New York: American Management Association; 2005.
9. Savory A., Butterfield J. Holistic management: a new framework for decision making. Washington, D.C.: Island Press; 1999.
10. Werhane P.H. Moral imagination and management decision making. New York: Oxford Univ. Press; 1999.

REFERENCES

1. Ryzhova N.I., Fomin V.I., Filimonova E.V. Information and analytical competence of a specialist: structural model, concept of formation and content of training. *Pedagogicheskij universitetskij vestnik Altaya*. 2008;(1):39–43. (In Russ.).
2. Sorina G.V. Analytical competence as a necessary element of professional education. *Gumanitarnyj vestnik Voennoj akademii raketnyh vojsk strategicheskogo naznacheniya*. 2018;4–2(12):69–72. (In Russ.).
3. Ulchenko Yu. V. Formation of analytical competence of future specialists in the field of documentation management in the information and educational space of the university. Information technologies and systems in the field of documentation and archival science: Materials of the VIII International Scientific and Practical Conference (Donetsk, April 15–17, 2019). Donetsk: DonNU; 2019. (In Russ.).
4. Ulendeeva N. I. The problem of formation of information and analytical competence of students of departmental universities of the Federal Penitentiary Service of Russia. Penitentiary security: national traditions and foreign experience: Materials of the International Scientific and Practical Conference (Samara, October 11–12, 2018). Samara: SamUI of the Federal Penitentiary Service of Russia; 2018. (In Russ.).
5. Kolobov O. G., Shevel P. P. Analytical competencies of a specialist of the Civil Protection Department of the Administration of the Dmitrov city district of the Moscow region: features of formation and practical consolidation. *GosReg: gosudarstvennoe regulirovanie obshchestvennyh otnoshenij*. 2022;(1):6–14. (In Russ.).
6. Druzhinina N.M. Improving the level of fire safety through the introduction of an automated control system in the field of fire safety in the Moscow region. *GosReg: gosudarstvennoe regulirovanie obshchestvennyh otnoshenij*. 2021;(2):283–290. (In Russ.).
7. Dankova Zh. Yu. Formation of analytical competencies of civil servants. *Social'no-gumanitarnye znaniya*. 2018;(4):95–101. (In Russ.).
8. Ellis C.W. Management skills for new managers. New York: American Management Association, 2005.
9. Savory A., Butterfield J. Holistic management: a new framework for decision making. Washington, D.C.: Island Press; 1999.
10. Werhane P.H. Moral imagination and management decision making. New York: Oxford Univ. Press; 1999.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / ABOUT THE AUTHORS

Сергей Анатольевич Мельков — доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой государственного и муниципального управления, Академия гражданской защиты МЧС России, Химки, Россия
Sergey A. Melkov — Dr. Sci. (Polit.), Professor, Head of department of State and Municipal Administration, Civil Defence Academy EMERCOM of Russia, Khimki, Russia
<https://orcid.org/0000-0002-1312-8105>
304304@mail.ru

Дмитрий Николаевич Попов — студент 3-го курса магистратуры кафедры государственного и муниципального управления, Академия гражданской защиты МЧС России, Химки, Россия
Dmitriy N. Popov — third-year master's student of the Department of State and Municipal Administration, Civil Defence Academy EMERCOM of Russia, Khimki, Russia
<https://orcid.org/0000-0003-2263-957X>
d.n.popov@yandex.ru

Владимир Олегович Микрюков — кандидат философских наук, доцент, доцент департамента социологии, Финансовый университет, Москва, Россия
Vladimir O. Mikryukov — Cand. Sci. (Philosophy), Docent, Associate Professor of the Department of sociology, Financial University, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0002-3025-6838>
vomikryukov@fa.ru

Заявленный вклад авторов:

С.А. Мельков — разработка концепции статьи.

Д.Н. Попов — разработка инструментария исследования и анализ результатов.

В.О. Микрюков — подбор литературных источников и общая редакция.

Authors' stated contributions:

S.A. Mel'kov — development of the paper's concept.

D.N. Popov — development of research tools and analysis of results.

V.O. Mikryukov — selection of literary sources and general editing.

*Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
Conflicts of Interest Statement: The authors have no conflicts of interest to declare.*

Статья поступила 11.01.2023; принята к публикации 10.02.2023.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The article was received on 11.01.2023; accepted for publication on 10.02.2023.

The authors read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2023-13-2-117-120
УДК 32(045)

Политизация этнических и племенных компонентов в Судане

М.Х. Абдальвахид Мохаммед
Финансовый университет, Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

В данной статье рассматриваются способы политизации этнической и племенной составляющих в Судане. В работе доказывается, что манипулирование этими факторами со стороны политических акторов способствовало возникновению конфликтов и нестабильности в стране. Автор анализирует исторический контекст, в рамках которого этничность и трайбализм были впервые политизированы в Судане, и то, как эти факторы использовались для оправдания и поддержания различных форм насилия и дискриминации. В заключение автор приходит к выводу о том, что для разрешения продолжающихся конфликтов Судану необходимо сосредоточиться на решении основных проблем, лежащих в их основе, — неравенстве и маргинализации.

Ключевые слова: этнополитические конфликты; политизация; этничность; трайбализм

Для цитирования: Абдальвахид Мохаммед М.Х. Политизация этнических и племенных компонентов в Судане. *Гуманитарные науки*. 2023;13(2):117-120. DOI: 10.26794/2226-7867-2023-13-2-117-120

ORIGINAL PAPER

Politicization of the Ethno-Tribal Component in Sudan

M.H. Abdalwahid Mohammed
Financial University, Moscow, Russia

ABSTRACT

This article discusses the ways of politicization of the ethno-tribal component in Sudan. And it proves that the manipulation of these factors by political actors contributed to the emergence of conflicts and instability in the country. The author analyzes the historical context in which ethnicity and tribalism were first politicized in Sudan, and how these factors were used to justify and perpetuate various forms of violence and discrimination. Finally, the author comes to the conclusion that in order to resolve ongoing conflicts, Sudan needs to focus on solving the main problems that underlie them — inequality and marginalization.

Keywords: ethno-political conflicts; politicization; ethnicity; tribalism

For citation: Abdalwahid Mohammed M.H. Politicization of the ethno-tribal component in Sudan. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2023;13(2):117-120. DOI: 10.26794/2226-7867-2023-13-2-117-120

Для того чтобы понять и определить проблему наиболее фундаментальных причин этнополитических конфликтов, необходимо сначала оценить наиболее существенные переменные, которые, по нашему мнению, в контексте политизации этничности могут способствовать этим конфликтам. Также, чтобы осмыслить концепцию «политизации этничности», целесообразно обратиться к зарубежной методологии, особенно американо-британской, где этнополитология практически с самого начала дрейфовала в сторону латерального конструктивистского взгляда на этничность.

Можно сказать, что самоопределение этнополитологии началось в 1957 г. с публикации статьи М. Паренти «Этнополитика и жизнеспособность этнических идентичностей» и завершилось работой Дж. Ротшильда, — в своей книге «Этнополитика» 1981 г. он популяризировал термины «этническая политика» и «политизированная этничность» [1].

Ротшильд считает «политизированную этничность» самым важным политическим явлением современности. Он описал политизацию этнической идентичности как «степень мобилизации, при которой она превращается из психологической, культурной или социальной ценности в насто-

ящую политическую силу, чтобы изменить или поддержать определенные системы неравенства, возникшие в обществе между этническими группами» [1].

Общая идея политизации этничности может быть сформулирована следующим образом: она, по мнению ученых, служит основой для субэлитных политических стратегий, конфликтов и движений. И в этой связи необходимо рассмотреть политические цели субэлиты, а также средства, которые должно использовать государство [2].

Также среди этой субэлиты важно выделить «специалистов по этничности», например, лиц, интересующихся этнополитикой, которые могут жить не только для, но и с этничностью [3]. Это различие необходимо подчеркнуть, потому что поведение специалистов по этничности или «этнических предпринимателей» часто приобретает перформативный характер, как верно заметил П. Бурдье [3]. Согласно Р. Брубейкеру, расово окрашенные категории, которые они используют для действий, должны пробуждать, провоцировать, оправдывать, мобилизовать, подстрекать и вдохновлять расовые группировки. Этот социальный процесс контролировал то, как этнические группы объективировались, позволяя нам воспринимать их именно таким образом в окружающей среде [4].

Конструктивисты предполагают, что этничность была политизирована в результате объективации этнических групп «спекулянтами в этнополитике». Это процесс, по мнению Р. Брубейкера, является социальным и играет важную роль в практике политизации этничности [5].

В то же время сторонники конструктивистского подхода критикуют своих оппонентов за то, что они не просто анализируют этнополитическую ситуацию, а непосредственно участвуют в этом социальном процессе, выступая в роли «этнических предпринимателей». Когда «этнические предприниматели» добиваются успеха в политике, фиксация единства этнической группы может достичь краткосрочного, но мощного практического проявления в результате подлинной кристаллизации группового чувства, считает Р. Брубейкер [4]. Как отмечает А. Бозич-Робертсон, «этнические предприниматели», сознательно участвующие в «этнической мобилизации», используют такие инструменты, как СМИ и политический дискурс, и имеют, по мнению исследователя, наибольший потенциал в переходных обществах для политизации этничности, поскольку она является очень важным фактором, определяющим их политическую легитимность [6].

В соответствии с конструктивистской перспективой этничность не является реальностью в мире, — она, скорее, производится со временем как фоновое знание о мире, воплощается в индивидах и коренится в этнически значимом поведении. В результате деятельности «этнических предпринимателей» этничность приобретает политическое измерение и становится важнейшим политическим феноменом современности. «Этнические предприниматели» в политически и экономически нестабильных культурах часто используют ее для достижения своих политических целей [7].

Однако политические цели и методы могут достигаться различными путями. Обзор современной западной этнополитической литературы показывает, что большинство экспертов обсуждают негативные последствия этнической политики. По мнению авторов, в странах с политизированными этническими процессами наблюдается низкая макроэкономическая стабильность, замедленный рост, плохое управление, большая коррупция, ненадежные демократические системы, задержки и/или насильственные конфликты [8].

В то время как аналитики фокусируются на этнополитических конфликтах, предпринимательские темы являются все же наиболее эффективными для усиления политической значимости этничности и укрепления сплоченности группы [9].

Если говорить об историческом развитии Судана, то следует отметить, что последовательные миграции на его территории, а также пограничные вопросы, оставленные колониализмом, значительно изменили демографическую карту: страну называют «мини Африкой» ввиду ее многоэтнического и культурного разнообразия [10].

Судан характеризуется уникальным географическим положением, которое делало его уязвимым — во все времена за контроль над его ресурсами велись войны. Имея площадь около 1 886 068 км², он является третьей по величине африканской страной и имеет границы с семью арабскими и африканскими странами (миграция из которых представляется одной из основных причин его настоящего этнического разнообразия): Египтом и Ливией — на севере и северо-западе, Эритреей и Эфиопией — на востоке и юго-востоке, с современным государством Южный Судан — на юге и с Чадом и Центральной Африканской Республикой — на юго-западе. На северо-востоке Судан омывается Красным морем, которое простирается примерно на 853 км [11].

Рассматривая современный Судан, необходимо отметить, что нынешнюю ситуацию сформировало

множество этнических и политических конфликтов, а различные правительства и администрации играли в них заметную роль (позитивную и негативную), разжигая их тем или иным образом или содействуя мирному сосуществованию между различными социальными компонентами [12].

Так как этнические конфликты в Судане (как и в любой другой стране) не могут быть изолированы от политической системы государства, со временем они трансформировались в этнополитические, а эскалация вывела их за рамки традиционных племенных конфликтов [13].

Данные конфликты вспыхивают в подобных обществах время от времени из-за различных причин, связанных с обычаями, традициями, политической нестабильностью, экономической ситуацией и другими факторами, сопряженными с политическими предпочтениями, властью и богатством и даже проблемами собирательства и вторжения, возникающими между соседними племенами [14].

Таким образом, сила и периодичность конфликтов, увеличивающиеся с течением времени, стали влиять на социальную структуру и политическую стабильность страны, что, очевидно, отражает провал политики, проводимой правительствами с момента обретения Суданом независимости до настоящего времени.

Следует также отметить некоторые другие факторы и причины: поток оружия, идущий как от правительств, поддерживающих какую-либо группу (как это было ранее во время правления Эльсаддик Эль Махди или Омара Хасана Ахмеда аль-Башира), так и из соседних стран, включая Чад, Ливию, Центральную Африканскую Республику, Эфиопию [15]. Кроме того, Кения, Уганда и Демократическая Республика Конго неоднократно поддерживали повстанческие движения вплоть до отделения нового государства Южный Судан в 2011 г., которое было обособлено из-за внешней повестки и политики правительства США и других заинтересованных стран в регионе [16].

Все эти факторы способствовали тому, что племенные этнополитические конфликты приняли кровавую вооруженную форму [17].

Еще одной причиной обострения конфликтов всегда было вмешательство суданских правительств, которое некоторые этнические группы считали предвзятым, кроме того, сказывалось отсутствие легитимной и эффективной местной администрации/правительства (племенной системы). По мере ухудшения экономической ситуации все это

привело к появлению новых групп, которые впоследствии стали вовлекаться в конфликты либо их использовали для разжигания розни, разделения этнических групп и племен в собственных политических интересах.

Данную форму управления можно охарактеризовать как «народную организацию», которая осуществляет свои административные и социальные функции при низких административных издержках и в простой нежесткой бюрократической манере. Она основана на концепции расширения семьи с историческими корнями до создания современного государства, и ее важность для Судана вытекает из множественности особенностей и стилей жизни, отличающихся у разных племен.

Следует также отметить, что ошибочное вмешательство различных преемников суданского правительства через собственные политические партии и элиты всегда было триггером эскалации в конфликтных районах, таких как: территории Дарфур и Кордофан — в западной части, Нубийские горы — в южной части и — с недавних пор — на восточных территориях Гедарэф, Порт-Судан и Савакен, а также в Южном Судане до его отделения в 2011 г. Кроме того, война между вооруженными формированиями и суданским правительством в Дарфуре еще больше осложнила ситуацию, а в результате политической поляризации заинтересованные лица ловко манипулировали конфликтом.

Таким образом, вышеупомянутые аспекты повлияли на распределение должностей в местных органах власти, включая советы и учреждения, а также на государственный сектор. Подводя итог, можно отметить следующее:

1. Политизация конфликтов и вмешательство центрального правительства, особенно в период Исламского фронта в Судане, частично представляющего определенные этнические группы, вынудили стороны прибегнуть к услугам иностранцев, что привело к эскалации и интернационализации конфликтов.

2. Разрушение системы местного управления (родоплеменной системы), а затем ее восстановление с дальнейшей политизацией привело к тому, что она стала менее способна (чем в прошлом) разрешать племенные и этнические столкновения.

3. Поток оружия из соседних стран (Ливии, Чада, Эфиопии, Эритреи и др.) сыграл активную роль, разжигая и обостряя конфликты в зонах напряженности, окружающих эти территории.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ / REFERENCES

1. Rothschild J. *Ethnopolitics: A Conceptual Framework*. New York: Columbia University Press; 1981.
2. Авксентьев В.А., Аксумов Б.В., Гриценко Г.Д., Этничность в политических конфликтах: этнизация политики и политизация этничности. *Политическая наука*. 2020;3(1):74–97.
Aksentyev V.A., Aksumov B.V., Gritsenko G.D., Ethnicity in Political Conflicts: Ethnicization of Politics and Politicization of Ethnicity. *Politicheskaya nauka*. 2020;3(1):74–97.
3. Bourdieu P. *Language and symbolic power*, Cambridge: Mass. Harvard University press; 1991.
4. Brubaker R. *Ethnicity without groups*, Cambridge: Cambridge University Press; 2006.
Брубейкер Р. Этничность без групп. Пер. с англ. М.: Издательский дом Высшей школы экономики; 2012.
5. Brubaker R. *Ethnicity Without Groups*. Translated from Eng. Moscow: Izdatel'skiy dom Vysshej shkoly ekonomiki; 2012.
6. Bozic-Roberson A. *The politization of ethnicity as a prelude to ethnopolitical conflict: Croatia and Serbia in former Yugoslavia*. Diss. Doctor Sci. (Philosophy). Michigan: Western Michigan University; 2001. 272 p.
7. Бочек А.А. Конструктивистский подход к исследованию этнического самосознания личности. *Вестник КРАУНЦ. Серия «Гуманитарные науки»*. 2011;2(18):5–12.
Bocek A.A. The Constructivist Approach to the Study of the Ethnic Self-Consciousness of a Person. *Vestnik KRAUNC. Seriya «Gumanitarnye nauki»*. 2011;2(18):5–12.
8. Weber A., Hiers W., Flesken A. *Politicized ethnicity: Perspectives in comparative politics*. New York: Palgrave; 2016.
9. Авксентьев В.А., Аксумов Б.В., Гриценко Г.Д. Этничность в политических конфликтах: этнизация политики и политизация этничности. *Политическая наука*. 2020;(3):74–97.
Aksentyev V.A., Aksumov B.V., Gritsenko G.D. Ethnicity in Political Conflicts: Ethnicization of Politics and Politicization of Ethnicity. *Politicheskaya nauka*. 2020;(3):74–97.
10. Mekawi Bahaa El Din. *Strategies for managing ethnic diversity in Sudan*. URL: <https://search.emarefa.net/detail/BIM-47001>
11. Yasir P., Salauhaldin A. *The Impact of Sectarianism and Minorities on State Unity and Political Development — Sudan as a case study*. Unpublished master's thesis Palestine: Al-Najah National University; 2017.
12. Abdullah A.H. *Management and Administration in Sudan*. Khartoum: Madarat Publishing and Distribution House; 2021.
13. Musa A.M. *The Influence of Tribes on Political Stability in Sudan*. URL: <https://www.jstor.org/stable/48602241>
14. Musa A.M. *Darfur: From State Crisis to Superpower Conflict*. Doha: Al Jazeera Center for Research; 2009.
15. Al-Sauri H.A. *How Sudan is governed. A conference report on: Sudan: reality and prospects for the future*. Khartoum; 2012.
16. Fethiye L. *The West's Role in the Secession of South Sudan: Aims and Means*. *Algerian Journal of Security and Development*. 2012;(1):104–126.
17. Danny M.A.M. *The Role of Civil Administration in Facilitating National Reconciliation. A conference report about: the role of the Native Administration in promoting national reconciliation*. Khartoum; 2010.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / ABOUT THE AUTHOR

Мохаммед Хуссейн Абдальвахид Мохаммед — аспирант 2-го года обучения департамента политологии, Финансовый университет, Москва, Россия

Mohammed Hussain Abdalwahid Mohammed — 2nd year postgraduate student of the Department of Political Science, Financial University, Moscow, Russia

<https://orcid.org/0000-0003-0067-661X>

KMokhammed2021@edu.fa.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The author has no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 12.01.2023; принята к публикации 02.03.2023.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The article was received on 12.01.2023; accepted for publication on 02.03.2023.

The author read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2023-13-2-121-127
УДК 32.019.57(045)

Технологии противодействия мобилизации протестной активности населения: проблемы и перспективы в условиях проведения специальной военной операции

К.Т. Лукьяненко

Финансовый университет, Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

На фоне текущей социально-экономической и геополитической обстановки, вызванной проведением специальной военной операции, особую роль приобретают вопросы, связанные с поддержанием внутривнутриполитической стабильности государства, попытки подорвать которую усиленно осуществляются со стороны заинтересованных сил с применением различных технологий, в том числе путем мобилизации протестной активности населения. В статье автор рассматривает некоторые технологии противодействия росту и мобилизации протестной активности населения, которые используются в настоящее время в России, а также по итогам проведенного анализа рассматривает проблемы и перспективы дальнейшего развития данной сферы с учетом сложившихся особенностей функционирования системы и вскрывшихся институциональных проблем.

Ключевые слова: внутренняя политика; конституционный строй; некоммерческие организации; иностранный агент; гражданское общество; экстремизм; протесты; правоохранительные органы

Для цитирования: Лукьяненко К.Т. Технологии противодействия мобилизации протестной активности населения: проблемы и перспективы в условиях проведения специальной военной операции. *Гуманитарные науки*. 2023;13(2):121-127. DOI: 10.26794/2226-7867-2023-13-2-121-127

ORIGINAL PAPER

Technologies for Counteracting the Mobilization of Protest Activity of Population: Problems and Prospects in the Context of a Special Military Operation

K.T. Lukianenko

Financial University, Moscow, Russia

ABSTRACT

Against the backdrop of the current socio-economic and geopolitical situation caused by the conduct of a special military operation, issues related to maintaining the internal political stability of the state acquire a special role, attempts to undermine which are being intensified by interested forces using various technologies, including by mobilizing the protest activity of the population. In the article, the author considers some technologies for counteracting the growth and mobilization of the protest activity of the population, which are currently used in Russia, and also, based on the results of the analysis, considers the problems and prospects for the further development of this area, taking into account the existing features of the functioning of the system and the institutional problems that have been revealed.

Keywords: domestic politics; constitutional system; non-profit organizations; foreign agent; civil society; extremism; protests; law enforcement agencies

For citation: Lukianenko K.T. Technologies for counteracting the mobilization of protest activity of population: Problems and prospects in the context of a special military operation. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2023;13(2):121-127. DOI: 10.26794/2226-7867-2023-13-2-121-127

В условиях сложившейся геополитической и социально-экономической обстановки, которая обострилась после начала проведения специальной военной операции 24 февраля 2022 г., можно констатировать увеличение численности попыток мобилизации протестной активности населения со стороны как внутренних, так и внешних сил путем использования ряда технологий и методов манипулирования общественным мнением.

В данных условиях приоритетным направлением работы государства является обеспечение правопорядка и недопущение искусственной радикализации общественных настроений. Ситуация, которую можно сегодня наблюдать в части попыток мобилизации протестной активности населения, была сформирована под воздействием ряда благоприятствующих для ее возникновения факторов. Среди них можно выделить следующие:

- проведение специальной военной операции;
- рост напряжения в международных отношениях между Российской Федерацией и отдельными иностранными государствами;
- ухудшение ряда макроэкономических показателей, отражающих уровень социально-экономического развития Российской Федерации;
- проведение частичной мобилизации;
- введение экономических санкций в отношении Российской Федерации, в том числе закрытие ряда иностранных предприятий на территории страны;
- иные факторы.

Все перечисленные факторы способствовали катализации процесса осуществления мероприятий, направленных на мобилизацию протестной активности населения Российской Федерации.

Так, индикатором данного роста является, например, увеличение численности случаев судебного запрета на деятельность отдельных неправительственных организаций и социально ориентированных некоммерческих организаций¹ (в том числе средств массовой информации и отдельных физических лиц), которые в той или иной степени являясь ли-

дерами общественного мнения, оказывали информационное воздействие на население с целью формирования негативного отношения к государственной власти или ее отдельным представителям.

Можно выделить следующие отдельные методы осуществления работы, направленной на мобилизацию протестной активности со стороны заинтересованных сил, которые активно используются в последние годы в отношении населения Российской Федерации, условно разделив их на несколько групп (по временной протяженности реализации мероприятий):

— «Long run» (комплекс мероприятий, реализуемых на протяжении относительного длительного временного промежутка с целью формирования долгосрочных эффектов). К данному виду можно отнести следующие виды деятельности, направленной на мобилизацию протестных настроений и создание условий, благоприятствующих их росту:

- поиск и выявление граждан, выражающих симпатию соответствующим заинтересованным силам, одна часть которых может быть использована в качестве проводников необходимых идей на территории Российской Федерации, а другая задействована в качестве вербовочного контингента для дальнейшей работы на организации, осуществляющие противоправную деятельность на российской территории в интересах иностранных государств или международных организаций;
- формирование пула агентов влияния за счет создания и популяризации собственных лидеров общественного мнения, которые будут формировать нужные социальные настроения и тиражировать подготовленные информационные материалы (в том числе носящие компрометирующий или дискредитационный характер в отношении представителей государственной власти);
- реализация программ обмена студентами и запуск дополнительных образовательных курсов за пределами Российской Федерации для формирования соответствующей системы мировоззрения у отобранных граждан для их дальнейшего использования в своих целях уже на территории России;
- развитие отдельных информационных ресурсов, рассчитанных на разные целевые аудитории, которые по совокупности могли бы охватывать максимальное количество

¹ С начала года в РФ ликвидировали или признали нежелательной 31 иностранную организацию. URL: <https://www.interfax.ru/russia/858742> (дата обращения: 03.01.2023).

нужных социальных групп (причем данные ресурсы могут быть как ярко выраженного оппозиционного толка, так и такие, которые до определенного момента пребывают в стадии политически нейтральных);

- развитие сети некоммерческих организаций правозащитного толка (наиболее популярные сферы: защита прав отдельных категорий граждан и сексуальных меньшинств, сохранение экологии и окружающей среды, борьба с коррупцией, институты развития демократии и др.), под эгидой социально ориентированной деятельности осуществляющих работу, направленную на дискредитацию органов государственной власти на местах и формирование группы оппозиционно настроенных граждан, которых при необходимости возможно будет мобилизовать на активные действия в сжатые сроки;

- иные виды деятельности.

— «Short run» (комплекс мероприятий, реализуемых в условиях ограниченного времени, как правило, с тактическими целями, требующими оперативного решения), к которым можно отнести такие виды деятельности, как:

- реализация специальных проектов, направленных на явную и открытую дискредитацию государственной власти в глазах населения Российской Федерации, которые могут осуществляться, в том числе, с территории иностранных государств. Так, например, в Литве при поддержке правительства был запущен проект, суть которого заключается в международном наборе волонтеров для осуществления звонков случайным гражданам Российской Федерации и склонения их (по подготовленной методологии построения разговора, включая неоднократный контакт) к осуществлению действий, направленных против проводимой Российской Федерацией политики в отношении специальной военной операции;

- осуществление открытой агитации и призывов через доступные каналы коммуникации (СМИ, социальные сети, информационные ресурсы) с целевой аудиторией против осуществляемой Российской Федерацией политики [1];

- запуск сфальсифицированных информационных поводов, в том числе через имеющих агентов влияния и оппозиционно настроенных лидеров общественного мнения;

- консолидация и активизация гражданской активности аполитично настроенных граждан вокруг политически нейтральной социально значимой проблематики (например, вывод на протесты граждан, выступающих против строительства мусоросжигающего завода на территории их района проживания и др.);

- реализация методов ненасильственных действий в соответствии с методологией Дж. Шарпа [2];

- иные действия.

Таким образом, осуществляемую заинтересованными силами деструктивную работу, направленную на мобилизацию и рост протестной активности населения Российской Федерации, можно подразделить на несколько взаимодополняющих видов, которые используются в совокупности и взаимно дополняют друг друга, образуя системную работу.

При этом отдельно стоит отметить, что наиболее уязвимой для формирования протестных настроений категорией граждан является молодежь, родившаяся в 90-е — начале 2000-х гг., главным образом по причине отсутствия должной своевременной работы по установлению ценностно-нравственных ориентиров со стороны государства [3], что привело к значительному усилению поколенческих разрывов [4].

Другой немаловажной тенденцией является то, что среди изначально не настроенной оппозиционно части населения формирование протестных настроений и последующая мобилизация протестной активности осуществляется заинтересованными силами путем «давления» на чувство патриотизма, и протест формируется именно по отношению к системе государственной власти, а не к стране в целом. Все это позволяет создать такие психологические условия для мобилизации протестной активности, чтобы действия граждан осуществлялись на идеологической почве с искренней верой в собственную правоту во благо интересов страны. Подобные ситуации являются следствием ряда упущений при реализации государственной политики, направленной на воспитание патриотизма и гражданственности в молодежной среде.

Описанные методы целенаправленного воздействия с целью мобилизации и роста протестных настроений среди населения Российской Федерации сталкиваются с противодействием,

осуществляемым уполномоченными российскими государственными структурами в соответствии с установленными правовыми нормами.

Среди основных мероприятий по обеспечению противодействия указанным деструктивным факторам можно выделить следующие:

- совершенствование нормативно-правового регулирования вопросов, связанных с профилактикой и противодействием рассматриваемым деструктивным инструментам (совершенствование отдельных статей и глав Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях и Уголовного кодекса Российской Федерации);

- уточнение статуса иностранного агента и выстраивание механизма контроля за такими лицами в рамках принятия Федерального закона от 14.07.2022 № 255-ФЗ «О контроле за деятельностью лиц, находящихся под иностранным влиянием», под статус которых попали многие лидеры общественного мнения, которые, формируя те или иные антигосударственные настроения в Российской Федерации, получали в том или ином формате финансирование из иностранных источников (по состоянию на 1 декабря 2022 г. — более 493 физических и юридических лиц)²;

- совершенствование механизма блокировки интернет-ресурсов, размещающих информацию, направленную на мобилизацию протестной активности населения, в том числе социальных сетей, признанных в установленном порядке экстремистскими;

- игнорирование со стороны официальных представителей органов государственной власти Российской Федерации провокационных информационных поводов, подготовленных с целью дискредитации проводимой государственной политики в глазах населения;

- создание и привлечение к работе с населением пула системных социально ориентированных некоммерческих организаций, поддерживаемых государством через различные механизмы (субсидии, льготы, гранты и др.);

- замещение негативной информации позитивной через доступные для государственных структур информационные каналы связи с населением;

- привлечение системных лидеров общественного мнения, должностных лиц и организаций к решению проблем, потенциально имеющих широкий общественный резонанс, с целью опережающего пресечения негативного информационного повода;

- осуществление своевременного административного и уголовного преследования лиц, осуществляющих дискредитацию отдельных решений государства, а также имеющих иностранное финансирование и осуществляющих работу по формированию негативного общественного мнения по отношению к проводимой государственной политике;

- иные мероприятия.

При этом, рассматривая реализуемые государственными акторами меры по обеспечению противодействия росту и мобилизации протестной активности населения со стороны заинтересованных антироссийских сил, необходимо отметить факт наличия ряда институциональных проблем, которые в своей совокупности оказывают обратный эффект и способствуют деструктивному воздействию на общественное мнение и, как следствие, — росту протестных настроений. Среди таких проблем можно выделить следующие:

- наличие «перегибов» или коррупционных ситуаций при работе отдельных должностных лиц и органов государственной власти на местах, что периодически приводит к возникновению широкого общественного резонанса вокруг той или иной ситуации местного уровня и таким образом формирует негативное мнение по отношению к государству у граждан, которые изначально имели иную позицию;

- отсутствие действенно выстроенной системной работы с молодежью как наиболее мобильной возрастной группой. Несмотря на то что в настоящее время под государственным патронажем запущен ряд общественных проектов, направленных на осуществление воспитательной работы с детьми и молодежью (например, «Российское движение школьников», «Движение первых» и др.), целое поколение молодежи старшего возраста уже «упущено», а эффект от запуска обозначенных движений будет только в отсроченной перспективе;

- дефицит качественного контента, доступного для ценностного понимания и кор-

² Минюст опубликовал единый список иноагентов. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5695590> (дата обращения: 10.01.2023).

ректного восприятия со стороны молодежи, в силу наличия ранее описанных поколенческих разрывов;

- перегруженность уполномоченных органов государственной власти и наличие «палочной» системы;

- иные проблемы.

Описанные проблемы зачастую приводят к возникновению ряда негативных факторов, которые приводят к созданию благоприятных условий для мобилизации протестной активности населения.

Таким образом, можно спрогнозировать развитие в Российской Федерации в краткосрочном периоде следующих тенденций в сфере протестных настроений населения:

- дальнейшее усугубление ситуации с ростом протестной активности населения на фоне проведения частичной мобилизации и специальной военной операции;

- по мере развития негативного эффекта от вводимых отдельными государствами антироссийских экономических санкций может наблюдаться рост националистических настроений (как следствие выражения протестной активности на фоне изменения отдельных экономических показателей), особенно в национальных республиках с профицитным бюджетом. Полагается, что данные ситуации могут возникать на фоне роста уровня выпадающих доходов бюджета субъекта Российской Федерации, а также части доходов, которые передаются в федеральный бюджет;

- радикализация молодежной среды как наиболее подверженной риску возрастной группы населения, в том числе рост молодежных преступных группировок, состоящих из участников специальной военной операции, а также кадровых военнослужащих, которые по состоянию здоровья были комиссованы из рядов Вооруженных сил Российской Федерации (по аналогии с ситуацией роста численности ветеранских группировок после войны в Афганистане). Это может произойти в силу отсутствия в настоящее время в стране действенной системы реабилитации и ресоциализации ветеранов боевых действий, которая позволила бы лицам (особенно с приобретенной инвалидностью) после окончания военной службы с помощью государства гарантированно трудоустроиться и преодолеть посттравматический синдром;

- дальнейшее обострение международных отношений и, как следствие, активизация деятельности деструктивных сил по мобилизации протестной активности населения Российской Федерации с целью подрыва конституционного строя и ослабления государства во время проведения специальной военной операции;

- ухудшение макроэкономических показателей и падение качества жизни россиян, что может спровоцировать рост протестной активности, в том числе за счет внешнего воздействия;

- иные тенденции.

При этом обозначенные негативные тенденции при должном выстраивании работы со стороны государства можно нивелировать. Так, целесообразно проработать следующие перспективные направления:

- дальнейшее совершенствование правового регулирования статуса «иностранный агент» и расширение практики его использования в отношении физических и юридических лиц, в том числе в контексте возможных ограничений для таких лиц с целью недопущения активизации деятельности деструктивных сил по формированию протестных настроений среди населения и последующей мобилизации протестной активности;

- запуск дополнительных мер адресной социальной поддержки населения в текущих социально-экономических условиях, а также создание дополнительных налоговых и экономических преференций отдельным субъектам Российской Федерации в преддверии избирательного цикла 2024 г. с учетом наличия экономической целесообразности;

- недопущение снижения эффективности работы правоохранительных органов и спецслужб по направлениям, связанным с защитой конституционного строя в соответствии с приоритетами, обозначенными Президентом Российской Федерации в обращении в честь Дня сотрудника органов государственной безопасности от 20 декабря 2022 г.³;

- санкционированное усиление борьбы с коррупцией на всех уровнях, в том числе путем задействования ранее наработанных

³ Видеообращение по случаю Дня работника органов безопасности. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/70146> (дата обращения: 14. 01.2023).

материалов, на использование которых в настоящее время нет политической воли;

- осуществление кадровых ротаций среди руководства силового блока;
- проведение дополнительной разъяснительной работы с населением о государством политике, в том числе с применением технологий «мягкой силы» и через не прямые методы формирования общественного мнения с особым фокусом внимания на молодежь и те социальные группы, которые колеблются в выражении своего отношения к действиям государства.

Таким образом, рассматривая вопросы, связанные с проблемами и перспективами противодействия росту и мобилизации протестной активности населения на фоне проведения специальной военной операции, стоит сказать о том, что текущая геополитическая и, как следствие, социально-экономическая обстановка в Российской Федерации стали своего рода катализатором для активных действий внешних антироссийских акторов.

При этом сложившаяся ситуация в части попыток заинтересованных сил по мобилизации протестной активности российского населения вскрыла ряд существующих институциональных проблем касательно профилактики и противодействия таким деструктивным действиям.

Вместе с тем нельзя не отметить, что благодаря ранее осуществленным попыткам деструктивных сил мобилизовать протестную активность российских граждан и направить ее по радикальному сценарию (которые были успешно предотвращены и нивелированы благодаря совместным действиям заинтересованных структур и ведомств) был наработан уникальный опыт оперативного и своевременного реагирования на уровне системы на подобные риски и угрозы, что в условиях текущей ситуации позволило соответствующим структурам не допустить возникновения открытых массовых протестных акций и народных волнений.

При этом стоит еще раз отметить, что назрела определенная необходимость кадровой ротации среди отдельных представителей руководства силового блока, чтобы устранить

факторы, которые негативно влияют на работу системы в целом.

Также созданы предпосылки для дальнейшего совершенствования существующих механизмов и выстраивания действенной системы пресечения радикализации протестных настроений среди населения.

Вместе с тем текущие условия требуют от государства повышенного внимания к вопросам обеспечения государственной безопасности, в том числе касаясь радикализации протестных настроений в условиях проведения специальной военной операции. В этой связи представляется обоснованным допустить целесообразность дальнейшего усиления государственного контроля в обозначенной сфере.

В Российской Федерации в настоящее время созданы все условия и предпосылки для действенного пресечения действия заинтересованных деструктивных сил. При сложившейся геополитической ситуации остается высокий риск дальнейшего роста протестной активности населения из-за социально-экономических факторов, возникших вследствие экономических санкций.

Полагаем, что в данной ситуации важнейшей задачей государства (в том числе в преддверии ближайших электоральных циклов) является поддержание социально-экономической стабильности за счет качественного сохранения уровня жизни населения в пределах показателей доковидного периода.

В этом контексте важно выстраивать системную работу по стимулированию развития социально-экономических показателей на местах, что позволит снизить уровень протестных настроений среди населения за счет улучшения качества жизни.

Таким образом, лишь совместная системная работа силового и внутривнутриполитических блоков позволит в должной мере обеспечить поддержание эффективного функционирования и дальнейшее противодействие деятельности деструктивных сил по мобилизации протестной активности населения Российской Федерации в текущих социально-экономических реалиях в условиях проведения специальной военной операции.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Шатилов А. Б. «Диванные войска» как новая форма информационно-пропагандистского сопровождения политических и военных конфликтов в начале XXI в. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/>

- divannye-voyska-kak-novaya-forma-informatsionno-propagandistskogo-soprovozhdeniya-politicheskikh-i-voennyh-konfliktov-v-nachale-xxi-v (дата обращения: 21.01.2023).
2. Аббасов Р. Г. Джин Шарп: политологический плагиат или «Классика цветных революций»? URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/dzhin-sharp-politologicheskij-plagiat-ili-klassika-tsvetnyh-revoljutsiy> (дата обращения: 09.01.2023).
  3. Лукьяненко К. Т. Рост деструктивной активности в молодежной среде: причины и перспективы. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rost-destruktivnoy-aktivnosti-v-molodezhnoy-srede-prichiny-i-perspektivy> (дата обращения: 11.01.2023).
  4. Шатилов А. Б. Поколенческие разрывы как фактор роста конфликтности в современном российском обществе. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pokolencheskie-razryvy-kak-faktor-rosta-konfliktnosti-v-sovremennom-rossijskom-obschestve> (дата обращения: 21.01.2023).

REFERENCES

1. Shatilov A. B. "Divan troops" as a new form of information and propaganda accompaniment of political and military conflicts in the beginning of XXI century. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/divannye-voyska-kak-novaya-forma-informatsionno-propagandistskogo-soprovozhdeniya-politicheskikh-i-voennyh-konfliktov-v-nachale-xxi-v> (accessed on 21.01.2023).
2. Abbasov R. G. Gene Sharp: Political Plagiarism or "Classics of Color Revolutions"? URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/dzhin-sharp-politologicheskij-plagiat-ili-klassika-tsvetnyh-revoljutsiy> (accessed on 09.01.2023).
3. Luk'yanenko K. T. The growth of destructive activity in young environment: reasons and prospects. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rost-destruktivnoy-aktivnosti-v-molodezhnoy-srede-prichiny-i-perspektivy> (accessed on 11.01.2023).
4. Shatilov A. B. Generational gaps as a factor in the growth of conflict in contemporary Russian society. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pokolencheskie-razryvy-kak-faktor-rosta-konfliktnosti-v-sovremennom-rossijskom-obschestve> (accessed on 21.01.2023)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / ABOUT THE AUTHOR

Кирилл Тимурович Лукьяненко — аспирант факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет, Москва, Россия

Kirill T. Lukianenko — graduate student, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University, Moscow, Russia

<https://orcid.org/0000-0002-2556-7295>

Lukianenko0817@mail.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The author has no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 22.01.2023; принята к публикации 15.03.2023.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The article was received on 22.01.2023; accepted for publication on 15.03.2023.

The author read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2023-13-2-128-134
УДК 94(47)084.3(003)(045)

Русско-японская война 1904–1905 годов в документах Департамента полиции и Московского охранного отделения

С.В. Медведев^а, Е.Е. Кочетков^б, Е.В. Бестаева^с

^{а,б} Российский университет транспорта (МИИТ), Москва, Россия;

^с Финансовый университет, Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

В статье проанализирована оперативная документация Департамента полиции и Московского охранного отделения, касающаяся тем, так или иначе связанных с русско-японской войной 1904–1905 гг. Авторы рассматривают спорный вопрос призыва на военную службу офицеров запаса, служащих в полиции; переписку официальных лиц по вопросу двойного жалования полицейских, призванных на фронт. В исследование включены сообщения начальников местных розыскных учреждений о лицах, позволивших себе антивоенные высказывания. Документы, проанализированные в работе, содержатся в фондах Государственного архива Российской Федерации – 102 (Департамент полиции) и 63 (Московское охранное отделение). Частично использованы документы 58-го фонда (Московское губернское жандармское управление) и 124-го фонда (Уголовные отделения первого департамента министерства юстиции). В исследовании архивных документов применены методы контент-анализа и хронологический.

Ключевые слова: источники; революционное движение; солдатские бунты; доносы; японцы; охранное отделение; губернское жандармское управление

Для цитирования: Медведев С.В., Кочетков Е.Е., Бестаева Е.В. Русско-японская война 1904–1905 годов в документах Департамента полиции и Московского охранного отделения. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2023;13(2):128-134. DOI: 10.26794/2226-7867-2023-13-2-128-134

ORIGINAL PAPER

The Russo-Japanese War of 1904–1905 in the documents of the Police Department and the Moscow Guard Department

S.V. Medvedev^а, E.E. Kochetkov^б, E.V. Bestaeva^с

^{а,б} Russian University of Transport (MIIT), Moscow, Russia;

^с Financial University, Moscow, Russia

ABSTRACT

The article analyzes the operational documentation of the Police Department and the Moscow Guard Department, concerning topics related in one way or another to the Russo-Japanese war of 1904–1905. The authors consider the controversial issue of drafting reserve officers, who served as policemen, into the army; officials' correspondence on the issue of double salaries of police officers who had been drafted to the front. The article includes reports from the heads of local investigative agencies about those who allowed themselves anti-war statements. The documents analyzed in the article are kept in the funds of the State Archive of the Russian Federation – 102 (Police Department) and 63 (Moscow Guard Department). The documents of the 58th fund (Moscow Provincial Gendarme Department) and 124th fund (Criminal departments of the first Department of the Ministry of Justice) were partially used.

Keywords: sources; revolutionary movement; soldiers' riots; denunciations; Japanese; guard department; provincial gendarme department

For citation: Medvedev S.V., Kochetko E.E., Bestaeva E.V. The Russo-Japanese war of 1904–1905 in the documents of the Police Department and the Moscow Guard Department. *Vestnik Finasovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2023;13(2):128-134. DOI: 10.26794/2226-7867-2023-13-2-128-134

О русско-японской войне написано большое количество научных трудов. Исследователи скрупулезно изучали общественное мнение в разных странах; военные, дипломатические, экономические, медицинские, культурные аспекты войны [1–7]. В то же время публикаций, в которых русско-японская война рассматривалась бы на основе преимущественно полицейских документов, в российской историографии до сих пор нет. Настоящая статья призвана частично восполнить имеющийся пробел.

Одним из вопросов, который серьезно беспокоил администрацию многих российских городов, был призыв на военную службу полицейских, состоящих офицерами запаса. 3 ноября 1904 г. градоначальник Санкт-Петербурга генерал-адъютант И.А. Фуллон писал министру внутренних дел П.Д. Святополк-Мирскому: «Десять офицеров запаса армии, состоящих на службе в Санкт-Петербургской столичной полиции, ввиду последовавшего объявления Высочайшего повеления о мобилизации армии, освобождены мною от исполнения своих служебных обязанностей, за призывом на действительную военную службу, и отправились к месту новой службы. Затем, ввиду Высочайшего повеления о призыве из запаса офицерских чинов запаса, для пополнения войсковых частей, как действующих на Дальнем Востоке, так и расположенных вне районов войны, призваны были на действительную военную службу еще восемь чиновников полиции. Ныне призывные листы вручены еще троим старшим помощникам приставов столичной полиции и одному паспортисту»¹. Фуллон предлагал освободить офицеров запаса, служащих в столичной полиции, от призыва в армию по двум причинам: во-первых, оперативно найти замену было практически невозможно, во-вторых, у призванных лиц сохранялось материальное обеспечение по гражданской должности (т.е. фактически это означало две заработные платы). Столичный градоначальник предупреждал министра внутренних дел и военного министра о возможном недокомплекте полиции Санкт-Петербурга: «Исключительное положение Петербурга как столицы государства, резиденции Государя Императора и постоянного места пребывания Высочайших особ, а равно особые условия охраны

общественного порядка и спокойствия в городе, не допускали до сего времени возможность держать некомплект чинов полиции, и отсутствие чиновников полиции, призванных на действительную военную службу, ставит местную полицию в крайне затруднительное в этом отношении положение»². Ответ П.Д. Святополк-Мирского И.А. Фуллому не отличался определенностью: «...ввиду крайней затруднительности провести в законодательном порядке вопрос об освобождении от призыва всех чинов Санкт-Петербургской столичной полиции, в особенности в настоящее время, необходимо в будущем ограничиваться ходатайством пред Военным Министерством о временном освобождении призываемых от службы в войсках, по истечении же времени отсрочки — возобновлять таковые ходатайства»³. И.А. Фуллон был не одинок в ходатайствах на имя министра внутренних дел. Идентичные послания отправили П.Д. Святополк-Мирскому Санкт-Петербургский губернатор А.Д. Зиновьев («заставить призываемых должностных лиц, без ущерба для общего дела, мне нечем, тем более, что на сие в распоряжении моем не имеется никаких денежных средств»⁴) и главноначальствующий гражданской частью на Кавказе генерал-от-инфантерии, генерал-адъютант князь Г.С. Голицын («...из каких средств следует покрывать издержки по двойному удовлетворению содержания лиц, призываемых в настоящее время на военную службу с гражданских должностей, и лиц, назначаемых на их место в таких случаях, когда, для пользы дела, должность не может быть оставлена без фактического исправления»⁵). 27 мая 1904 г. товарищ министра внутренних дел А.С. Стишинский разослал всем губернаторам разъяснения о том, что все мобилизованные должны получать выплаты по гражданским должностям в полном объеме: жалование, столовые, квартирные, пенсии, добавочное содержание, пособие на воспитание детей, жалование за знаки отличия и другие. Несмотря на то что Министерство внутренних дел подробно разъяснило спорный вопрос, Стишинский продолжал получать жалобы от бывших полицейских, рядовых и офицеров, призванных на фронт. Так, 9 августа 1905 г. ему написал штабс-капитан 100-го пехотного Остров-

² Там же.

³ Там же. Л. 10 б.

⁴ Там же. Л. 12.

⁵ Там же. Л. 27–28.

¹ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 102. Оп. 105. Д. 222. Л. 9.

ского полка Евгений Николаевич Ольшевский: «Сотни запасных, призванных с государственной гражданской службы на военное дело, не лишены должности и содержания, а я, может, один, вследствие простого недоразумения, лишен должности и содержания. Пострадав на театре военных действий, и вследствие болезненного состояния, после полученной контузии снарядом шимоза в голову, эвакуированный в Россию, я с надеждой на участие в этом деле Вашего Превосходительства, прошу восстановить потерянные вследствие недоразумения мои права на должность пристава и содержание»⁶. В отдельных случаях разбирательства по вопросу жалования продолжались до конца 1911 г. К примеру, запасной зауряд-прапорщик Георгий Золин в 1911 г. ходатайствовал о выдаче ему жалования по должности урядника за время пребывания на военной службе в период русско-японской войны⁷.

Другим вопросом, беспокоящим Департамент полиции во время русско-японской войны, можно считать сообщения губернаторов с мест. Особенно тревожные вести приходили из сибирских губерний. Томский губернатор В. Н. Азанчевский-Азанчев в 23 февраля 1905 г. отправил в Департамент полиции протокол бийского уездного исправника, в котором ярко живописались общественные настроения среди «инородческого населения» Горного Алтая. Исправник сообщал: «Нанка Лапасов, Баба Чемылов и Сексемей Кербеев ездят по аилам и распространяют слухи, что Японский Царь победил Белого Царя и вплоть до города Иркутска завоевал все города, забрав железную дорогу и Золотую Гору (Порт-Артур), заявляя при этом, что они лично видели Японского Царя, которого и видят Япона-Ойрота, и напоминают калмыкам, чтобы они верили им, называя себя “джарлыками”, то есть проповедниками, возвещают народу о том, что на том месте, где был взят Чета Челпанов, весной спустится с неба железная молельня, которую русским не разрушить, и что все верующие моментально очутятся за тремя сопками в вершине реки Катуня и перейдут моментально в Японию, что у Белого Царя нет золота, почему и выпускает бумажные деньги»⁸. Слухи, распускаемые «джарлыками», дополнялись молитвами калмыков богу Бурхану и надеждами

на то, что весной 1905 г. придет «царь Япон и будет русских бить». 18 марта бийский исправник отправил прокурору Томского окружного суда дополнительную информацию: «...калмыки Алтая начинают волноваться; одновременно с этим в городе Бийске, и особенно в его уезде, стали ходить слухи о движении среди калмыков, подобном прошлогоднему, и враждебном отношении к русскому населению, между прочим говорили, что калмыки скупают в большом количестве хлеб, складывают его где то в горах с тем, чтобы отправить в Японию, препятствуют проведению телеграфа по чуйскому тракту и уже опрокинули 15 телеграфных столбов»⁹.

В городах европейской части Российской империи, наоборот, агрессию и подозрения вызывали японцы. Преподаватель японского языка факультета восточных языков Императорского Санкт-Петербургского университета Йосибуми Куроно 4 апреля 1907 г. написал жалобу в Департамент полиции на своего коллегу, который на протяжении нескольких лет безосновательно обвинял его в шпионаже против России: «В 1904 году, с началом русско-японской войны, моим учеником и сотрудником по составляемому и издаваемому нами ныне солидному научному труду — первому в России “Самоучителю Японского языка”, В. П. Панаевым, был составлен и издан под моей редакцией “Военный русско-японский толмач”. Толмач этот, согласно многим письменным и устным отзывам, оказался составленным крайне добросовестно и на войне очень полезным. Между тем, в конце того же 1904 года, некий преподаватель древних языков в гимназии В. А. Завадский-Краснопольский, имеющий самое поверхностное понятие о языке японцев, руководимый исключительно чувством мести за отказ мой давать ему уроки и снабдить его первыми листами неоконченного еще “Самоучителя”, выступил против меня в печати с обвинением, что я изобрел семь способов искажения “Толмача” с целью нанести вред Русской Армии. Несмотря на полную абсурдность такого заявления и солидное опровержение в печати, он все же продолжал свои нападки, что и побудило меня и составителя “Толмача” г. Панаева привлечь его к уголовной ответственности за клевету»¹⁰. В 1907 г. состоялись слушания в столичном Окружном суде,

⁶ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 102. Оп. 105. Д. 222. Л. 71.

⁷ Там же. Л. 236.

⁸ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 102. Оп. 103. Д. 1 ч. 42 л. Б. Л. 2.

⁹ Там же. Л. 8.

¹⁰ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 102. Оп. 105. Д. 2. Л. 102.

однако дело было отправлено на доследование. Как считал Куроно, суд не смог вынести никакого решения из-за того, что Завадский-Краснопольский «собирается играть исключительно только на том, что я японец, а так как де большинство японцев были шпионами, то тем самым возбудить против меня Суд и общественное мнение». Разочаровавшись в суде, Йосибуми Куроно обращался с парадоксальной просьбой в Департамент полиции: «Ввиду этого, равно как и того моего глубокого сознания, что я ни в чем не провинился пред Его Императорским Величеством Государем Императором Российской Империи, Всемилостивейше предоставившем мне, японскому подданному, проживать во все время войны в пределах Его Государства и продолжать заниматься моим мирным трудом, равно как и не чувствуя вины пред Его Народом, я имею честь ныне ходатайствовать пред Департаментом полиции о выдаче личного мне свидетельства в том, что за мной ничего предосудительного замечено не было, почему я и пользовался во все время русско-японской войны полнейшей свободой жительства в пределах Российской империи»¹¹. Судя по всему, в дальнейшем подобные неприятные истории обходили Йосибуми Куроно стороной; исследователи отмечают педагогические успехи преподавателя в 1910-е гг.: «Йосибуми Куроно... преподавал будущему ректору Московского университета Николаю Невскому, а также Сергею Елисееву и Мартину Раммингу, которые заложили основы японологии в Европе и Америке [8].

Охранные структуры внимательно следили за поведением общественности на публичных мероприятиях. 27 января 1904 г., в день начала русско-японской войны, в здании Благородного собрания в Москве состоялось заседание губернского земства. Домашняя учительница Люция-Мария Адольфовна Крушевская, судя по справке Московского охранного отделения, позволила себе «демонстративно не встать во время чтения Председателем Собрания Князем Трубецким всеподданнейшей телеграммы на Высочайшее Имя, с выражением верноподданических чувств, по поводу событий на Дальнем Востоке, за что ей и было воспрещено жительство в Москве и Московской губернии сроком на три года»¹². Репертуар театров также подвергался контролю.

¹¹ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 102. Оп. 105. Д. 2. Л. 102.

¹² Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 63. Оп. 24. Д. 431. Л. 131.

28 января 1905 г. начальник Оренбургского губернского жандармского управления сообщал в Департамент полиции: «В городском театре была поставлена драма Хейрманда “Гибель надежды”..., вызвавшая среди публики волнения, благодаря сюжету... Артист Никулин позволил себе в некоторых местах своей роли добавлять от себя выражения, не имеющиеся в тексте пьесы, так например: в 1 действии, рассказывая о том, что на войне он получил в награду медаль за то, что убивал невинных людей и, бросая (по пьесе) таковую на пол, прибавил от себя слова: “будь она проклята”. Указанные выше оттенки и вставка, вызывая одобрение райка, настолько взволновали часть публики партера, что некоторые военные, а также и гражданские лица, покинули театр до окончания спектакля, а среди публики слышались ироничные замечания в роде следующего: “зачем разбрасываются по городу прокламации, когда смысл их можно услышать на сцене”»¹³.

Революционно настроенные активисты использовали военные обстоятельства в своих целях. 16 октября 1904 г. товарищ прокурора Московского окружного суда Добрынин писал прокурору Московской судебной палаты: «15 сего октября Московским охранным отделением были получены сведения, что в университете появилось объявление, которым студенты приглашаются вечером того же числа прибыть на Ярославский вокзал для должных проводов отъезжающих на Дальний Восток. Вечером действительно предстояла отправка в город Ярославль запасных нижних чинов и отъезд туда прапорщиков запаса. В десятом часу вечера на Ярославском вокзале начали собираться студенты, которые находились в зале 1 класса в количестве более 100 человек. Один из студентов, встав на стол, произнес речь, в которой говорил о бесцельности ехать на войну с внешним врагом, когда остается дома внутренний враг — правительство, причем названный студент окончил свою речь возгласом: «долгой самодержавие», а остальные студенты подхватили этот возглас и запели известную противоправительственную песню под заглавием “Рабочая Марсельеза”. Произошла свалка, а между тем дожидавшиеся в зале 3 класса нижние воинские чины, отъезжавшие в Ярославль, возмущенные происшествием, выбежали на платформу и оттеснили студентов и бывших с ними каких-то

¹³ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 102. Оп. 103. Д. 1 ч. 29 л. Б. Л. 1.

женщин сначала в вокзал, а оттуда на Каланчевскую площадь, причем бежавшим студентам были нанесены побои»¹⁴. Зачастую революционно настроенные студенты разбрасывали прокламации. К примеру, в мае 1904 г. неизвестные оставили пачку листовок «Красное знамя или Красный Крест» и «Русско-японская война» на территории Московской шерстоткацкой мануфактуры, в близлежащем лесу и на станции «Кунцево». Несмотря на то что этим делом довольно долго занимался ротмистр Отдельного корпуса жандармов Каневский, виновные найдены не были¹⁵.

В 1904–1905 гг. участились инциденты, связанные с поведением запасных солдат в различных городах России. 25 октября 1904 г. в Москву прибыл из Кадникова эшелон с 1000 запасных солдат. Несмотря на то что все винные лавки на расстоянии 250 саженей от станции были закрыты, а трактиры и пивные лавки охранялись полицией, это не помешало нижним чинам начать беспорядки. Комендант станции направил в Департамент полиции рапорт: «Запасные... пытались ворваться в ближайшую булочную Филиппова, в трактир 3 разряда Федорова, один из запасных начал кидать камни и поленья в окна этого трактира, останавливали проходившую публику с явным намерением нанести оскорбление действием, требовали от встречавшихся легковых извозчиков бесплатного провоза по городу, зашли толпой в трактир Голубева (трактир без продажи крепких напитков), имея с собой водку, которую намеревались здесь распить, набросились на винную лавку в доме Рахманова с целью разгромить ее, били стекла в окнах близлежащих домов, а в трактир Кузнецова кидали камни и порывались разгромить этот трактир»¹⁶. Усмирять бунтовщиков прибыл батальон Троице-Сергиевского 194-го пехотного полка, в результате чего два запасных чина были убиты, шесть ранено.

В город Черкассы 22 июня 1905 г. прибыла партия запасных солдат в количестве 1300 чел. Как сообщал киевский губернатор П. С. Саввич в Департамент полиции, «при приходе поезда многие сидели на крышах вагонов, кричали, танцевали на крышах, большая половина людей была пьяна... Приходилось слышать угрозы про-

тив евреев. Запасные высказывали, что в Киеве запасные из евреев уклонились от явки, что евреи подстрекали запасных не идти на войну и не слушать начальства; некоторые же из запасных высказывали, что они хотят отомстить и за полицию, так как читали в газете, что здесь евреи облили серной кислотой помощника пристава и начальника тюрьмы»¹⁷. Похожая история произошла в Сызрани. Сызранский полицмейстер информировал симбирского губернатора Л. В. Яшвиля: «17 сего мая, среди дня, на станцию «Сызрань» Сызрано-Вяземской железной дороги прибыли с Кавказа по железной дороге и остановились на дневку два эшелона добровольцев из осетин, лезгин и горских татар, в количестве 450 человек, следующих на Дальний Восток, на пополнение Дагестанских и Терских полков... Прибывшая со станции большая толпа горцев, вооруженная палашами, кинжалами и револьверами, стала производить партиями, человек в десять-пятнадцать, буйство и стрелять в дома терпимости»¹⁸. Сотники и есаулы, возглавлявшие добровольцев, были бессильны остановить беззаконие. Пьяные солдаты занялись грабжом и изнасилованиями сызранских проституток. Офицеры с поезда добровольцев сообщили сызранскому полицмейстеру о том, что «нижние чины собраны в горах Кавказа, народ дикий, необузданный, в войсках не служивший и никакого понятия о дисциплине не имеющий, причем почти каждый из них отбывший несколько раз тюремное заключение за разные преступления. Со дня выезда с Кавказа люди их совершили уже несколько преступлений, в том числе убийства, ввиду чего они, командиры, просили свое начальство сделать распоряжение, чтобы эшелоны их не останавливались на дневки ни в городах, ни на станциях железных дорог, а делали бы таковые в полях, но до сих пор такого распоряжения ни от кого почему-то не последовало»¹⁹. Удивительно, что поезд с рецидивистами, безнаказанно совершающими преступления, спокойно путешествовал по стране. Сызранский полицмейстер не решился произвести аресты: двух задержанных солдат отпустили, всем добровольцам были возвращены палаши и кинжалы.

¹⁴ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 124. Оп. 13. Д. 1397. Л. 3.

¹⁵ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 58. Оп. 8. Д. 724. Л. 31.

¹⁶ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 63. Оп. 24. Д. 701. Л. 27.

¹⁷ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 102. Оп. 103. Д. 1 ч. 4 л. Б. Л. 20.

¹⁸ Там же. Д. 1 ч. 41 л. Б. Л. 18.

¹⁹ Там же.

Таким образом, полицейские документы свидетельствуют о разрухе на всех уровнях обеспечения военных действий на Дальнем Востоке. Резервисты, которых отправляли на фронт, превращались в неуправляемые массы бандитов; культурно-массовые мероприятия использовались революционерами в пропагандистских целях; радикальные студенты разбрасывали антивоенные листовки; иностранцы, даже живущие и работающие много лет в России, подвергались перманентным подозрениям и доносам; офицеров запаса, служащих в полиции, забирали в дей-

ствующую армию, чем наносился вред сыскной работе. По мнению большого числа исследователей, военная промышленность не справлялась с запросами фронта: «В 1904 году военные заказы выполняли заказы лишь на 60–70%. По многим позициям русская армия критически зависела от поставок из-за рубежа. За рубежом приходилось заказывать пулеметы, снаряды для скорострельной артиллерии и гаубицы» [9]. Российский флот, как и армия, испытывал серьезные трудности с комплектованием и подготовкой личного состава [10].

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Шевченко Ю.Л., Матвеев С.А., Сусов Р.П. Медицинская помощь раненым и больным в русской армии и на флоте в русско-японскую войну (1904–1905 гг.). *Вестник Национального медико-хирургического Центра им. Н.И. Пирогова*. 2021;16(4):148–154.
2. Овчаров В.В. Военно-санитарные поезда в годы русско-японской войны 1904–1905 гг. *The Newman in Foreign Policy*. 2019;48(92):48–52.
3. Яков Ф. Русско-японская война и ее влияние на ход истории в XX веке. СПб.: Academic Studies Press; 2022. 239 с.
4. Яковлев А.И. Русско-японская война. М.: Вече; 2017. 446 с.
5. Левицкая Т.В. Русско-японская война глазами русской писательницы (дневник и публицистика Н.А. Лухмановой). *Вестник Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина*. 2018;2(59):167–173.
6. Яушкина Н.Н., Абазаев А.Ш. Социально-экономическая политика Николая II до начала русско-японской войны. *Уральский научный вестник*. 2018;3(1):42–43.
7. Кудрявцев И.Г. Борьба на морских коммуникациях в русско-японскую войну. *Вопросы гуманитарных наук*. 2020;5(110):13–18.
8. Шевченко Д. Святой равноапостольный Николай Японский — земляк, современник и единомышленник выдающегося педагога-просветителя XIX века С.А. Рачинского: общность педагогических взглядов. *Рязанский богословский вестник*. 2018;2(18):82–89.
9. Лебедев А.С. Тактические уроки Русско-японской войны. *Modern Science*. 2020;(7–2):82–83.
10. Зубов А.Ю. Подготовка личного состава русского флота в Русско-Японской войне 1904–1905 гг. *Аллея науки*. 2021;10(61):140–143.

REFERENCES

1. Shevchenko Y.L., Matveev S.A., Susov R.P. Medical aid to the wounded and sick in the Russian army and navy in the Russian-Japanese war (1904–1905). *Vestnik Nacional'nogo mediko-hirurgicheskogo Centra im. N.I. Pirogova*. 2021;16(4):148–154. (In Russ.).
2. Ovcharov V.V. Military-sanitary trains during the Russian-Japanese War of 1904–1905. *The Newman in Foreign Policy*. 2019;48(92):48–52. (In Russ.).
3. Jacob F. The Russo-Japanese War and Its Impact on the Course of History in the Twentieth Century. St. Petersburg: Academic Studies Press; 2022. 239 c. (In Russ.).
4. Yakovlev A.I. The Russo-Japanese War. Moscow: Veche; 2017. 446 c. (In Russ.).
5. Levitskaya T.V. The Russo-Japanese war through the eyes of a Russian writer (diary and journalism of N.A. Lukhmanova). *Vestnik Ryazanskogo gosudarstvennogo universiteta imeni S.A. Esenina*. 2018;2(59):167–173. (In Russ.).
6. Yaushkina N.N., Abazaev A. Sh. Socio-economic policy of Nicholas II before the beginning of the Russian-Japanese war. *Ural'skij nauchnyj vestnik*. 2018;3(1):42–43. (In Russ.).
7. Kudryavtsev I.G. Struggle on sea communications in the Russo-Japanese War. *Voprosy gumanitarnyh nauk*. 2020;5(110):13–18. (In Russ.).

8. Shevchenko D. St. Equal-to-the-Apostles Nicholas of Japan — fellow countryman, contemporary and like-minded of the outstanding 19th century educator-enlightener S.A. Rachinsky: commonality of pedagogical views. *Ryazanskij bogoslovskij vestnik*. 2018;2(18):82–89. (In Russ.).
9. Lebedev A. S. Tactical lessons of the Russo-Japanese War. *Modern Science*. 2020;(7–2):82–83. (In Russ.).
10. Zubov A. Yu. Personnel training of the Russian Navy in the Russo-Japanese War of 1904–1905. *Alleya nauki*. 2021;10(61):140–143. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / ABOUT THE AUTHORS

Сергей Владимирович Медведев — кандидат исторических наук, доцент кафедры «История», Российский университет транспорта (МИИТ), Москва, Россия

Sergey V. Medvedev — Cand. Sci. (History), Associate Professor, Department of History, Russian University of Transport (MIIT), Moscow, Russia

<https://orcid.org/0000-0001-6132-0997>

speransky1809@yandex.ru

Егор Евгеньевич Кочетков — кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры «История», Российский университет транспорта (МИИТ), Москва, Россия

Egor E. Kochetkov — Cand. Sci. (Political Sciences), Associate Professor, Department of History, Russian University of Transport (MIIT), Moscow, Russia

<https://orcid.org/0000-0001-7443-8089>

kochetkov.work@gmail.com

Елена Викторовна Бестаева — кандидат политических наук, доцент департамента политологии, Финансовый университет, Москва, Россия

Elena V. Bestaeva — Cand. Sci. (Political Sciences), Associate Professor, Department of Political Sciences, Financial University, Moscow, Russia

<https://orcid.org/0000-0002-2875-2947>

ELVBestaeva@fa.ru

Заявленный вклад авторов:

С.В. Медведев — разработка методологической основы исследования.

Е.Е. Кочетков — определение проблематики, новизны и актуальности исследования.

Е.В. Бестаева — цифровизация архивных материалов и их классификация.

Authors' claimed contributions:

S.V. Medvedev — development of the methodological basis of the research.

E.E. Kochetkov — definition of the issue, novelty and relevance of the research.

E.V. Bestaeva — digitalization and classification of archival materials.

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The authors have no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 10.02.2023; принята к публикации 05.03.2023.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The article was received on 10.02.2023; accepted for publication on 05.03.2023.

The authors read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2023-13-2-135-140
УДК 159.9(045)

Технологии трансляции ценностных установок через продукцию Голливуда в 2000–2023 годах

М.И. Минасов

Финансовый университет, Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

В статье поднимается вопрос об особенностях и динамике восприятия ценностных ориентиров кинопродукции Голливуда в современном мире. На примере культовых фильмов различных режиссеров рассматривается образ идеального героя и общей национальной идеи, которая через кинематограф передается обществу и влияет на массовое сознание с помощью различных средств и технологий. Проводится анализ примеров использования манипулятивных технологий в голливудских фильмах и последствий от данных действий. Также раскрывается аспект коммерческой успешности фильмов и зависимость величины кассовых сборов от мнения кинокритиков, пресс-показов и полученных кинопремий в XXI в.

Ключевые слова: массовое сознание; коммуникация; ценностные ориентиры; национальная идея; кинематограф; Голливуд; окупаемость кинопродукции; политическая повестка

Для цитирования: Минасов М.И. Технологии трансляции ценностных установок через продукцию Голливуда в 2000–2023 годах. *Гуманитарные науки*. 2023;13(2):135-140. DOI: 10.26794/2226-7867-2023-13-2-135-140

ORIGINAL PAPER

Technologies of the Value System Translation through Hollywood Products in 2000–2023

M.I. Minasov

Financial University, Moscow, Russia

ABSTRACT

The article discusses the issue of current value perception and value orientations in Hollywood Animation Industry, especially its features and dynamics. Moreover, the paper provides the analysis of an ideal hero and the national idea concepts that affect the mass consciousness and collective thinking through their representation in the film industry. This analysis is based on cult films of various directors. Examples of manipulative technologies employed in Hollywood films and their consequences are also provided and analyzed. In addition, the article discusses the aspect of the commercial success of films and the dependence of the box office revenue on the opinion of film critics, press screenings and received film awards in the XXI century.

Keywords: mass consciousness; communication; value orientations; national idea; cinema; Hollywood; box office revenue; political agenda

For citation: Minasov M.I. Technologies of the value system translation through Hollywood products in 2000–2023. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2023;13(2):135-140. DOI: 10.26794/2226-7867-2023-13-2-135-140

В современном мире важную роль играют средства массовой коммуникации (СМК). Они являются главными источниками трансляции сообщений и сигналов для общества со стороны элиты. СМК прошли долгий путь эволюции и имеют возможность с помощью различных технических устройств передавать сообщения в самые дальние части нашей планеты и даже за ее пределы, в космос. Газеты, радио и телевидение являются классическими и основными источниками передачи информации. Однако данный список был бы неполным без кинематографа. Приходя в кинотеатр, мы смотрим фильм и порой даже не задумываемся, сколько человек трудились над его созданием. Люди, чьи многочисленные имена и фамилии мы видим в титрах, несколько лет работали над тем, чтобы зритель смог испытать эмоции, стать участником событий, ответить на определенные вопросы и просто насладиться фильмом. Однако главным в съемочной команде является режиссер, который не только определяет структуру всего фильма, но и создает определенные настроения и смыслы, которые будут переданы зрителю в процессе просмотра фильма, а значит, будут воздействовать на его сознание и создавать коммуникацию зрителей и режиссера. По данной теме существует множество публикаций, которые раскрывают феномен воздействия кинематографа на массовое сознание [1–6].

Кинематограф может выступать посредником между государством и обществом. Его, как и СМИ, часто рассматривают в качестве «четвертой власти», обладающей масштабным и многосторонним влиянием на чувства и сознание граждан. Киноиндустрия зачастую старается подстроиться под существующую реальность и выпускает такие фильмы, которые будут необходимы в определенной мировой или локальной (в рамках страны) ситуации. Кроме того, кинокартины, создавая новую реальность, помогают людям абстрагироваться от существующих в мире проблем, оказаться во вселенной, которая существует лишь на экране кинотеатра, выполняя функцию психологической разгрузки для человека. «Что бы ты ни делал в кино, ты всегда выбираешь, что показывать, и в этом смысле все равно манипулируешь зрительным восприятием реальности,

как бы диктуя ему, что реально, а что — нет. В этом смысл кинематографа» [7].

Главной мировой площадкой по созданию кинопродукции является Голливуд — район Лос-Анджелеса, расположенный к северо-западу от центра города, в штате Калифорния¹. Здесь находится множество киностудий, роскошные особняки американских звезд, съемочные площадки и известные достопримечательности. Однако Голливуд особо интересен как важный институт пропаганды определенных ценностей и идеалов при создании кинопродукции, формально он свободен, но в действительности является жестко регламентированной системой, которая должна угодить правящей элите, дать ей возможность заработать денег и сформировать определенные умонастроения у граждан. «Сегодня Голливуд — это мощная машина по перестройке и программированию сознания, где все продумано и осуществляется по четко заданным стандартам. Она представляет собой сложную систему. Заказчиком кино является крупный бизнес, так что ни сценарист, ни режиссер не обладают никакой свободой»². Исключение составляют случаи, когда съемку фильма доверяют очень известному режиссеру, например Кристоферу Нолану или Квентину Тарантину. В такой ситуации мнение одного человека действительно может превалировать над идеями целой корпорации, однако и здесь безграничную свободу творчества им никто дать не осмелится, поэтому зачастую все приходит к компромиссу. Киноиндустрия — это прежде всего бизнес, где главной целью является заработок денег, а создание фильма — довольно трудоемкий и длительный процесс. Необходимо просчитать все риски и сделать фильм как можно более кассовым. Однако для этого недостаточно просто снять хорошее кино, нужно изучить настроения правящего класса, проанализировать общественные запросы и провести рекламную кампанию с использованием различных инструментов воздействия на массовое сознание — т. е. сделать так, чтобы зритель пошел на фильм.

¹ Голливуд — символ киноиндустрии США. URL: https://meet-usa.com/ru/article/gollivud-simvol_kinoindustrii_ssha/ (дата обращения: 10.03.2023).

² Голливуд — история зомбирования народов. URL: <https://goodspb.livejournal.com/1035345.html> (дата обращения: 10.03.2023).

Наиболее значимыми факторами коммерческой успешности фильма в американской киноиндустрии являются следующие:

1. Рейтинг фильма. Грамотно выстроенная информационная политика в преддверии выхода фильма позволяет его создателям спрогнозировать успех. Бывают случаи, когда рейтинг специально занижают по заказу конкурентов. Делается это через СМИ или ангажированных кинокритиков, которых приглашают на закрытые показы.

2. Использование цифровых PR-технологий. Голливуд для продвижения своих кинопроектов активно работает с социологами и психологами, при помощи которых проводятся исследования по эффективности воздействия на массовое сознание. Данный процесс происходит на этапе создания фильма, например чтобы сделать сценарные решения более неожиданными и запоминающимися, а также во время рекламной кампании. Создаются интернет-дискуссии, а на популярные ток-шоу приглашаются актеры и создатели фильма.

3. Контроль государства. Регулирование отрасли осуществляется многочисленными правовыми актами, правительственными агентствами и комиссиями, отраслевыми организациями, ассоциациями и союзами. Отрасль имеет своих лоббистов в Сенате и Конгрессе США. А безопасность авторских прав обеспечивает Международный альянс интеллектуальной собственности (ИПРА), созданный в 1984 г.

4. Политический подтекст. Существенное значение имеют и механизмы «идеологического самоконтроля» производителей фильмов. Американский кинематограф является одним из самых эффективных инструментов публичной дипломатии и пропаганды США не только потому, что он позволяет напрямую «влиять на мышление народов зарубежных стран», но и потому, что среднестатистический представитель массовой аудитории вряд ли подумает о целенаправленности и намеренном характере этого влияния³.

5. Соответствие требованиям кинопремий. Оскар — главная американская кинопремия,

учрежденная в 1929 г. и традиционно вручаемая деятелям киноискусства за их вклад в создание кинофильмов. Церемония награждения проводится ежегодно в Лос-Анжелесе,

---

Кинематограф может выступать посредником между государством и обществом. Его, как и СМИ, часто рассматривают в качестве «четвертой власти», обладающей масштабным и многосторонним влиянием на чувства и сознание граждан. Киноиндустрия зачастую старается подстроиться под существующую реальность и выпускает такие фильмы, которые будут необходимы в определенной мировой или локальной (в рамках страны) ситуации. Кроме того, кинокартины, создавая новую реальность, помогают людям абстрагироваться от существующих в мире проблем, оказаться во вселенной, которая существует лишь на экране кинотеатра, выполняя функцию психологической разгрузки для человека.

се, в театре «Долби», и транслируется в прямом эфире в десятках стран мира. Однако у данной кинопремии в последнее время все чаще возникают проблемы с репутацией. Ее организаторов обвиняют в коррупции, нечестном присуждении кинонаград, чересчур субъективной оценке и т. д. В связи с этим мнение зрителей, а также людей из киноиндустрии разделилось: кто-то бойкотировал вручение кинопремии, осознав, что «Оскар» давно превратился в «политический манеж», где одним из ключевых критериев для вручения премии является не вклад в искусство, а наличие остросоциальной темы, наиболее

³ Американский кинематограф как инструмент публичной дипломатии США. URL: https://www.afjournal.ru/index.php?page_id=303 (дата обращения: 11.03.2023).

актуальной для представителей определенных меньшинств, среди которых ЛГБТ-сообщество, приверженцы феминизма и защиты прав чернокожих. Некоторые же до сих пор считают премию высшей наградой индустрии кинематографа, самой престижной в мире. А, значит, фильм, победивший в данной кинопремии, автоматически становится коммерчески успешным.

Американский кинематограф довольно динамичен в транслировании зрителям определенных норм и ценностей. С начала XXI в. в Голливуде было снято множество фильмов, каждый из которых затрагивал различные темы в обществе. На основе культурологических источников можно выделить следующий список основных американских ценностей: «прямолинейность, индивидуализм и личная свобода, потребительство, демократизм в общении»⁴.

Также в голливудских фильмах прослеживаются определенные паттерны, которые можно интерпретировать следующим образом: женщины умнее и сильнее мужчин, феминизм («Три билборда на границе Эббинга, Миссури», «Опасная игра Слоун»); фильмы со «взрослыми» детьми, которые повествуют о компании несовершеннолетних, способных раскрыть преступление, выполнить ответственное задание, сорвать план главного злодея («Один дома», «Дети шпионов»); отсутствие традиционных семейных ценностей и демонстрация в фильмах неполной семьи, разводов, брошенных детей, свободы выбора, однополых отношений («Красота по-американски», «Детки в порядке»); борьба с расизмом — афроамериканские актеры практически всегда играют положительных персонажей («Зеленая книга», «1+1»); политическая элитарность и демонстрация американцев как сверхнации с лучшими учеными, врачами, военными и техническими разработками («Основатель»); свобода действий и безграничный потенциал каждого индивида общества («Области тьмы»); переписывание истории, когда факты, даты и персоналии видоизменяются, появляется художественный вымысел, добавляются новые подробности, не имеющие ничего общего с реальностью («Гладиатор», «Список Шиндлера»); защита экологии,

активная демонстрация в фильмах возобновляемых источников энергии и экологически чистого и безвредного производства и др.

Голливудские фильмы смотрят во всем мире. А ценности, транслируемые через кинопродукцию, воздействуют не только на американского зрителя, но и на представителей других наций и государств. В этом плане примечательна «русская тема» в американском кинематографе. В постсоветский период она звучала по-разному. Однако в последние годы, в связи с конфликтом между Россией и Западом, она стала сдвигаться в направлении русофобии. В частности, многие голливудские блокбастеры все чаще стали изображать русских злодеями, бандитами, варварами, угрожающими всему цивилизованному миру⁵. Так, например, в фильме «Железный человек 2» (2010 г., реж. Джон Фавро) одним из злодеев является российский ученый-физик Иван Ванко, который мстит главному герою. А в фильме «Довод» (2020 г., реж. Кристофер Нолан) главный антагонист — Андрей Сатор, русский олигарх, который при помощи секретного оружия из будущего хочет уничтожить весь мир⁶. Формирование подобных образов выгодно для американской политической элиты. Воздействие на массовое сознание потенциального электората идет одновременно с политическими действиями Правительства США. И кинематограф в этом плане является одним из наиболее эффективных инструментов пропаганды, ведь далеко не все американцы любят читать новости и получать информацию из СМИ. А кино позволяет через развлекательный формат транслировать идеологические приоритеты и побуждать общество к определенным мыслям, выводам и даже действиям.

Кинематограф является «проводником определенной идеологии» (в широком смысле этого слова, как понимал ее С. Эйзенштейн), т. е. системы мировосприятия, «целого сложного комплекса опыта, знаний, обычаев, традиций, нравов, норм, идеалов, морали, соответствующих конкретному обществу. Кинематог-

⁴ Американский кинематограф и его влияние. URL: <http://conf.omua.ru/content/amerikanskiy-kinematograf-i-ego-vliyanie> (дата обращения: 11.03.2023).

⁵ Почему Голливуд все время изображает русских плохими парнями. URL: <https://profile.ru/culture/movie/pochemu-gollivud-vse-vremya-izobrazhaet-russkix-ploximi-parnyami-137998/> (дата обращения: 11.03.2023).

⁶ 10 самых колоритных злодеев в голливудских фильмах. URL: <https://www.film.ru/articles/10-samyh-koloritnyh-russkih-zlodeev-v-gollivudskih-filmah> (дата обращения: 11.03.2023).

раф во многом ответственен за ценностные ориентации, которые обеспечивают сохранение общества, его структуры и форм жизни». К сожалению, на Западе данная система давно пошла по своему собственному пути, который сейчас представляет предмет дискуссий, новых предложений, а иногда даже осуждений.

Добиться расположения зрителя и внушить определенную идею или ценность можно с помощью различных инструментов воздействия. Одним из наиболее эффективных и простых являются метод многократных повторов с целью внушения («метод Геббельса»)⁷. В серьезной драме Даррена Аронофски «Реквием по мечте» данная технология четко иллюстрируется через ежедневный просмотр телешоу, которое как бы внушает главной героине определенные ценности и идеалы, из-за чего она начинает уходить от реального мира, закликаясь только на этом шоу. На Западе считается, что одной из высших ценностей человечества является возможность быть тем, кем хочется: выглядеть, одеваться, вести себя и идентифицировать в обществе, — поэтому подобные идеи транслируются и через кинематограф.

Еще одним способом внушения определенных ценностных ориентиров является возведение частного в правило. Данная технология активно используется в информационном пространстве в наши дни. Трагедию, произошедшую в финале фильма Клинта Иствуда «Гран-Торино», журналисты могут описать так: «За последний год в районе нашего города участились нападения уличных банд на местных жителей. Вчера вечером зверски

был расстрелян автомеханик, который вступил в конфликт с одной из банд». Данные события нельзя считать причинно-следственной связью. При просмотре кинокартины зритель часто забывает про художественный вымысел и начинает верить всему, что происходит на экране. Особенно это прослеживается в фильмах с припиской «основано на реальных событиях». Определенные эпизоды откладываются у человека в сознании и формируют его картину мира вместе со стереотипами и моделями поведения, которые он потом демонстрирует в обществе.

Сам феномен манипуляции с помощью кинематографа проявляется в широком разнообразии приемов и технологий, используемых Голливудом при создании фильмов. Если в начале развития кинематографа кинокартины манипулировали сознанием общества напрямую, и зритель быстро считывал это, то сейчас выявить манипуляцию стало гораздо труднее. В связи с этим можно утверждать, что возможности воздействия на массы теперь практически неограниченные. Чтобы не стать объектом манипулирования, индивид должен уметь анализировать получаемую информацию. Данная способность очень важна в современном мире, где количество «шума», ежедневно появляющегося в информационном пространстве, растет с каждой новой публикацией. Важная и значимая для общества информация «заглушается» одинаковыми и повторяющимися на разных сайтах фактами, которые притупляют желание узнать об объекте новости поподробнее [8]. Из-за этого массовое сознание, особенно через кинематограф, с легкостью подвергается манипулятивному воздействию для формирования нужного идеологического курса в различных сферах жизнедеятельности общества.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Холмогоров Е. С. Истина в кино. Опыт консервативной кинокритики. М.: Книжный мир; 2018. 640 с.
2. Смит Й. Х. Главное в истории кино. Фильмы, жанры, приемы, направления. Пер. с англ. М.: Манн, Иванов и Фербер; 2021. 224 с.
3. Сегер Л. Скрытый смысл: Создание подтекста в кино. М.: Альпина Диджитал; 2018. 204 с.
4. Мэмет Д. О режиссуре фильма. М.: Ад Маргинем Пресс; 2019.
5. Люмет С. Как делается кино. Пер. с англ. М.: Манн, Иванов и Фербер; 2018. 256 с.
6. Шон Т. Кристофер. Нолан: фильмы, загадки и чудеса культового режиссёра». Пер. с англ. М.: Издательство АСТ; 2023. 384 с.
7. Джармуш Д. Интервью. Пер. с англ. СПб.: Издательский Дом «Азбука-классика»; 2007.
8. Михайлова Я. Д. Социальные функции кинематографа. *Молодой ученый*. 2018;16(202):272–274.

⁷ Методы манипулирования общественным мнением. URL: <https://www.stud24.ru/sociology/metody-manipulirovaniya-obshhestvennym-mneniem/380185-1209177-page2.html> (дата обращения: 12.03.2023).

REFERENCES

1. Kholmogorov E. S. Truth in Cinema. Experience of conservative film criticism. Moscow: Book World; 2018. 640 с. (In Russ.).
2. Smith J. H. The main thing in the history of cinema. Films, genres, techniques, trends. Transl. from Eng. Moscow: Mann, Ivanov and Ferber; 2021. 224 с. (In Russ.).
3. Seger L. Hidden meaning: The subtext in cinematography. Moscow: Alpina Digital; 2018. 204 с. (In Russ.).
4. Mamet D. On directing film. Moscow: Ad Marginem Press; 2019. (In Russ.).
5. Lumet S. How film is made. Transl. from Eng. Moscow: Mann, Ivanov and Ferber; 2018. 256 с. (In Russ.).
6. Sean T. Christopher. Nolan: films, mysteries and wonders of the cult director. Translated from Eng. Moscow: AST Publishers; 2023. 384 с. (In Russ.).
7. Jarmusch D. Interview. Transl. from Eng. St. Petersburg: Publishing House "ABC-classica"; 2007. (In Russ.).
8. Mikhaylova Y. D. Social functions of cinematography. *Molodoj uchenyj*. 2018;16(202):272–274. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / ABOUT THE AUTHOR

Михаил Игоревич Минасов — студент 4-го курса факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет, Москва, Россия

Mihail I. Minasov — 4th year undergraduate student, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University, Moscow, Russia

<https://orcid.org/0009-0009-1567-9494>

minasovmi@gmail.com

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The author has no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 15.03.2023; принята к публикации 30.03.2023.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The article was received on 15.03.2023; accepted for publication on 30.03.2023.

The author read and approved the final version of the manuscript.